

Морган Хауэлл Дочь клана

Королева орков – 2

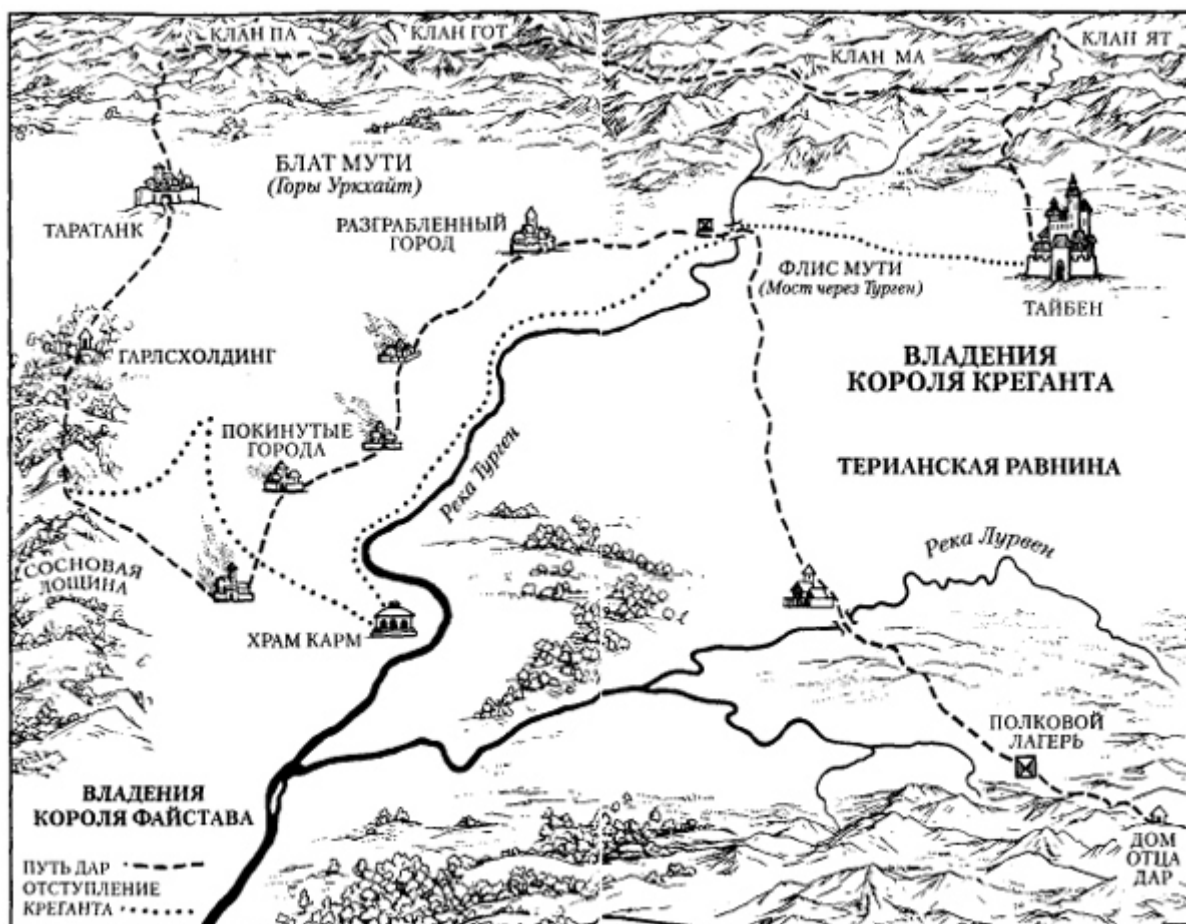

Вычитка — Zavalery <http://www.oldmaglib.com>
«Дочь клана»: Эксмо, Домино; М., СПб.; 2009
ISBN 978-5-699-37646-9

Аннотация

Во все времена самый жестокий удар в бесконечных войнах, которые ведут между собой земные владыки, принимают на себя орки. Ибо орки не отступают, среди них нет предателей и одна только смерть способна помешать их победе. К несчастью, этим благородным качеством оркских ратников люди пользуются в своих нечистоплотных расчетах. И вот в очередной раз орки стали жертвами человеческого коварства, и после сражения, данного королем Крегантом своему соседу королю Файставу, от их отряда в живых остались всего несколько воинов. Теперь, чтобы вернуться на родину, им нужно преодолеть долгие мили по враждебным землям людей. Единственная надежда на Дар, которая своей добротой заслужила доверие этих замкнутых по природе существ.

**Морган Хауэлл
Дочь клана**

Эта книга посвящается Мэри Джемисон, Тенар и Кэрл Хаббел

*Твой запах остался
И напоминает о тебе,
Хотя ты и странствуешь
От нас вдалеке.*

Погребальная песнь уркзиммути

1

Три ночи тяжкого пути охладили гнев Дар. По зрелом размышлении она пришла к выводу, что ее будущее мрачно.

«Одна женщина и пятеро орков, — думала она, — в глубине вражеских земель. Я обещала отвести их домой, но не знаю дороги».

Однако Дар не жалела о том, что уговорила орков дезертировать. Король-человек предал их всех. Оркские полки были безжалостно перебиты, погибли и женщины, находившиеся в услужении у орков. Даже Тви не пощадили. Стоило Дар вспомнить лицо убитой девочки, как она впадала в тоску.

День клонился к вечеру. Дар не спала, а орки еще дремали. Сидя небольшим кругом, они напоминали каменных идолов и выглядели на удивление безмятежно. Дар завидовала способности орков так легко засыпать. Сама она, несмотря на страшную усталость, спала только урывками. Дар разглядывала лица орков, и они больше не казались ей чужими и враждебными. Ковок-ма спас ей жизнь и приютил, когда она стала отверженной. Дут-ток,

Лама-ток и Варз-хак были ей совсем не знакомы. Двоюродный брат Ковока, Зна-ят, дважды пытался убить ее.

Глядя на огромных орков, Дар все еще изумлялась тому, что стала их предводительницей. Но именно она выбрала путь для побега. Именно она решила передвигаться ночью, «когда вашавоки не могут видеть». Орки женского пола, которых всегда называли матерями, пользовались поклонением среди уркзиммути. Покуда спутники Дар считали ее матерью, ей тоже поклонялись и уважали ее. Вот почему она вела орков за собой, хотя и спотыкалась в темноте.

Дар и орки пока находились посреди холмов, хотя и успели уйти довольно далеко от того места, где была устроена засада и произошел бой. По крутым, поросшим лесом склонам идти было непросто, зато здесь было безопаснее, чем на равнине. Пока они не встретили никого. На холмах было пусто, здесь только росли корявые деревья, и их стелющиеся по земле нижние ветви заглушали шаги. Странствие утомило Дар. Ее руки, ноги, лицо покрылись царапинами, босые ноги были сбиты в кровь, болел пустой желудок. Из-за этой ее слабости путешествие становилось еще более изнурительным, особенно если учесть, что она изначально была готова к длительному пути хуже орков. Горы Уркхайт, цель их странствия, находились на севере, вот и все, что было известно Дар. Орки дорогу не знали — так же как и она.

Единственным, что утешало Дар, было то, что за ее клейменую голову никто не мог получить награды во владениях короля Файстава.

«Но это не поможет мне, если меня поймают вместе с орками», — с тоской поддала девушка.

Их окружали враги, так что оставалось только прятаться, но орки не любили хитрых уловок. Дар стоило больших трудов уговорить их избегать проезжих дорог. Если бы Ковок-ма не пошел за ней, остальные вряд ли решились бы на это. Но хотя Ковок-ма и поддерживал ее решения, Дар очень сомневалась, что он понимает их суть.

Так и не сумев заснуть, Дар решила разведать дорогу. Она поднялась по склону на вершину холма, где деревья уже не росли — там были голые скалы. Вершина оказалась последней возвышенностью, откуда для Дар открылся вид на лежащую впереди долину. Ближайшие окрестности окутывал туман, и Дар не увидела никаких гор.

Судя по всему, эта местность была густо населена. Клетчатым одеялом раскинулись поля, сады и рощи. Все они были обнесены темно-зелеными живыми изгородями. На ближайшем пригорке расположился небольшой городок, окруженный невысокой стеной. Дар заметила и другие жилища, разбросанные по полям и садам. Ей стало не по себе, когда она представила, сколько недружелюбных глаз могут увидеть ее и орков в этих краях. Она попыталась придумать, каким путем пойти, но тут из кустов вышел Ковок-ма.

— Почему ты ушла? — спросил он по-оркски.

— Посмотреть дорогу, — ответила Дар на том же языке. Она уже привыкла говорить на нем, словно это было ее родное наречие. Она пригляделась к Ковоку и многое поняла по выражению его лица, — хай, будет много вашавоки.

— Значит, придется много драться.

— Тва, — покачала головой Дар, — их будет слишком много. Мы должны пройти незамеченными.

— Значит, будем идти ночью?

— Этого мало, — сказала Дар, — вы не должны выглядеть как уркзиммути.

Ковок-ма скривил губы в усмешке.

— Ты владеешь волшебством? Как ты нас изменишь?

— Вы сами себя измените, — сказала Дар, — снимите ваши железные одеяния и говорите тихо или не говорите вовсе. Я принесла плащи, которые взяла у убитых солдат-вашавоки. Теперь вы должны будете носить их.

Ковок-ма озадаченно посмотрел на девушку.

— Но мы все равно останемся уркзиммути.

— В темноте вашавоки могут ошибиться, — сказала Дар. Она видела, что Ковок-ма пытается понять ее замысел, — вашавоки не ожидают увидеть уркзиммути в своих краях. Они могут не понять, кого они видят.

Ковок-ма немного подумал над словами Дар.

— После боя, — сказал он, — я говорил, что мне нужна твоя мудрость, что я буду к ней прислушиваться. Я не передумал.

— А остальные тоже будут ко мне прислушиваться?

— Они последуют моему примеру.

— Плащи пахнут вашавоки, — сказала Дар, — я знаю, Зна-ят будет против.

— Хай, я тоже так думаю.

— Но все равно ему придется надеть плащ.

— Он поклялся идти за мной, поэтому я смогу заставить его, если ты этого хочешь.

— Я этого хочу, — сказала Дар.

Если ее план сорвется и орки подвергнутся нападению, они очень пожалеют, что отказались от своих доспехов. Она устало уселась на камень, понимая, что ее замысел грозит жизни орков.

Ковок-ма почувствовал смятение Дар и положил руку на ее плечо. Она поразилась тому, насколько бережным и легким было его прикосновение.

— Я рад, что ты ведешь нас.

Дар вздохнула.

— Я не привыкла командовать.

— Матери подобает вести сыновей и направлять их.

«Наверное, такое есть только у орков», — подумала Дар и сказала:

— Все равно это для меня непривычно. Я боюсь наделать ошибок.

— Когда почувствуешь сомнения, вспоминай о том, что тебя направляет Мут ла.

— Правда? — невесело проговорила Дар, — я провидела большое сражение и смерть Маленькой Птички, но не смогла помешать ни тому, ни другому. Что толку от таких видений?

— Я на твой вопрос ответить не могу.

— Мут ла нова для меня, но не для тебя, — возразила Дар, — что ты можешь рассказать мне о ней?

— Возможно, она готовит тебя.

— К чему?

— Не знаю, — ответил Ковок-ма, — но думаю, ты будешь знать об этом, когда придет время.

— Надеюсь, ты прав.

— Когда у меня есть сомнения, я слушаю свое сердце, — сказал Ковок-ма, — вот почему я стану носить плащ вашавоки.

— Из-за Мут ла?

— Тва. Из-за тебя. С тобой я чувствую себя в безопасности.

Дар изумленно уставилась на Ковока, который выглядел так устрашающе, и стала размышлять над его словами. Орк не мог лгать. И как ни странно было это слышать от него, он говорил правду. Она давала ему чувство защищенности. Мысль о том, что на такое способна женщина, противоречила всему, чему всегда учили Дар. Она не удержалась от улыбки, потому что это было и очень непривычно, и очень приятно.

2

Ковок-ма ушел в лес на поиски чего-нибудь съедобного, а Дар осталась на вершине холма, чтобы получше осмотреть окрестности и выбрать дорогу. Когда солнце опустилось к самому горизонту и по земле начали красться длинные темно-синие тени, Дар услышала тихие шаги. Орки вышли из-за деревьев, держа в руках грибы, кажущиеся крошечными в их

массивных ручищах. Положив грибы перед Дар, они набрали сучьев и небольших камней и создали из них круг, именуемый «Объятия Мут ла». Дар тем временем разделила грибы на шесть кучек и подождала, пока орки присоединятся к ней внутри священного круга. Как только они все уселись, она нараспев произнесла по-орски:

— Пища — дар Мут ла.

— Шашав, Мут ла, — хором отозвались орки.

Дар раздала им скудный ужин. Потом и она, и орки молча ели. Дар понимала, что оркам такая еда нравится не больше, чем ей, потому что грибы были жесткие и безвкусные и они не утоляли голод, а только усиливали его. Ковок-ма подождал, пока все доели грибы, а потом сказал:

— Я говорил с Даргу о том, что ждет нас впереди.

Другие орки устремили, как и он, взгляд на темнеющие леса.

— Когда-то наши предки жили там, — сказал Лама-ток, — это уркиммути обнесли каменной стеной жилища вашавоки.

Дар более пристально взгляделась в городок на холме. Она уже успела обратить внимание на то, что стена вокруг городка замыкается в кольцо, но не придавала этому особого значения. После слов Лама-тока она постаралась получше рассмотреть каменную кладку, но в сумерках стена выглядела для девушки серой тенью, и только.

— Там мало деревьев, — сказал Варз-хак.

— Хорошо, — буркнул Зна-ят, — устал я прятаться.

— Слишком много будет вашавоки, с которыми нам придется сражаться, — сказал Ковок-ма, — мы должны пройти по этим землям незамеченными.

— Как же мы сумеем? — спросил Дут-ток, — наверняка кто-то нас увидит.

— Мы заставим вашавоки видеть нас, но не понимать, кто мы такие, — сказал Ковок-ма, — мы не станем носить тяжелые одежды смерти, а наденем плащи, которые принесла Даргу. Будем продвигаться вперед ночью, будем прятать оружие под плащами, по дороге будем молчать.

Зна-ят подозрительно уставился на двоюродного брата.

— Говоришь ты, это я слышу, — сказал он, — но ты говоришь словами Даргу.

— Хай, и ты слышишь мудрые слова.

— Если мы напьем плащи вашавоки, ничего не изменится! — заявил Зна-ят, — если вашавоки нас увидят, нам придется закрыть их глаза нашими мечами.

— Это не приведет нас домой, — возразила Дар.

— Это не твой дом, — проворчал Зна-ят, — почему ты хочешь попасть туда?

— Туда посылает меня Мут ла, — ответила Дар.

— Я думаю, что твои слова похожи на плащи, которые ты предлагаешь нам надеть, — сказал Зна-ят, — под ними таится что-то другое.

У орков не было слов «лжец» и «лгунья», но Дар поняла, в чем ее хочет обвинить Зна-ят. По всей видимости, Ковок-ма это тоже понял. Он вскочил на ноги.

— В твоих речах нет мудрости.

Дар взволнованно наблюдала за Зна-ятом, опасаясь, что тот встанет и вызовет Ковока на поединок. Но он удивил ее: покорно склонил голову.

— Если так, — проговорил он, — я должен познать мудрость Даргу.

Кроткий ответ Зна-ята не унял опасений Дар, но Ковока он вполне удовлетворил.

— Хорошо, — сказал он, — снимите свои доспехи. Я принесу мешок с плащами.

Ковок-ма отправился за плащами, а орки начали снимать доспехи. Под кольчугами они носили короткие рубахи и штаны, не слишком сильно отличающиеся от тех, что надевали солдаты-люди. Обувались орки в тяжелые сандалии. Зна-ят, первым снявший доспехи, подошел к Дар.

— Сын брата моей матери не понимает, каковы вашавоки, — объявил он, — а я понимаю, — с этими словами он схватил Дар за плечи и, притянув ее к себе, наклонился и принюхался к ее лицу. Отпустив Дар, он едва заметно растянул губы в усмешке, — запах

моей крови исчез.

Дар постаралась ничем не выдать страха и промолчала. Она стала готовиться к ночному походу. Первым делом она прибрала на вершине холма, чтобы там не осталось ни следа от «Объятий Мут ла». Затем она старательно спрятала доспехи орков. Вернулся Ковок-ма и принес плащи и пожитки Дар: кое-что из того, что ей удалось подобрать на месте побоища, — второй кинжал, бурдюк с водой и заплечный мешок.

Когда стемнело, Дар и орки начали спускаться с лесистого холма. Шагая в темноте, Дар размышляла над словами Зна-ята. Было ясно, что объявленное им самим перемирие кончилось. Но что он собирается теперь делать? Дар оглянулась через плечо. Зна-ят сейчас был всего лишь тенью среди других теней. Если бы он пожелал, он бы смог без труда прикончить ее под покровом мрака.

«Что же останавливает его? — подумала Дар и сама себе ответила: — Ковок-ма».

Дар была уверена: Зна-ят не боится Ковока. Насколько она могла судить, орки вообще бесстрашны. Скорее всего, Зна-ят сдерживался из любви к двоюродному брату.

«Значит ли это, что мне нечего опасаться?» — гадала Дар.

Слова Зна-ята насчет «мудрости Даргу» содержали, как казалось Дар, зловещий намек. Дар задумалась о том, что же такое «ее мудрость». Ее можно было описать только словами из языка людей. «Хитрость». «Ловкость». «Изворотливость». Дар решила, что Зна-ят намекнул, что не станет нападать на нее открыто, но станет действовать как вашавоки. И все же мысль о том, что орк может опуститься до хитрости и предательства, не укладывалась в голову у Дар.

«Но так ли хорошо я знаю орков?» — спрашивала себя она.

Севрен и Валамар спешили в темноте и стали ждать, пока в лагере все стихнет. Валамар первым крадучись пошел вперед. Когда Севрен решил, что другу ничто не угрожает, он повел Всполоха к стойлам. Как он и надеялся, в остатках войска короля Креганта пока царил беспорядок. Только несколько орков уцелели. Понесли нешуточные потери и люди. Увидев приближающегося к ним королевского гвардейца, дозорные и не подумали спросить, где он был.

Севрен привязал жеребца, вычистил его скребницей и накормил, а уж потом отправился искать для себя место, где бы поспать. Только он успел задремать, как кто-то пнул его сапогом в бок. Севрен поднял голову и увидел, что рядом стоит мердант Крон.

— Я тебя в патруль не отправлял. Где тебя носило?

Севрен не ответил.

— Не ответишь — прикажу выпороть тебя, хоть ты и родом из этих краев. Ты что, грабил убитых?

— Ты меня знаешь, — ответил Севрен, — так что знаешь и ответ.

— Хочу, чтоб ты сам сказал. Судя по тому, как выглядит Всполох, путь у тебя был не близкий. Побывал на месте боя?

— Ну да, я был там. Но не для того, чтобы грабить убитых. Я исполнил клятву.

— Это ты про девчонку и оркскую шлюху?

— Да.

— А как насчет твоей клятвы нашему королю? Ты его гвардеец. Ему нужно, чтобы ты находился рядом с ним.

— Я знаю, каково наказание за уход из лагеря. Я готов принять порку.

— Это ни к чему, — сказал мердант Крон, — это останется между нами, если ты пообещаешь мне, что такое больше не повторится.

Севрен вздохнул.

— Не повторится. Она пропала.

— Я бы и сам тебе сказал, что она мертва. Не стоило своей шкурой рисковать.

— Только Тви погибла. Я нашел место, где Дар ее схоронила.

— Хочешь сказать, что оркская шлюха осталась в живых?

— Да. Она выжила и бежала вместе с орками.

— Если так, то она полная дура. Далеко ей в такой компании не уйти, — мерданти Крон покачал головой, — тебе всегда нравились странные бабы, но она была самой странной. От нее одна беда была.

— Она не сама на себя беды навлекала.

— Я разное слышал... Но — ладно. Забудь ее, как я забуду тебе сегодняшнюю ночь.

— Больше я не уйду, — пообещал Севрен, — смысла нет.

— Ладно. Мне надо, чтобы ты был в полном порядке, а не выпоротый. Скорей всего, нам еще предстоят сражения.

— Ясное дело. Зная нашего короля, в этом можно не сомневаться.

После трудного спуска по крутым склонам Дар и орки подошли к краю леса. Перед ними лежал луг, озаренный полной луной. Ее свет позволял даже Дар все видеть хорошо.

— Такой свет поможет нашим врагам, — сказала она, — дайте-ка я проверю, хорошо ли на вас сидят плащи.

Орки остановились. Дар повязала себе лоб повязкой, чтобы скрыть клеймо, затем занялась одеждой орков. Чтобы спрятать их лица, она натянула им на головы капюшоны, а потом поплотнее запахнула полы широких плащей. Надетые на мужчин, эти плащи касались кромкой земли, а у орков кромка доходила только до середины икры. Только в темноте кто-то мог обмануться и принять этих великанов за людей.

— Вам следует идти в тени, — сказала Дар.

— Покажи нам дорогу, — негромко проговорил Ковок-ма.

Дар огляделась по сторонам, пытаясь сообразить, в каком направлении идти. Путь, намеченный ею, когда она озидала окрестности, стоя на вершине холма, здесь, внизу, не был виден. Тем не менее Дар уверенно направилась к живой изгороди.

— Идите за мной, — сказала она.

Оки подошли к живой изгороди — меже, образованной высокими густыми колючими кустами. Рядом с изгородью пролежала узкая тропинка. С вершины холма Дар заметила, что возле изгороди лежит целая сеть тропинок, и она решила идти по ним, избегая больших дорог. Она взглянула на звезды, чтобы определить, в какой стороне север, и выбрала тропу, ведущую на северо-восток.

Извилистый путь, выбранный Дар, провел ее орков мимо лугов, садов и полей, покрытых свежими всходами. Она все время шла по ту сторону от живой изгороди, где лежала тень, и если тропа выводила к жилищу, Дар возвращалась назад и находила другую тропу. Из-за этих предосторожностей они продвигались медленно, но чем дальше, тем быстрее шагала Дар. Вскоре стало казаться, что весь окрестный мир уснул.

Было уже далеко за полночь, когда неожиданно на тропинку от изгороди кто-то вышел. Дар замерла. Это была женщина в платье до пят. Дар ясно видела ее. На голове у женщины блестел тонкий металлический обруч. Густые темные волосы причудливо обрамляли ее лицо. Светлые глаза, высокий и широкий лоб, маленький подбородок в темных пятнышках. Женщина шагала деловито и, казалось, не замечала Дар и орков. Но как только Дар дала оркам знак остановиться, женщина вдруг тоже остановилась и пристально посмотрела на Дар.

— Почему мы остановились? — шепотом спросил Ковок-ма.

Дар не успела ему ответить. Неожиданно женщина произнесла:

— Науг нав тер? («Где ты?»)

Удивленная тем, что женщина обратилась к ней по-оркски, Дар ответила на том же языке:

— Не знаю.

Ковок-ма, словно Дар ответила на его вопрос, спросил у нее:

— Так стоит ли нам идти дальше?

Дар обернулась и шепнула:

— Эта женщина видит нас.

— Какая жен-счина? — спросил Ковок-ма.

Дар отвернулась от него и указала вперед. На тропе было пусто. Дар подошла к тому месту, где только что стояла женщина, и стала смотреть по сторонам, пытаясь понять, куда та подевалась.

— Она была вот здесь. Разве ты ее не видел? Она спросила у меня, где я.

— Я ничего не видел, — сказал Ковок-ма, — и ничего не слышал.

— Как же это могло быть?

— Во время Нуф Бахи являются видения.

Дар, похолодев от страха, поняла, что женщина была не из плоти и крови.

«Вот почему только я ее видела», — догадалась Дар, очень жалея о том, что это случилось.

Все ее прежние видения предсказывали смерть, и она боялась, что это видение — тоже к чьей-то смерти. Особенно ее насторожили слова женщины.

«Ведь я совсем не знаю, где я. Я заблудилась», — подумала Дар, и ей вдруг захотелось признаться в этом оркам.

Но когда она повернулась к ним лицом, то увидела, как на нее смотрит Зна-ят, и передумала.

«Он ищет слабость во мне», — осознала она и, немного поразмыслив, наконец сказала:

— Мои глаза плохо видят в темноте. Но Мут ла посылает мне знаки.

3

Видение Дар каждый из орков воспринял по-своему. Это было видно по их лицам. Дут-ток был зачарован. Лама-ток явно забеспокоился. Варз-хак, похоже, испытал и то и другое чувство. Зна-ят смотрел на Дар с уверенностью того, кто видит лжецов и притворщиков насквозь. Сложнее всего Дар было определить, что чувствует Ковок-ма. Скорее всего, это была тревога пополам с изумлением.

Но при том, что орки своих чувств не скрывали, они их и не выказывали. Голос подал только Ковок-ма. Он заговорил так, будто Дар всего-навсего остановилась, чтобы отдохнуть.

— Ты готова идти?

Дар сделала глубокий вдох.

— Хай.

В ту ночь у нее больше не было видений. Дар продолжала вести орков, но ее не покидало волнение человека, который заблудился. Путь она могла определять только по звездам и шла на север в надежде, что там окажутся горы. Луна приблизилась к линии горизонта, небо становилось темнее. Видеть становилось все труднее, но из-за этого отступала тревога Дар, что их заметят. На смену тревоге пришло чувство голода. Когда они шли по холмам, то искали ягоды, грибы и корни днем. В местах, где повсюду живут люди, это было бы рискованно. Здесь нужно было каким-то образом раздобыть пропитание ночью. Тем не менее Дар ни разу не остановилась, когда они миновали поля, потому что на них только-только появились всходы, как и на огородах у домов. Наверняка крестьяне сейчас питались плодами предыдущего урожая. Попытка ограбить кладовую была бы опасна, и Дар надеялась, что им представится какая-то другая возможность.

Когда небо на востоке начало светлеть, появилась более насущная задача: нужно было как можно скорее разыскать укрытие. Дар стала искать глазами подходящее место, но луна уже ушла за горизонт и все вокруг стало темно-серым и черным. Она обратилась к Ковоку:

— Мы должны отдохнуть там, где нас не найдут.

Ковок-ма понюхал воздух.

— Много вашавоки ходят этим путем.

Дар указала на темное пятно вдалеке:

— Что там?

— Деревья, — ответил Ковок-ма.

— Быть может, это место нам подойдет, — сказала Дар, свернула с тропы и направилась к темнеющему впереди пятну. С трудом пробираясь по высокой траве, она с горечью думала, чего лишена.

«Я плохо вижу в темноте, а запахи чувствую плохо и днем и ночью».

Только преодолев половину пути через луг, Дар сумела разглядеть деревья.

— Помоги мне, Ковок-ма, — попросила Дар, — ты должен стать моими глазами и носом. Я ищу место, где вашавоки не увидят нас. Какое-то место, куда они редко приходят.

— Я понимаю.

Когда они подошли к опушке рощи, Дар спросила Ковока, что он думает насчет этого укрытия. Ковок-ма остановился, огляделся по сторонам и принял.

— Через деревья ведет дорога. Я чую запах свежесрубленных деревьев. Вашавоки часто сюда навешиваются. Их запах свежий и сильный.

Приближался рассвет. Дар со все возрастающим отчаянием озидалась по сторонам. На глаза ей попались заросли кустов. Она пошла к ним. Орки последовали за ней. Подойдя к кустам ближе, Дар узнала выгнутые дугами плети и плотную листву лесной ежевики. Ягоды, конечно, еще были зеленые, поэтому вряд ли бы кому-то пришло в голову лазить по кустам.

— Тут мы будем в безопасности, — сказала Дар, указав на заросли ежевики, — если поблизости будут проходить вашавоки, они нас не заметят.

— А если заметят? — спросил Дут-ток.

— Сидите тихо, тогда не заметят, — сказала Дар.

— Ты не ответила на вопрос, — заметил Зна-ят.

— Каждый, кто увидит нас, должен умереть, — сказала Дар, — но как только мы начнем убивать вашавоки, они сбегутся, как муравьи, и не успокоятся, пока не перебьют нас всех.

— Даргу говорит мудро, — сказал Ковок-ма, — в бою было именно так.

Орки знаками выразили согласие — даже Зна-ят.

Когда Дар поняла, что вопрос решен, она начала торопливо пробираться к середине зарослей ежевики. Но как она ни старалась беречься от шипов, у нее это не получалось. Шипы кололи ее босые ступни, царапали руки и ноги, рвали платье.

— Стой, — сказал Ковок-ма.

— Почему? — спросила Дар.

Ковок-ма ничего не сказал. Он шагнул в кусты и поднял Дар над ветвями. Затем он прошел к середине зарослей ежевики и вытоптал там место, куда опустил Дар.

— Ты не должен был этого делать, — сказала она.

— Я почувал боль, — сказал Ковок-ма.

Остальные орки следом за Ковоком вошли в кусты. Казалось, им шипы вовсе не досаждают. Оказавшись в середине зарослей, они расчистили побольше места и уселись на землю. Верхние ветки оказались на несколько футов выше голов орков, они заслоняли вид на луг и дорогу. Почти мгновенно орки закрыли глаза и заснули. Дар тоже стала искать себе место для сна. Ковок-ма снял плащ и, свернув его, положил себе на колени.

— Отдохни тут, — сказал он, похлопав по плащу, — там, где спала Маленькая Птичка, нет шипов.

Дар с сомнением посмотрела на орка.

— Я больше Маленькой Птички.

— Ненамного.

Дар сделала шаг назад и поморщилась от боли. Шип впился ей в пятку. Пытаясь вытащить его, она не устояла на ногах и упала на руки к Ковоку.

— Не лучше ли лежать здесь, чем на шипах и земле? — спросил Ковок-ма.

— Мне нужно больше места.

— Если сядешь как следует, хватит тебе места.

Он ухватил Дар за талию, легко приподнял ее и усадил спиной к себе.

— Никогда не спала сидя, — призналась Дар, — я упаду и ударюсь лицом.

— Я буду держать тебя, не упадешь, — успокоил ее Ковок-ма и обхватил могучими руками. Дар положила голову ему на руку.

В первый момент Дар не знала, как это принять. Если бы подобное сделал мужчина, Дар бы попыталась вырваться. Но прикосновения Ковока были совсем другими. У Дар вдруг возникли воспоминания о том, как мать ласкала ее, держа на коленях. Она расслабилась, и вскоре ее охватила дремота.

— Ты хорошо вела нас, — сказал Ковок-ма тихо, почти шепотом, — ты спи, а я побуду в дозоре.

Дар закрыла глаза, но царапины, нанесенные шипами, все еще саднили.

— А как пахнет боль? — спросила она.

— Немного трок, но мулфи.

— Я не поняла, что ты сейчас сказал.

— Трок — это сильный запах после того, как с неба бьет огонь. Мулфи — это запах черного ила у реки.

Дар попыталась представить себе сочетание этих запахов.

— Фу! Ты уверен, что хочешь, чтобы я сидела у тебя на коленях?

Ковок-ма негромко зашипел — так он смеялся.

— Запахи, говорящие про чувства, не считаются приятными или неприятными.

— Значит, запах боли не противный?

— Тва, — ответил Ковок-ма.

— О чем еще говорит мой запах?

— О том, что ты храбрая.

— Ты можешь почуять храбрость?

— Тва, — ответил Ковок-ма, — но я могу почуять запах страха. Он не остановил тебя. Это храбро.

— Я не храбрая, — возразила Дар, — храбрость — это когда страха совсем нет.

— Если бы это было так, только дураки были бы храбрецами. Ты выбрала опасный путь, поэтому многого бояться мудро.

— Ты тоже боишься?

— Я же не дурак.

— А я думала, что уркзиммути бесстрашны.

Ковок-ма снова тихонько зашипел.

— Ты так думаешь потому, что плохо чуешь запахи.

Дар спала без сновидений. Ее разбудил звук голосов. Она посмотрела на солнце. До полудня было еще далеко. Дар огляделась по сторонам. Она увидела только неподвижно сидящих орков и освещенную солнцем листву. Сидя на коленях у Ковока, она не могла понять, спит он или нет, хотя догадывалась — не спит. Остальные орки проснулись. Варз-хак вопросительно посмотрел на Дар. Дар знаком велела ему молчать.

Голоса зазвучали громче, и наконец Дар смогла уловить отдельные слова. Похоже, две женщины собирали хворост и болтали. Дар изо всех сил старалась сохранять спокойствие. Голоса приближались. Ковок-ма медленно передвинул руку к рукояти меча. Совсем рядом хрустнул сучок. С часто бьющимся сердцем Дар ждала какого-то знака, что их заметили. Но никаких знаков не было. Голоса постепенно начали стихать. Невидимые женщины удалились. Дар расслабилась. Ковок-ма разжал пальцы на рукояти меча.

Потом Дар опять задремала — и снова проснулась, услышав голоса еще нескольких людей. Она напряженно ждала, когда люди уйдут, но они не ушли, а через некоторое время к ним присоединились еще несколько человек. Стало ясно, что в эту рощу часто заходят окрестные жители. Шум и голоса звучали весь день. Один раз к месту, где прятались Дар и орки, подошел ребенок — да так близко, что Дар слышала, как он ступает по траве. Казалось, он всего в паре шагов от зарослей ежевики. Шум и голоса стихли только ближе к закату. К

этому времени сидеть неподвижно стало настоящим мучением. У Дар ныло все тело, разболелся пустой желудок.

Когда наконец стемнело, Дар и орки покинули свое колючее убежище. Тучи закрыли луну, и было темнее, чем в предыдущую ночь. Дар снова пошла первой, но в выборе дороги она полагалась на острое зрение и нюх Ковока. Они часто перешептывались. Шло время, и мало-помалу Ковок все лучше отыскивал самый потаенный путь. Дар одобрительно улыбнулась, когда Ковок-ма разглядел крестьянскую хижину, которая для нее в этот момент еще оставалась невидимой.

— Ты становишься волком, — сказала Дар.

Ковок-ма улыбнулся в ответ, обнажив свои изрядно посветлевшие зубы.

— Зубы у меня уже волчьи.

Дар сразу пожалела о том, что у них нет с собой семян вашутхахи, благодаря которым зубы чернеют.

— А мои зубы все еще красивые? — спросила она, надеясь, что у нее зубы не так побелели, как у Ковока.

— Тва, — ответил Ковок-ма.

Дар вздохнула. Она знала, что слово «вашавоки» имеет отношение к белым собачьим зубам.

Ковок-ма догадался, чем вызван вздох Дар.

— У тебя сердце уркзиммути, — сказал он, — это важнее зубов.

Дар и орки провели наступивший день, спрятавшись в сыром подполе разрушенного дома. Никакой еды здесь не оказалось, и от голода ослабели даже орки. Все дремали до наступления темноты. Дар проснулась в тоске — ей приснилась Тви. Сон не принес ей облегчения. Небо затянули тучи, лунный свет сквозь них почти не проникал. Когда они тронулись в путь, было настолько темно, что Дар решила: можно не искать тропинки, ведущие вдоль живой изгороди. Она решила рискнуть и выйти на проезжую дорогу. Дорога вела прямо на север, и она была уверена, что орки своими зоркими глазами заметят любого встречного быстрее, чем она.

По дороге шагать было легче и быстрее, но голод замедлял продвижение. Они проходили по полям, поросшим всходами, по садам, где на ветках висели маленькие зеленые плоды, но ничего съедобного не находили. Время от времени они набредали на отдельно стоящие дома и уходили с дороги подальше от людских жилищ. Когда они сошли с дороги в очередной раз, Дар остановилась.

— Ковок-ма, — сказала она, — пойдем со мной.

Они проходили через рощицу, примыкающую к крестьянской усадьбе. Дар подвела Ковока к опушке рощи, чтобы он смог увидеть дом, стоящий на другом краю поля.

— Посмотри хорошенько на все, что есть рядом с этим домом, — сказала Дар, — не видишь ли ты... — она запнулась в поисках подходящего оркского слова для того, чтобы сказать: «землянка».¹ Так и не найдя нужного слова. Дар решила попробовать объяснить, что имеет в виду, — я ищу домик, вырытый в земле, — земляную горку с дверью. Вашавоки хранят там еду.

Ковок-ма взгляделся в темноту.

— Я вижу горку с дверью, — сообщил он и показал направление.

Дар всмотрелась туда, куда указывал орк, но в темноте с трудом увидела даже крестьянский дом.

— Я не вижу, — призналась она, — расскажи, где эта горка.

— Я отведу тебя туда.

— Тва, — покачала головой Дар, — тебя не должны увидеть.

---

¹ Имеется в виду земляной погреб за пределами дома.

Ковок-ма заметил, что запах страха, исходящий от Дар, стал сильнее.

— Что ты собралась сделать?

— Нам нужна еда. Я собираюсь раздобыть немного съестного.

— Почему ты боишься из-за этого?

Дар не знала, как будет по-оркски «кража» и знакомо ли оркам вообще, что это такое. Поэтому ей пришлось некоторое время потратить на то, чтобы растолковать Ковоку, что у нее на уме. Когда она закончила свои объяснения, Ковок-ма встревожился.

— Ты говоришь, что вашавоки часто так поступают?

— Хай, — ответила Дар, — если меня поймают, большого шума не будет. Вас никто не выследит.

— Но тебя накажут, — сказал Ковок-ма.

— Не знаю, — ответила Дар и не стала говорить орку о том, что воришек часто убивают или калечат.

Ковок-ма почуял ее опасения.

— Похоже, это очень опасно.

— Мы не ели два дня. Нам нужна еда. Я не вижу выбора.

— Пожалуйста, не ходи, — сказал Ковок-ма, — сердцем чувствую, не надо этого делать.

— Я должна. Скажи мне, где эта горка.

После того как Ковок-ма объяснил Дар, где устроена землянка, она крадучись пошла к дому. Через некоторое время она разглядела за домом земляную горку. Когда она была в услужении в полку, она часто видела около домов подобные сооружения в крестьянских хозяйствах, которые грабили солдаты. Землянки представляли собой ямы, выложенные камнями и снабженные земляной крышей. В них было прохладно и сухо и удобно было хранить фрукты и овощи.

Подойдя к землянке, Дар остановилась и прислушалась — не заметили ли ее. Но было тихо, и Дар открыла дверцу в скошенном склоне земляной горки — медленно и осторожно, боясь, что дверца скрипнет. За дверцей было так темно, что лестницу Дар пришлось искать на ощупь. Нервно оглядевшись по сторонам, она стала спускаться вниз.

Когда ступни Дар коснулись земляного пола, она не увидела ничего, кроме квадрата ночного неба над головой. Она сделала шаг в сторону от лестницы, расставила руки. Ее окружал сырой воздух, пропахший землей и чуть прелыми овощами. Пальцы Дар коснулись корзины, и она ошупала содержимое. Там лежали шероховатые твердые клубни. Скорее всего, это был табук — корнеплод, который сырым не едят, его нужно варить. Дар продолжила поиски. От следующей корзины исходил кисловатый запах. В ней оказались яблоки — мягкие, вялые. Многие из них подгнили. Дар отобрала несколько штук покрепче и уложила в свой заплечный мешок.

Следующая корзина оказалась настоящим сокровищем. Ее содержимое Дар сразу же узнала на ощупь. Это был золотой корень² — главная еда горцев. Его можно было есть сырым. Дар начала опустошать корзину, попутно гадая, сколько можно взять. Если бы она набила мешок доверху, кражу бы почти наверняка заметили, но зато снова красть еду пришлось бы не так скоро. Дар решила рискнуть и набрать побольше клубней.

Наполнив мешок, Дар забросила его за спину и поспешно взобралась вверх по лестнице. Закрыв дверцу землянки, она пустилась бы бегом, если бы не боялась оступиться в темноте. Добравшись до поджидавших ее орков, Дар испытала нешуточное облегчение. И радость.

— Нам надо бежать, — сказала она, — с утра вашавоки станут искать меня.

---

² Название вымышленное. Судя по описанию автора, это растение не имеет ничего общего с лекарственным золотым корнем.

Ближе к рассвету Ковок-ма почуял поблизости стоячую воду и отвел Дар к болотистому озерцу между двумя холмами. Дар выкупалась в черном мелководном озере, густо заросшем осокой и камышом. Потом она разыскала ровное место чуть выше кромки воды и позвала к себе орков. Они пришли и отгородили «Объятия Мут ла», воткнув в сырую землю по кругу стебли камыша. Дар уселась на землю посередине круга, орки присоединились к ней. Она развязала бечевку на горловине мешка.

— Пища — дар Мут ла, — произнесла она нараспев.

— Шашав, Мут ла, — [ором ответили орки.

Дар раздала им круглые коричневатые золотые корни и сморщенные яблоки. Всякий раз, произнося фразу: «Мут ла дает тебе эту пищу», — дар чувствовала благодарность к Матери Всего Сущего за то, что та давала ей силы делать то, что было необходимо. Корнеплоды и яблоки были далеко не первой свежести, но голод придавал им вкус. Дар наслаждалась каждым кусочком и не обращала внимания на комаров и топкую землю.

Когда трапеза была закончена, Ковок-ма сел поудобнее и положил свернутый плащ на колени.

— Даргу, — сказал он, — земля слишком сырая, тебе не стоит лежать на ней.

Дар растерялась. Она не знала, как это понравится остальным оркам. А ее ступни все глубже увязали в болотистой почве. Дар решила не думать о том, как это будет выглядеть, подошла к Ковоку, села к нему на колени и прислонилась спиной к широкой груди орка. Он бережно обнял ее. Расслабившись, Дар увидела, как на нее смотрит Зна-ят. Орк быстро отвел взгляд, но Дар успела заметить отвращение в его глазах.

«Я рисковала жизнью, чтобы раздобыть для него еду, — подумала Дар, — почему же он против того, чтобы мне было удобно сидеть?»

Взгляд Зна-ята заставил Дар вспомнить о его угрожающих намеках, высказанных за последние два дня. Все эти угрозы она отметала, предпочитала о них не задумываться. Но теперь Дар вспомнила о том, что у нее все еще есть причина опасаться Зна-ята. Уснула она не сразу, несмотря на сытость и усталость.

В то время, как Дар и орки спрятались и отдыхали, отдыхали и воины, оставшиеся от армии короля Креганта. После нескольких сражений король Файстав перестал преследовать их. Многие из солдат Креганта верили, что направляются домой, но опытные бойцы вроде Севрена и Валамара подозревали, что это не так. Ходили слухи о том, что маг собирается применить свое искусство для того, чтобы удача снова повернулась лицом к королю. Похоже, эти слухи отчасти были правдивы. Нескольким гвардейцам было приказано приспособить заброшенный крестьянский дом под помещение, пригодное для ритуала некроманта.

Черный шатер мага во время отступления потерялся, вот и пришлось временно воспользоваться крестьянским жилищем. Гвардейцы целый день трудились под бдительным оком колдуна. Они должны были заделать все щелочки, вплоть до самой мельчайшей, в которую мог проникнуть дневной свет. После заката работа была завершена: им было велено обмазать потолок и стены внутри дома смесью пепла с кровью. Пока гвардейцы занимались этой работой, маг воскурил какие-то благовония. Всех, кто надышался дыма, в ту ночь мучили кошмары, а особенно страшные сны приснились тем двоим, которые принесли в дом то последнее, что было необходимо магу.

Отар дождался самого темного часа ночи и вошел в дом. Только один масляный светильник освещал связанного ребенка, ежившегося от неестественного холода. Маг закрыл дверь и задернул ее плотной занавеской. Только после этого он приступил к работе. Взяв кинжал и железную чашу, он убил ребенка и, собрав в чашу его кровь, нарисовал на земляном полу защитный круг. Встав внутрь круга, Отар открыл черный мешочек, на котором черными нитками были вышиты заклятия.

Кости внутри мешочка стали тяжелее, словно это были вовсе не кости, а какие-то предметы, выкованные из железа или свинца. Колдун впервые заметил эту перемену после побоища в Сосновой лошине. Ее причину он не понимал, но надеялся, что это означает: ему может улыбнуться удача. Удача была очень нужна: он чувствовал, что злость короля может возобладать над страхом. Если это случится, Отар заплатит жизнью за свои ужасные советы.

Несмотря ни на что, Отар оставался верен костям, из-за которых навлек на себя гнев короля. Они стали не просто орудиями. Кости возымели над ним такую власть, что он стал их слугой в той же степени, что они служили ему. Без них он остался бы просто шарлатаном — ведь, кроме предсказаний на костях, Отар не был способен ни на какую магию. До тех пор пока он не завладел этими гадальными костями, его волшба была основана только на обостренном чутье и знании трав и ядов. Его зловещий облик был чистой воды показухой, а на самом деле колдовать он мог не лучше опытной ворожеи. Кости все изменили. Когда пальцы Отара прикасались к ним и ощущали неземной холод, он наконец чувствовал себя могущественным, истинным колдуном.

Отар вытряс кости из мешочка на земляной пол и рассмотрел их в поисках предсказания. Еще ни разу знаки не были так ясны и многообещающи. Отар подумал о том, что существо, к которому он обращается, гадая на костях, довольно кровавым исходом битвы и теперь вознаграждает его. Так насытившийся хозяин швыряет кусок мяса псу.

В эту ночь Отар узнал много такого, что его порадовало. Он узнал, где можно раздобыть богатые трофеи путем грабежа — их хватит, чтобы удовлетворить жадность короля. Он увидел, что таинственная угроза ушла далеко и продолжает удаляться. Он еще более внимательно изучил кости и еще более порадовался. Неведомый недруг Отара шел навстречу гибели. Маг увидел знаки «предательство», «кровопролитие» и «скоро».

Дар старательно экономила еду, выдавала ее оркам небольшими порциями, и в результате пищи хватило на трое суток пути. За это время небольшие крестьянские хозяйства, разделенные живыми изгородями, сменились более обширными поместьями, которые перемежались лесами. Со временем Дар и оркам вообще перестали встречаться отдельные жилища. Обитатели этой страны жили поселками, включающими дома поменьше и побольше, амбары и сараи, а вокруг поселков простирались обширные поля и пастбища.

Шло время, Дар и орки уходили все дальше и дальше, а Дар стала мало-помалу привыкать к страху. Однако ни прячась днем, ни пробираясь впотьмах, она не теряла ощущения грозящей беды. Она продолжала чувствовать себя потерянной, заблудившейся, потому что горы пока не были видны. Кроме того, Дар внимательно наблюдала за Зна-ятом. Он не выказывал враждебности, и через какое-то время Дар стала гадать, уж не померещился ли ей тот его зловещий взгляд. Тем не менее Дар стала спать на земле, а не на коленях у Ковока.

Когда пища кончилась, Дар решила еще раз пойти на кражу, хотя это означало, что ей придется прокрасться в поселок. Она тронулась в путь значительно позже полуночи. Орки спрятались в надежном месте, а Дар подкралась к каменному амбару, стоящему посреди других построек.

Для того чтобы подойти к поселку, Дар сначала пришлось преодолеть широкое поле. Она подошла близко к первым домам, когда вдруг залаяла собака. Дар упала на землю. Она лежала, взволнованно ожидая, что будет дальше. Она была готова в любой момент вскочить и опрометью броситься наутек. Собака перестала лаять, снова стало тихо. Дар лежала, не шевелясь. Прошло много времени. Царила тишина. Еще немного помедлив в нерешительности, Дар поднялась и стала крадучись подбираться к амбару, прислушиваясь к малейшему шороху. Но ничего не происходило. Она беспрепятственно подошла к тяжелой двери и приоткрыла ее — ровно настолько, чтобы проскользнуть внутрь.

В амбаре аппетитно пахло копченым мясом, но в кромешной тьме окороков не было видно. Дар пришлось искать их, ходя по амбару, расставив руки. Она нащупала корзину с

золотым корнем и, набрав несколько клубней, сунула их в мешок. Потом она снова стала искать мясо, которое так приятно пахло. Но вдруг дверь амбара распахнулась настежь, и Дар озарил свет факела.

Горящий факел держат в руке мальчик. В другой руке он держал поводок, к которому была привязана собака в наморднике. Следом за мальчиком вошли двое взрослых мужчин, вооруженных вилами. Мальчик, оставшийся около входа, довольно ухмылялся, а мужчины вошли в амбар. Дар выхватила оба кинжала. Мужчины пошли к ней, она отступила в угол.

— Если ты не полная дура, ты бросишь свои ножички, — сказал один из мужчин.

— Проколите ее вилами! — крикнул мальчишка.

— Спокойствие, молодой хозяин, — сказал второй мужчина, — твой отец сказал, что мы должны позволять воришкам сдаваться.

— Ты лучше поторопись, — посоветовал Дар его спутник.

Дар мысленно взвесила свои шансы в драке и бросила кинжалы на пол.

— Умная девочка. Теперь отбрось их ногой, да подальше.

Дар повиновалась. Один из мужчин подобрал ее кинжалы и велел ей лечь на живот. Дар легла и почувствовала, как острия вил уперлись в ее шею. Один мужчина снял с ее спины заплечный мешок, после чего связал между собой ее левые лодыжку и запястье.

— Поднимайся, — распорядился второй мужчина. Когда Дар с трудом приподнялась и приняла неуклюжее положение — единственное, какое позволяли путы, — мужчина окликнул мальчика: — Скажи отцу: мы поймали воровку и отведем ее к пню.

Мальчик отдал мужчине факел и убежал.

— Иди за мной, — сказал мужчина. Дар, неуклюже прихрамывая, побрела за ним, но остановилась, когда остановился мужчина, — зря ты не увидела руку, — сказал он.

— Какую руку? — спросила Дар.

Мужчина поднял факел, и в его свете стала видна рука, приколотая гвоздями к двери, — настолько сморщенная, что от нее остались почти только кости.

— Она тут висит, чтобы отпугивать воров. Жаль, что ты ее не заметила.

Второй мужчина подтолкнул Дар вилами:

— Шагай, девка. Пора покончить с этим.

У Дар не было выбора. Ей оставалось только идти за мужчиной с факелом, хотя ей вовсе не было нужно, чтобы он показывал ей дорогу. Не было никаких сомнений, что шагать нужно было к небольшой толпе народа. Некоторые люди тоже держали в руках зажженные факелы. Они стояли позади невысокого, ровно спиленного пня и взволнованно переговаривались. Несколько ребятишек, не в силах стерпеть, бросились навстречу Дар, чтобы лучше ее разглядеть.

— Это женщина! — воскликнула одна маленькая девочка, — неужели ей и вправду отрубят руку?

— Само собой — важно проговорил мальчик, — она же воровка.

Прихрамывая, Дар шагала к пню. Она чуть было не позвала на помощь по-орски. Но тут она припомнила, как орки разделились с людьми в деревушке в тот день, когда лил дождь.

«Здесь будет то же самое».

Если бы орки кого-то из людей пощадили, потом за ними бы послали погоню, но и перебив всех жителей деревни, они получили бы лишь небольшой выигрыш во времени. Кроме того, любая попытка спасения Дар со стороны орков почти наверняка стоила бы ей больше, чем отрубленная рука. Она связана, ее охраняют, ее так легко убить... Дар промолчала.

Мужчина с факелом прошел вперед и остановился рядом с сидящим человеком, стоявшим перед толпой.

— Хозяин, — сказал он, — мы поймали ее в амбаре вот с этим.

Он высыпал на землю содержимое заплечного мешка Дар.

Седоватый приказал:

— Выведите воровку к пню.

Несколько мужчин подхватили Дар под руки и, подтащив к пню, заставили опуститься на колени. На этом пне, скорее всего, рубили головы домашней птице. Потемневшее от крови дерево хранило следы ударов топора. Из толпы вышел здоровяк в забрызганном кровью мясником фартуке, схватил Дар за запястье и прижал ее правую руку к шершавой древесине. Ту руку, в которой он сжимал топор с широченным лезвием, он занес для удара и перевел взгляд на господина. Дар тоже посмотрела на него.

Седоватый мужчина встретился взглядом с Дар.

— Дура! — процедил он сквозь зубы, — все знают, что бывает за воровство.

— У меня не было выбора.

Мужчина, которого остальные называли хозяином, подозрительно прищурился.

— Слишком гордая, чтобы работать, или слишком ленивая?

— Если бы вам нужно было выбирать, что потерять, вы бы что выбрали — руку или голову?

— Что за чушь я слышу?

— Снимите повязку с моего лба — и сами увидите.

Мужчина кивнул. Мясник сорвал с головы Дар повязку и обнажил выжженное на ее лбу клеймо. Многие в толпе ахнули, но сразу притихли, когда снова заговорил хозяин:

— Я слышал о таких метках. Ты была рабыней?

— Была, — ответила Дар, — теперь король вознаградит вас за мою голову.

Она вздохнула и положила голову на пень.

— Ты что, не знаешь, где ты?

Дар подняла голову и озадаченно огляделась по сторонам.

— Нет. Я заблудилась сразу, как только убежала.

Мужчина прищурился.

— Тогда почему ты показываешь свое клеймо?

— А что мне делать с одной рукой? Все равно я погибну.

Подошла женщина, потянула хозяина за рукав.

— Гарл, — сказала она.

Мужчина повернулся к ней, и они принялись перешептываться. Потом Гарл посмотрел на Дар.

— Моя жена, — сказал он, — думает, что ты предпочтешь воровству честный труд.

— Предпочту, — сказала Дар.

— Ты не должна бояться захватчика и его гоблинов. Это царство короля Файстава.

Дар заставила себя расплакаться.

— О, хвала Карм!

Гарл все еще смотрел на Дар подозрительно.

— Фаранна, — сказал он своей жене, — все равно она воровка.

— Если уж она станет батрачкой, две руки будут лучше, чем одна, — возразила Фаранна.

— Может, и так, — проворчат Гарл, — но двумя руками она нас и ограбить сможет ловчее.

— Пожалуйста, госпожа, — умоляюще проговорила Дар, — после того как я ишачила на гоблинов, для меня любая работа покажется легкой. Позвольте мне служить у вас.

Фаранна улыбнулась.

— В Гарлсхолдинге нет господ. Зови меня хозяйкой.

Дар склонила голову.

— Хорошо, хозяйка.

— Я ни на что не соглашался, — проворчал Гарл.

— Если она нас обманет, — заверила его Фаранна, — ты сможешь отрубить ей руку.

Гарл еще долго хмурился, но потом все же спросил:

— Как тебя звать, девушка?

— Дар.

— Ты слышала наш разговор, — сказал Гарл, — в ответ на наше милосердие ты согласна служить нам?

— Согласна, хозяин.

— Хунда! — крикнул Гарл.

Вперед вышел мужчина с факелом.

— Развяжи новую батрачку, — распорядился Гарл, — она будет спать вместе с Теной, — когда Хунда начал развязывать узлы на веревке, Гарл добавил: — И дверь запи на засов.

Волнение улеглось, толпа начала расходиться. Некоторым, похоже, не понравилось, как решилось дело, — в частности, сыну Гарла. Он подошел к Дар и сказал:

— Мы будем следить за тобой.

Освободив Дар от пут, Хунда повел ее к сараю, выстроенному из толстых бревен. Воткнув факел в землю, он взял Дар под локоть и ввел в темный сарай. Дар ничего не видела, кроме смутных очертаний стойл и едва заметных силуэтов животных. Последнее стойло было просторнее других, его окружали глухие перегородки. Низкая дверца была открыта.

— Вот здесь ты будешь жить, — сказал Хунда и подтолкнул Дар к дверному проему, — везучая ты, девка. Добрый у нас хозяин. А я бы тебя не пощадил.

Дар наклонилась, чтобы пролезть в стойло. Зашуршала солома — кто-то пошевелился.

— Еще рано вставать, — прозвучал сонный голос.

— Верно, еще рано, Тена, — отозвался Хунда, — вот, привел новую батрачку.

Дар вошла в стойло, дверца за ней закрылась, и стало слышно, как Хунда задвинул тяжелый деревянный засов.

— Почему нас запирают? — спросила Тена.

— Меня поймали в амбаре, — ответила Дар.

— Ты воровала? — удивленно спросила Тена. Она явно проснулась окончательно.

— Мне больше ничего не оставалось.

Дар хотелось отдохнуть, но Тена засыпала ее вопросами, поэтому Дар пришлось рассказать девушке всю свою жизнь с тех пор, как ее увели из горного селения, и до этой ночи. Зачастую Дар кое-что присочиняла, хотя по возможности старалась придерживаться правды. Особенно Тену интересовали орки, которых она называла гоблинами. О так называемых гоблинских войнах в этих краях слагали страшные предания.

— Это правда, что гоблины едят людей? — спросила Тена.

— Я это своими глазами видела, — ответила Дар, чтобы вызвать к себе сочувствие, — однажды одна девушка рассердила мерданта, и он бросил ее голую на съедение гоблинам.

— И что они с ней сделали? — затравленно спросила Тена.

— Разорвали на куски, как вареную курицу.

Дар услышала, как Тена поежилась в темноте.

— Как же ты это терпела?

— Мы могли бы сбежать, но нас ведь клеймили и назначили награды за наши головы, — дар взяла Тену за руку и приложила ее ладонь к своему лбу. Пальцы батрачки ощупали клеймо в виде короны, — я была собственностью гоблинов, — сказала Дар, — но теперь, по милости Карм, я освободилась.

— Да, здесь гоблинов нет, — сказала Тена, — я много и тяжело работаю, но меня хорошо кормят, и на каждое рождество Карм мне дарят новую одежду.

— А тебе никогда не хочется уйти? — спросила Дар.

— Куда мне идти? — сказала Тена, и по ее тону было ясно, что на этот вопрос нет ответа, — я — как ты. Родни у меня нет.

Дар громко зевнула.

— Я шла всю ночь, — сказала она, — мне надо хоть немного отдохнуть.

Она собрала побольше соломы, чтобы устроить себе лежанку на земляном полу. Но как

ни изнемогла Дар, она еще долго не могла заснуть. Она лежала и гадала, что теперь думают орки.

«Знают ли они, что меня схватили, или думают, что я умерла? Может быть, решили, что я их бросила. Что они станут делать? Будут ждать меня? Нападут на этот поселок? Уйдут?»

Она решила, что, скорее всего, случится последнее и что ее странствия закончатся здесь, в Гарлсхолдинге.

5

Дар удалось немного поспать, а потом Хунда отпер дверь, разбудил девушек и велел им подоить коз. Наконец Дар удалось увидеть вторую девушку. Она была старше Дар, полная, с широким лицом. На ней была юбка до середины икр из коричневой домотканой ряднины и просторная белая блузка без рукавов, с зашнурованным лифом. Тена была босая. Ее русые волосы были повязаны грязным платком.

Тену, чья одежда была старой и рваной, просто зачаровало платье Дар. Она не удержалась и пощупала ткань.

— Ой, какое красивое, — проговорила Тена, — и для хозяйки сгодилося бы.

— Мне его дал один солдат. Скорей всего, оно снято с мертвой женщины.

Тена отдернула руку и поскорее сменила тему разговора.

— Ты раньше доила коз?

— Нет. Мы были слишком бедны, у нас коз не было.

— Ну, не так уж это трудно. Я тебе покажу.

— А когда тут у вас едят?

— Обед дают в полдень, но после первых трудов дадут кашу.

Дар представить себе не могла, что при мысли о каше у нее потекут слюнки, но именно так и вышло. Пока они с Теной доили коз, у Дар все время урчало в животе. Но только после того, как они отвели коз на пастбище, им наконец дали поесть.

Кормили слуги батраков в длинном каменном доме. Здесь же большинство из них спали. Вдоль стола стояли скамьи, в конце стола — котел с кашей. Рядом с ним — деревянные миски и ложки.

Дар стала центром внимания, и Тена с превеликой радостью рассказывала о ней, пока Дар с волчьим аппетитом уплетала кашу. Батрачка Тена добавила красок в и без того наполовину вымышленную историю. Получилось так, будто Дар едва не съели, но ей удалось убежать. Все с неподдельным интересом слушали Тену, пока не поднялся Хунда.

— Пора за работу, — сказал он, — дар, ступай с Теной. Но сначала переоденься вот в это, — он протянул Дар небольшой узелок, — платье отдашь мне. Оно слишком хорошее для батрачки.

Дар сделала, как ей было велено, и вернулась в поношенной юбке и блузке вроде той, которая была на Тене. Тена подала ей мотыгу. Забросив ее на плечо, Дар пошла с Теной на поле.

Ковок-ма сидел, скрестив ноги, на опушке леса, и смотрел в сторону поселка. Как он и ожидал, вашавоки поднялись с рассветом. Людей было не слишком хорошо видно за домами. Вечером уши помогали орку лучше, чем глаза. Он слышал собачий лай. Потом он слышал голоса, но они звучали слишком далеко, и слов он не разобрал. Ковок-ма увидел свет факела, отражающийся от стен домов, но Дар он не видел с тех самых пор, как она прокралась в поселок.

«Даргу боялась, когда уходила, — думал Ковок-ма, — какого же наказания она страшилась?»

Часто бывавший свидетелем жестокости вашавоки, он опасался того, что Дар погибла.

Солнце поднялось еще не слишком высоко, когда вашавоки вышли в поле. Ковок-ма

сразу узнал среди них Дар, несмотря на то, что до нее было далеко, и на то, что она сменила одежду. Ее походка и движения были слишком хорошо знакомы орку, и, чтобы узнать Дар, ему не нужно было видеть ее лицо. Грудь Ковока наполнилась радостью, когда он понял, что Дар жива и невредима.

Ковок-ма наблюдал за Дар, работающей вместе с остальными крестьянами. Когда стало ясно, что Дар никто не стережет, орк удивился.

«Если она не пленница, почему она там?»

Ковок-ма продолжает следить за Дар, размышляя о ее действиях. Какова была их причина, он не догадывался, но Дар часто совершала непонятные поступки. Ковок-ма не уходил с опушки до полудня. В это время Дар и другие вашавоки вернулись в поселок. Тогда Ковок-ма возвратился к тому месту, где прятались остальные орки.

Когда он пришел туда, не спал только Зна-ят.

— Тебя долго не было, — сказал он, — что ты видел?

— Даргу жива, — сказал Ковок-ма, заметив, что эта новость немного разочаровала его двоюродного брата, — я видел, как она работала с другими вашавоки.

— Хорошо, — сказал Зна-ят, — она вернулась к своим сородичам.

— Я в этом не уверен.

— А как же может быть иначе?

— Я думаю, что она делает это, чтобы помочь нам.

— Как только ты можешь быть таким глупым? — фыркнул Зна-ят, — похоже, ты забываешь, что Даргу — вашавоки. Ты забываешь про то, как от нее воняет. Ты прикасаешься к ней. Ты говоришь так, словно она наделена мудростью.

— Она и вправду наделена мудростью.

— Потому что говорит о Мут ла?

— Мать Всего Сущего дарует ей видения.

— Даргу говорит о видениях, потому что знает: сыновья их видеть не могут, — возразил Зна-ят, — вашавоки часто говорят слова, в которых нет смысла.

— Ты ее не понимаешь.

— Это ты ее не понимаешь. Я вижу, что она тебя сильно околдовала. Мне больно было на это смотреть. Но теперь ее нет, и я этому рад.

— Сердцем чувствую, что ты ошибаешься, — сказал Ковок-ма.

— Давай уйдем, — предложил Зна-ят, — Даргу нас бросила. Она собиралась так сделать с самого начала.

— Тва! Я в это не верю! Я буду ждать ее.

Лицо Зна-ята покраснело, но его голос остался спокойным.

— Тогда я тоже буду ждать Даргу.

После обеда и краткого отдыха Дар снова отправилась на работу вместе с другими слугами. Она чувствовала на себе их взгляды.

«Я для них чужая. И воровка», — думала она.

Надеясь обрести хотя бы сносное отношение к себе, она старательно орудовала мотыгой. Эта работа ее не слишком утомляла — Дар привыкла мотыжить с детства, и равномерные движения были знакомыми и успокаивающими. Обводя взглядом обширные поля, чувствуя под ногами теплую почву, она испытывала умиротворение. Впервые с того дня, когда солдаты увели ее из отцовского дома, она чувствовала себя в безопасности. Страх, постоянно сопровождавший ее, исчез. У нее появились еда и место, где можно спать. А ей нужно было только с охотой трудиться. Привычная к тяжкому труду, Дар считала, что это честная плата за душевный покой.

Дар работала и после заката. Она мотыжила последнюю борозду, когда вдруг почувствовала запах гари. Она огляделась по сторонам и увидела большой костер на краю поля. На фоне темного леса пламя костра казалось особенно ярким. Вверх поднимался зловонный черный дым.

— Ох! — вырвалось у Дар, — что там жгут? Кости, что ли?

Тена бросила на Дар озадаченный взгляд.

— О чем ты?

Дар указала на костер. Языки пламени уже поднимались выше верхушек деревьев.

— Вон там костер.

Тена посмотрела в ту сторону, куда указывала Дар.

— Я не вижу там никакого костра.

— О нет... — тихо проговорила Дар.

— Что? Что случилось? — спросила Тена, — у тебя такой вид, будто ты увидела духа.

— Я просто устала, — ответила Дар, — вот мне и мерещится всякое.

— Мы уже почти закончили, — успокоила ее Тена, — скоро отдохнешь.

И она снова взялась за мотыгу.

Дар тоже продолжила работу, но видение не покидало ее. Всякий раз, стоило ей бросить взгляд в сторону леса, она видела горящий костер. Но постепенно языки огня стали опадать, и Дар начала различать среди них обугленный силуэт. Дар отвернулась.

К тому времени, когда Дар вернулась в поселок, от ее умиротворенности не осталось и следа. Ей показали что-то ужасное, но она не могла догадаться, с какой целью. Она только поняла, что есть какая-то сила, которая не позволит ей жить.

На следующее утро Дар проснулась от звука отодвигаемого засова. Рядом зевнула Тена.

— Дар, а кто это — Тва?

— Тва — это не имя. На гоблинском языке это означает «нет».

— Ну так ты все время это слово твердила во сне. Не помнишь?

— Нет, но я помню, что мне снились страшные сны.

Тена сочувственно посмотрела на Дар.

— Тебе здесь нечего бояться. Скоро тебя перестанут мучить такие сны.

«Перестанут ли?» — подумала Дар, а вслух сказала:

— Конечно перестанут.

Дар помогла Тене с дойкой. Потом они вдвоем отправились в столовую для слуг, чтобы поесть каши. Когда Дар села на скамью, к ней через стол наклонился пожилой мужчина.

— Не только ты видала гоблинов. Я как-то раз видел одного в лесу неподалеку от того места, где вы мотыжили, — он усмехнулся, заметив, как оторопела Дар, довольно долго молчал, а потом добавил: — Ну я-то все-таки парень.

— Парень? — рассеянно переспросила Дар, пытаясь справиться с потрясением.

— Не всех гоблинов угнали на войну, — сообщил мужчина, видимо радуясь тому, что все его слушают, — некоторые остались. Одного здорового гоблина изловили прямо в наших лесах.

— И... что с ним сделали? — спросила Дар.

— Да то самое, что всегда с гоблинами делают, — поджарили.

— Его сожгли? — еле слышно спросила Дар.

— Живьем, — с ухмылкой ответил мужчина, — ну и вонь же была!

— Гунтар! — с упреком проговорила Тена, — не говори с Дар о гоблинах. Ты погляди на нее! На ней лица нет!

— А я думал, ей мой рассказ понравится.

— Ну так ты ошибся, — проворчала Тена, — дар снятся страшные сны, и еще ей... — Тена запнулась и как-то странно поглядела на Дар, — еще ей всякое мерещится.

— Ну, ежели она увидит гоблина, ей бояться не надо, — заявил Гунтар, — мы знаем, что делать.

На следующий день Дар трудилась на поле рядом с лесом. Было еще далеко до полудня, когда ей показалось, что она слышит негромкий голос из подлеска. Она шагнула в ту сторону. Голос послышался снова.

— Даргу.

Даргу огляделась по сторонам, чтобы удостовериться, что никто на нее не смотрит. Только потом она вошла в лес. Из кустов поднялся Ковок-ма.

— Даргу, ма нав фвили са тер, — сказал он. («Даргу, я рад видеть тебя».)

Обычно слова Ковока мало выражали его чувства, но Дар стоило только взглянуть на орка, чтобы понять глубину его радости. Он смотрел на нее так пристально, что она смутилась, но все же совладала с собой и ответила:

— Мер снаф («Я тоже»).

— Что с тобой случилось? — спросил Ковок-ма, продолжая говорить по-оркски.

Дар ответила ему на том же языке:

— Меня поймали.

— Вашавоки наказали тебя?

— Тва. Они повели себя милосердно, потому что хотят, чтобы я на них работала.

— Я рад, что ты жива и невредима, — сказал Ковок-ма. Потом он долго молчал и в конце концов спросил: — Что мне делать, Даргу?

— Вам нельзя здесь оставаться. Вашавоки жестоки к уркзиммути. У меня было ужасное видение.

— Хай, мы должны уйти, — печально проговорил Ковок-ма и еще какое-то время молчал, — тебе хорошо у вашавоки?

Дар догадалась, что Ковок-ма хочет спросить ее, хочет ли она остаться здесь. Она понимала, что, если скажет «да», орк исчезнет из ее жизни навсегда.

«Я могла бы жить в спокойствии и безопасности, — мелькнула мысль, но Дар тут же ее отбросила, — я сказала Ковоку, что отведу его домой».

— Со мной хорошо обращаются, — сказала она, — но это место не для меня.

Взгляд орка стал не таким печальным.

— Это правда?

— Хай. Я не такая, как они.

— Ты и не такая, как мы.

— Хай, — согласилась Дар, — но я должна делать, как велит мое сердце. Ты бы сказал: «слушать свою грудь».

— Я рад, что ты поведешь нас.

Дар услышала, как вдалеке зазвенел колокольчик. Потом кто-то выкрикнул ее имя.

«Сейчас не время бежать, — решила она, — к побегу нужно подготовиться».

— Мне нужно идти, — сказала она, — скоро я вернусь к вам.

— Когда?

— Как только смогу. Ждите меня каждый вечер.

Дар выбежала из леса и помчалась к служанке, которая звала ее. Прежде чем она успела объяснить свое отсутствие, женщина указала на оборванца, который брел по дороге. В руке у бродяги был посох с привязанным к нему колокольчиком. Всякий раз, когда оборванец касался посохом земли, колокольчик звенел.

— Проклятый идет, — сказала служанка.

— Проклятый? — переспросила Дар.

— Человек, на котором проклятие гнили. Ты не слыхала про такое? У людей отваливаются пальцы на руках и ногах, а потом и сами руки и ноги. И даже лицо. Проклятые жуть какие страшные.

Дар увидела, что руки и лицо мужчины покрыты грязными повязками.

— Как ужасно, — вырвалось у нее.

— Беги скорее, принеси немного еды. Набери чего-нибудь из помойного ведра. Оставь у дороги — и он уйдет.

— Только близко к нему не подходи, — посоветовала Тена.

— Да-да, держись от него подальше, — добавила служанка, — если что, так кидай в него камни.

— Только смотри не убей его, — сказала еще одна женщина, — потому что тогда проклятие перейдет на тебя.

— Ну, давай скорее, — поторопила Дар первая служанка, — а как все сделаешь, возвращайся сюда.

Дар поспешила выполнить поручение. Она была рада сделать это, потому что ей хотелось получше разглядеть проклятого. Она подумала о том, что для нее это было бы подходящее обличье к тому времени, когда она снова тронется в путь с орками. Это позволило бы ей раздобывать еду без нужды в воровстве и держать людей на расстоянии. Дар бежала к кухне, охваченная мыслями о будущем.

До конца дня Дар узнала все, что только могла, об окрестных краях. Вопросы она задавала самым обыденным тоном — такие вопросы мог бы задавать любой, кто впервые оказался в новых для себя местах. Обдумав полученные ответы, она решила, что наилучшим путем до гор будет дорога на северо-восток. Хотя этот путь и не был прямым, он пролегал вдали от деревень и городов, и идти по нему было более или менее безопасно: дорога шла вблизи от разрушенного гоблинского города.

Выбрав дорогу, Дар решила разыскать рваную одежду, колокольчик и свои кинжалы. Раздобыть все это она могла, только украв эти вещи, и если бы ее поймали на воровстве, это бы дорого ей обошлось. Колокольчик она срезала с конской упряжи. За лохмотья могли сойти запасная юбка и кофта Тены. Дар решила оставить эти вещи напоследок. Она чувствовала себя виноватой из-за того, что должна была украсть одежду у такой бедной девушки, но вещи нужны были ей позарез. Самым трудным представлялось Дар то, как вернуть себе кинжалы. Их кража была самой рискованной. И все же Дар не хотелось отправляться в путь безоружной и встречаться со Зна-ятом, не имея ничего для самозащиты. Прежде чем забрать свое оружие, Дар еще предстояло выяснить, где оно. Она размышляла об этом до поздней ночи.

Наутро Дар подошла к Хунде, направлявшемуся к столовой для прислуги.

— Можно с тобой словом перемолвиться? — спросила она.

Хунда остановился.

— Да. Чего тебе?

— Там, откуда я родом, только бесчестные женщины ходят без кинжалов.

— Что? — озадаченно переспросил Хунда.

— Это означает, что они не желают оберегать свою честь.

— Да? И почему ты мне про это говоришь?

— Я хочу вернуть мои кинжалы. Я без них как голая.

Хунда ухмыльнулся.

— С виду ты вовсе даже не голая.

— Пожалуйста.

— Они теперь мои.

— Ты их не носишь, — сказала Дар.

— И ты носить не будешь.

— Но они же тебе ни к чему.

— Я держу их под рукой, — буркнул Хунда, — ступай. И больше со мной об этом не говори.

Дар ушла, довольная разговором. Хунда был старшим слугой, его кровать стояла за ширмами. Это был единственный отгороженный угол в доме для прислуги, и без позволения Хунды туда никто входить не мог. Дар догадывалась, что кинжалы находятся там.

«Если я права, я возьму только один кинжал. Тогда будет не так похоже на кражу».

Но Дар понимала даже при такой предосторожности она должна будет уйти в тот

самый день, когда украдет кинжал.

Во время обеда Дар тайком осмотрела угол Хунды. Кровать стояла за резными деревянными ширмами. Все вместе походило на большой ящик. Кроме кровати за ширмами, длинного стола и скамей, в комнате больше ничего не было. Хунда удалялся в свой угол после обеда, а остальные слуги ложились спать в более скромных местах. Многие укладывались на скамьи и даже на стол. Дар пошла с Теной в амбар. Заснуть она не могла — слишком сильно волновалась. Она ждала момента, когда сможет украсть свой кинжал.

Такая возможность ей представилась, когда настало время возвращаться к работе. Дар задержалась и дождалась мгновения, когда все слуги и батраки ушли из столовой. Тогда она быстро проскользнула туда и бросилась за загородку. За ширмами было не слишком темно: свет проникал сквозь дырочки в резьбе. Повсюду валялись вещи Хунды. Стараясь не слишком сдвигать их, Дар стала искать свои кинжалы. Только она успела нащупать первый кинжал под матрасом, как в столовую вошли два человека. Дар посмотрела в дырочку в ширме и увидела, что один из двоих — Хунда.

«Наверное, ему нужно что-то взять здесь!» — в ужасе подумала Дар.

Если бы Хунда заглянул за ширму, Дар могло спасти только одно. Она разделась и легла на кровать, в любое мгновение ожидая, что будет обнаружена. Дар лежала и гадала, сумеет ли разыграть похоть. Но, судя по тому, что она знала о мужчинах, ей вряд ли бы пришлось сильно стараться.

«Им нужна только покорность», — подумала она и поежилась от этой мысли.

Дар услышала голос Хунды за ширмой:

— Ее здесь нет. Пойдем поглядим на полях.

Когда Хунда и его спутник ушли, Дар быстро оделась, взяла кинжал и выскользнула из-за ширмы. Убедившись, что ее никто не видит, она опрометью побежала к амбару, взяла надежно спрятанный колокольчик и подсунула под юбку запасную одежду Тены. Получился большой живот.

«Нужно будет все спрятать в лесу», — решила Дар, постаралась по возможности расправить юбку и поспешила на поле.

Когда она вышла на поле, ей навстречу бросилась Тена.

— Где ты была? Хунда тебя ищет.

Дар не успела ответить. Тена подозрительно осмотрела ее.

— Что у тебя под юбкой?

— Ничего.

Тена попыталась ухватить Дар за подол юбки. Дар отскочила в сторону, но краденая одежда упала на землю. Дар проворно подобрала ее.

— Это мое! — возмущенно и обиженно вскрикнула Тена.

— Тена, прошу, пойми меня. Я не хотела это брать, но...

— Воровка! — взвизгнула Тена, — Дар опять украла!

Дар увидела, что остальные батраки бросили работу и смотрят на нее. В следующий миг двое мужчин бросились к ней.

Дар кинулась к лесу. Она мчалась по полю и чувствовала, что Тена бежит за ней по пятам. Она догадывалась, что остальные тоже бросились в погоню. Дар добежала до опушки и рванула напрямик, через кусты. Вскоре она остановилась и вытащила из-под юбки кинжал. Обернувшись, она наставила кинжал на Тену. При виде оружия та замерла.

— Прости, Тена, — сказала Дар и в поисках сочувствия добавила: — Я не хотела обидеть тебя, но я совершила побег с другими девушками, Они совсем молоденькие и нуждаются в моей помощи. Я должна позаботиться о них.

Тена не отрывала глаз от клинка. Она была так напугана, что не в силах была вымолвить ни слова. Дар сорвалась с места и побежала дальше. Но не успела она сделать и нескольких шагов, как Тена начала кричать и звать на помощь.

Дар думала только о том, как бы убежать подальше. Она мчалась во весь опор. Только начав задыхаться, она замедлила бег и услышала шум погони.

«Хуже побега не придумаешь, — лихорадочно подумала она, — за мной гонятся, а Ковок-ма не будет меня искать до вечера».

Дар оставалось только бежать дальше и надеяться, что орки найдут ее скорее, чем преследователи.

Лес оказался больше, чем предполагала Дар, и вскоре она совсем заблудилась. Она побрела среди деревьев, боясь позвать орков на помощь. Ближе к вечеру за деревьями стало видно небо. Дар пошла в ту сторону и увидела поля. Это были поля около Гарлсхолдинга. Кое-где стояли мужчины с вилами. Похоже, поджидали ее, поскольку стояли лицом к лесу.

«Я сделала круг!» — в страхе подумала Дар и поспешно пошла назад.

Стемнело. Луна скрылась за тучами, и тьма была почти кромешная. Дар почти ничего не видела, кроме стволов деревьев. Но она продолжала идти до тех пор, пока не увидела в темноте два светящихся желтых глаза.

— Шашав Мут ла! Мер давагитав та! — прошептала Дар. («Хвала Мут ла! Я нашла тебя!»)

Ответом ей было молчание.

Дар была озадачена и немного напугана.

— Аса нак фа? — спросила она. («Кто здесь?»)

Ответа не последовало. Она услышала шаги и звук обнажаемого меча.

— Зна-ят?

Светящиеся глаза приблизились.

Дар услышала, как кто-то бежит по лесу. Горящие желтые глаза исчезли — видимо, их обладатель повернул голову. Дар услышала звук меча, убираемого в ножны, и голос Зна-ята.

— Это Даргу? — спросил он по-оркски.

— Хай.

— В лесу были вашавоки, — сказал Зна-ят, — я думал, что ты одна из них, — он крикнул: — Ковок-ма! Я нашел ее.

Дар увидела светящиеся зеленые глаза и поспешила в ту сторону, откуда они приближались. Вскоре ее плечо обхватили огромные ручищи.

— Даргу, ты вернулась.

— Хай. Ведь я обещала вернуться, — сказала Дар, чувствуя такую радость и облегчение, что чуть не забыла о том, что только что другой орк солгал ей и своему сородичу.

7

Остаток ночи дался Дар тяжело. Сначала она брела за Ковоком, полагаясь на то, что он найдет путь в темноте. Когда она стала спотыкаться на каждом шагу, орк поднял ее на руки, как ребенка, и понес. Дар слишком устала, чтобы возражать. Только когда они вышли из леса, Ковок-ма опустил Дар на землю.

— В какую сторону нам идти? — спросил он.

Дар почти ничего не видела в темноте.

— Тут дорога есть? — спросила она.

— Хай, — ответил Ковок-ма, взглядевшись в темноту, — холмы далеко.

— Ты их видишь? — спросила Дар.

— Хай, — ответил Ковок-ма и указал в темноту.

— Мы должны пойти по этой дороге, — сказала Дар, — на развилке нужно пойти направо. Дорога пойдет среди холмов, где мы сможем спрятаться.

— Хай. Но если мы не побежим, золотое око взойдет до того, как мы туда доберемся.

— Я не смогу бежать, — сказала Дар.

— Я за тебя побегу, — сказал Ковок-ма и опустился на колени, — забирайся ко мне на плечи.

Дар это предложение не очень понравилось, но она понимала, что иначе им никак не

добраться до холмов до рассвета. Она подобрала подол юбки и, взобравшись на широкие плечи орка, свесила ноги по обе стороны от его шеи. Сжав ее лодыжки, Ковок-ма поднялся. Дар оказалась так высоко от земли, как тогда, когда ездила верхом на Громе. Стараясь не тянуть Ковока за волосы, она обхватила его голову, чтобы не потерять равновесие.

— Тебе удобно? — спросил Ковок-ма.

— Потерплю, — ответила Дар.

Ей вовсе не было удобно. Ковок-ма обратился к другим оркам:

— Мы должны добраться до холмов, пока еще темно. Бегите за мной.

С этими словами он сорвался с места и побежал.

Ковок-ма бежал легко и быстро, и через какое-то время Дар привыкла к покачиванию и подсакиванию у него на плечах. Внизу лежала дорога — тускло-серая лента, вьющаяся в темноте. Окрестности сливались в расплывчатую дымку. Чем дальше, тем больше Дар чувствовала, как движение объединяет ее с Ковоком. Она ощущала биение его сердца, частоту его дыхания и тепло его тела — ощущала так, словно все это принадлежало ей. Изможденная, полусонная, Дар вообразила, что она и орк стали единым существом, куда-то мчащимся под покровом ночи.

Наконец Дар стала различать вдалеке черные силуэты холмов. Орки поравнялись с ними, когда небо на востоке посветлело. Ковок-ма перешел на шаг и, сойдя с дороги, пошел вверх по склону, к деревьям. Дар оставалась у него на плечах до тех пор, пока он бережно не снял ее и не опустил на землю. Как сквозь туман, Дар видела, что орки огораживают круг — «Объятия Мут ла». Когда они уселись на землю и уснули, Ковок-ма подошел к Дар, поднял ее, усадил к себе на колени и обнял.

«Он еще теплый после бега», — успела подумать Дар и крепко заснула.

Дар проснулась посреди густых кустов. Солнце клонилось к вечеру. Она лежала на земле. Зна-ят, Варз-хак и Лама-ток сидели поблизости и крепко спали. Ковока и Дут-тока поблизости видно не было. Дар стала разглядывать лицо спящего Зна-ята в попытке понять, чем он так отличается от других орков. Прошлую ночь Дар вспоминала будто дурной сон.

«Он вправду обнажил свой меч, или это мне только показалось?» — гадала она.

Было слишком темно, и она не смогла разглядеть оружие.

«А если он все же вытащил меч из ножен, то для чего?»

В одном Дар могла быть уверена: Зна-ят солгал ей.

Но лгать Зна-ят умел не лучше малого ребенка. Он не мог ни с кем спутать Дар, потому что прекрасно видел в темноте, и она обратилась к нему по-оркски. Дар заключила, что врать Зна-ят не умеет и не знает, как это делается. Тем не менее ее беспокоило сам факт того, что Зна-ят пошел на обман, потому что до сих пор она полагала, что орки вообще не умеют лгать. Если Зна-ят способен солгать, значит, способен и на предательство. Это волновало Дар, но не пугало. Она привыкла к опасности. Зна-ят был для нее всего лишь одной угрозой из многих.

«Главное, — подумала Дар, — никогда не оставаться с ним наедине».

Размышления Дар прервали вернувшиеся Ковок-ма и Дут-ток. Они вышли из-за кустов, шурша ветками, и принесли полные пригоршни грибов. Дар была рада поесть, но разволновалась — ведь орки сильно рисковали, отправившись собирать грибы.

— Опасно искать пропитание при свете дня, — сказала она.

— Не так опасно, как брать еду у вашавоки, — сказал Ковок-ма и многозначительно поглядел на Дар.

— Теперь мне не придется этого делать. Еду вашавоки мне сами будут давать.

Дар разорвала в нескольких местах кофту и юбку Тены и объяснила оркам, как нужно наряжаться, чтобы выглядеть как проклятые, и как при этом можно по пути получать пищу. Когда она закончила рассказ, орки заметно смутились.

— Даргу, у тебя странные мысли, — признался Дут-ток.

— Все получится, — заверила его Дар.

— Вашавоки такие глупые? — спросил Ковок-ма.

— Хай, — ответила Дар.

Ковок-ма растянул губы в усмешке.

— Тогда нам и вправду повезло, — он взглянул на изодранную одежду и наморщил нос, — но хотелось бы выстирать это тряпье, прежде чем мы его наденем.

— Это мудро, — кивнула Дар, — Зна-ят будет не так жаловаться.

— Ты его хорошо понимаешь, — сказал Ковок-ма.

Дар в этом сомневалась.

— Где вы выстираете эту одежду? — спросила она.

— Неподалеку течет ручей.

— Я вам помогу, — сказала Дар.

Дар все еще надеялась на то, что ошибалась насчет Зна-ята, и ей хотелось поговорить об этом с Ковоком. Но поскольку с ними отправился Дут-ток, она решила повременить с разговором. Ковок-ма пошел первым по склонам, так густо поросшим лесом, что Дар вскоре перестала опасаться, что их тут могут заметить. Вскоре они оказались у стекающего по склону ручья. Прозрачная холодная вода быстро бежала по камням. Ковок-ма опустился на колени и принялся отстирывать рваную одежду. Дут-ток и Дар помогали ему.

Дар трудилась как могла, но вскоре ей стало ясно, что орки стараются отстирать запахи, которых она не ощущает. Дут-ток и Ковок-ма продолжали тереть о камни одежду, которая для Дар выглядела совершенно чистой, и Дар задумалась о том, как же пахнет она сама. Ей стало неловко. Для того чтобы понять, что ей самой не мешает помыться и постирать свою одежду, не нужно чуткое обоняние орка. Она ушла от орков вверх по течению, чтобы постирать свои вещи и выкупаться. Первым делом она разделась и как следует выстирала одежду — несколько раз она терла юбку и кофту о камни и полоскала. Потом она вымылась сама. В ледяной воде она быстро замерзла и стала дрожать так, что у нее застучали зубы. Но все же Дар старательно мылась, словно пыталась смыть с себя все вашавокское.

В предвечерних сумерках Дар брела по дороге, нарядившись проклятой. При каждом ее шаге звенел колокольчик, привязанный к посоху. Лоб Дар повязала тряпицей. Нос она повязала другой тряпицей, вымазав ее в красной глине под цвет запекшейся крови. Обе ее руки также были обмотаны повязками — так, что казалось, что на одной руке у нее вообще нет пальцев, а на второй не хватает двух. После наступления темноты похожим образом должны были нарядиться орки, но идти вперед, пока светло, могла решиться только Дар. Только она могла раздобыть еду.

После стольких дней, когда приходилось постоянно прятаться, Дар непривычно чувствовала себя на дороге. Хорошо еще, что дорога была почти безлюдная. Народа в холмах жило немного, и Дар шла довольно долго, прежде чем увидела впереди небольшое селение. Оно располагалось у конца проселочной дороги, ведущей в лощину. Дар направилась туда, старательно ударяя по земле посохом, чтобы возвестить о своем приближении. Она была еще на довольно почтительном расстоянии от домов, когда над ее головой просвистел камень. Дар остановилась и увидела, что камень в нее швырнул мальчик, рядом с которым стояла женщина. Мальчишка наклонился и набрал еще камней, но швырять не стал.

— Дальше не ходи, — крикнула женщина, — я вынесу тебе хлеба.

Дар поклонилась и стала отступать назад, не спуская глаз с мальчишки. Женщина подошла к дороге, положила на землю что-то зеленовато-голубое и поспешила прочь. Дар дождалась, пока женщина уйдет, и только потом вернулась. Оказалось, что женщина положила на землю половину карава хлеба, покрытого плесенью. Дар наклонилась, чтобы подобрать хлеб, и на землю прямо перед ней упал камень. Рядом упал второй. Дар схватила хлеб и поспешила уйти.

Вернувшись к тому месту, где спрятались орки, Дар разделила на порции

заплесневелый хлеб и грибы. Когда они поели, уже успело так стемнеть, что орки могли без опаски выйти из леса. Убывающая луна давала мало света, а звон колокольчика отпугивал любого любопытного. Таким образом Дар и орки беспрепятственно миновали холмы и вышли в долину, где небольшие крестьянские селения чередовались с лесами и пустошами.

Целый день Дар проспала в лесу, пока не настало время снова отправляться на поиски пропитания. Она обошла несколько селений, и вечерняя трапеза для орков получилась более обильной, хотя менее съедобной. Дар чувствовала себя неловко, объявляя, что эти отбросы — дар Мут ла, но орки не жаловались.

Когда стемнело, Дар и орки снова тронулись в путь. Луна еще не взошла, и Дар видела только белесую проселочную дорогу. Нигде не светились окошки домов, ночные тени сгустились над окрестностями. Поэтому когда за поворотом дороги Дар увидела свет, он сразу привлек ее внимание. Она остановилась.

— Ты ничего необычного впереди не видишь? — спросила она у Ковока.

— Тва, — ответил орк, взглядевшись в темноту.

Дар вздохнула и зашагала дальше.

— Я так и думала.

Однако видение не исчезало. Огонь горел прямо посреди дороги, и избежать встречи с ним можно было, только обойдя его. Казалось, смысла в этом немного, поэтому Дар ничего не сказала и продолжала идти вперед. Костер вовсе не казался каким-то ненастоящим. Приближаясь к нему, Дар ощутила жар, исходящий от пламени. Его языки озаряли дорогу, удлиняли тени странников.

Дар почувствовала, как Ковок-ма дотронулся до ее плеча.

— Ты что-то видишь, — сказал он.

— Хай, — прошептала Дар, — это...

— Не говори мне! — оборвал ее Ковок-ма, — Мут ла открывает это только тебе одной.

Вскоре они подошли к костру так близко, что Дар просто-таки взмокла от жара. Против воли пламя притягивало к себе ее взгляд — пламя и скрюченная фигура внутри его. Дар расплакалась. Пламя исчезло, сменилось прохладной тьмой.

После того как видение покинуло Дар, у нее было такое ощущение, словно она прошла некое испытание. Почти сразу страх и тоска, охватившие ее, сменились покоем. Поэтому она и решила, что одолела испытание. Покой не оставлял Дар всю ночь и на следующее утро. Когда на рассвете они остановились, чтобы отдохнуть после ночного пути. Дар легко и крепко уснула. Ближе к вечеру она проснулась прекрасно отдохнувшей и огляделась по сторонам. Ковок-ма куда-то ушел.

«Наверное, он пошел собирать грибы или ягоды», — подумала Дар и пожалела о том, что Ковока нет.

Она какое-то время подождала, но Ковок-ма все не возвращался, и тогда она решила разведать дорогу. Чем дальше они уходили от Гарлсхолдинга, тем менее уверенно она себя чувствовала в выборе пути. Дар повязала лоб тряпицей и пошла к дороге, намереваясь выдать себя за обычную странницу и, если повезет, спросить у кого-нибудь дорогу.

Тянулся долгий летний день, солнце еще не село. Оно подсвечивало деревья зелено-золотистым светом. По извилистой дороге, судя по всему, в этих краях мало кто ходил, и Дар никого не встретила. Она шла, пока солнце не начало клониться к горизонту. На дорогу легли тени. Дар уже собралась повернуть обратно, когда услышала, что кто-то бежит с той стороны, откуда она пришла. Испугавшись, что кто-то гонится за ней. Дар была готова спрятаться, но услышала, что бегущий человек рассмеялся. Он смеялся так заразительно и весело, что Дар успокоилась и решила все же заговорить с ним.

Вскоре на дороге появился молодой человек в охотничьем костюме. Заметив Дар, он радостно вскрикнул и устремился к ней.

— Поймали его! — прокричал он, — мы его поймали!

— Кого поймали? — спросила Дар.

Молодой человек остановился. Ему явно не терпелось рассказать о случившемся.

— Мы охотились на вепрей с гончими собаками и вдруг увидели, как он топает по лесу. Ну, мы и напустили на него свору псов. Пять собак он уколошил и чуть было не прикончил Тарла и Гама, но тут Сав его дубинкой шарахнул. Вот это была драка!

— О ком ты говоришь? — с искренней тревогой спросила Дар, — кого вы поймали?

— Здоровенного гоблина! Первого в этих краях изловили с тех пор, как мой отец мальчишкой был.

— Вы его убили?

Молодой человек улыбнулся.

— Еще нет. Вот спешу народ собрать, чтобы мы его поджарили, как полагается.

— Хотелось бы поглядеть, — сказала Дар, — а где он?

— Чуть дальше на дороге. Мы его туда оттащили и привязали к дереву.

Дар медлила только секунду. В следующее мгновение она вонзила кинжал в грудь молодого охотника. Этому приему — быстрому удару снизу под ребра, прямо в сердце, — ее научил Севрен. Охотник устремил на Дар взгляд, полный изумления, что-то беззвучно проговорил — и рухнул на землю. Дар смотрела, как он умирает. Но вина за содеянное была меньше ее тревоги за Ковока. Орк ни в чем не был виноват, в отличие от этого человека. Вдруг привидевшийся Дар огонь приобрел страшный смысл. Ей оставалось надеяться только на то, что в видениях ей являлось не то, что было неотвратимо.

Дар схватила мертвого охотника за лодыжки и оттащила в кусты. Поспешно забросав труп землей и опавшей листвой, она опрометью побежала назад по дороге. Дар не знала, успел ли убитый ею охотник рассказать еще кому-то о поимке орка, поэтому не могла предвидеть, что ее ожидает. Представляя себе толпу, жаждущую сжечь Ковока заживо, она бежала все быстрее.

Сначала Дар услышала голоса и только потом увидела людей. Судя по голосам, их было больше двух. Понимая, что они превосходят ее числом, она придумала, как их застигнуть врасплох и отвлечь. Дар свернула с дороги и пошла по лесу. Через некоторое время она увидела мужчин на дороге. Дар разорвала кофту на груди и, стараясь как можно сильнее шуметь, с криком побежала к ним. Вскоре она увидела широкую спину орка. Его руки были скручены за спиной и привязаны к стволу дерева.

Трое мужчин удивленно уставились на Дар, выбежавшую из-за деревьев. В руках они держали короткие пики. Еще двое тяжело раненных мужчин лежали на земле. Рядом бродили несколько охотничьих собак. Собаки были черные и с виду свирепые.

— На помощь! — прокричала Дар, — на меня напал гoblin! — Она промчалась мимо дерева, остановилась и обернулась, — вот этот!

К дереву был привязан Зна-ят. Одежда на нем была изодрана. Его явно сильно избили, на его голове краснела запекшаяся кровь. Однако орк не лишился чувств и вяло пытался порвать веревки. У его ног были свалены в кучу сухие кусты и хворост. Появление Дар его изумило, и она тоже очень удивилась, увидев его.

— Теперь он тебя не тронет, — сказал один из мужчин, пялясь на обнаженную грудь Дар, — оставайся с нами, поглядишь, как он будет поджариваться.

— Я должна отомстить ему, — сказала Дар и выхватила кинжал.

При виде оружия Зна-ят заволновался, Двое спутников первого охотника расхохотались. А первый схватил Дар за руку.

— Не порть нам забаву.

Дар заговорила с ним негромко, доверительно:

— Я просто хочу отрезать от него маленький кусочек. Может, палец — чтобы он напоминал мне о вашей храбрости, — она шагнула ближе к мужчине и жарко прошептала: — Ты не пожалеешь, что позволил мне сделать это.

Мужчина ухмыльнулся.

— Ну, так и быть, забирай палец.

Дар подошла к Зна-яту и прошептала по-оркски:

— Я перережу веревки. Кричи, будто тебе больно.

Она зашла за дерево. Толстая веревка была несколько раз обмотана вокруг запястий орка. Как только Дар начала перерезать веревку, Зна-ят громко взревел. Охотники стали ухмыляться и хохотать. Однако веревку не так просто было перерезать, и один из мужчин решил посмотреть, почему Дар так долго копается.

— Чего ты там возишься так долго? — спросил он и подошел к Дар.

Она заслонила собой руки орка, но охотник подошел ближе и увидел наполовину перерезанные веревки.

— Эй! — возмущенно крикнул охотник и выхватил нож.

Тогда Дар быстрым движением перерезала ему горло. Дальше началось нечто невообразимое. Из горла мужчины хлынула кровь. Увидев кровь, на Дар бросились собаки. Зна-ят вырвался из пут и схватил толстый сук из кучи хвороста у себя под ногами. Одна собака налетела на Дар и сбила ее с ног. Вторая вцепилась зубами в ее лодыжку. Первая была готова вонзить зубы в шею Дар, но Дар успела ударить ее кинжалом. Кто-то закричал. Дар еще раз уколола собаку. Кинжал угодил псу между ребер. Кто-то застонал. Собака повалилась на бок, рукоять кинжала выскользнула из пальцев Дар. Опять послышался крик. Дар попыталась отпихнуть собаку, вцепившуюся в ее лодыжку. Но пес сжал зубы намертво. Боль была ужасная. Кто-то ударил Дар с такой силой, что она покатилась по земле. Всего в нескольких дюймах от ее носа в землю вонзилась пика. Послышался противный хруст. Кто-то повалился на Дар, у нее перехватило дыхание. Собака взвыла и обмякла. Послышался жалобный визг, и собачьи зубы на лодыжке Дар разжались. Потом стало тихо.

Дар поднатужилась и, оттолкнув лежавшего на ней мертвеца, оглядела поле боя. Зна-ят явно употребил неожиданность нападения себе на пользу. Все люди были мертвы. Двое лежали на земле с проломленными черепами. Из спины того, который упал на Дар, торчала пика. Рядом валялись три мертвые собаки. Рядом с Дар стоял Зна-ят. Из свежей раны на его плече струилась кровь. Было видно, что ему худо от боли и потери крови. Дар медленно поднялась на ноги. Ее лодыжка кровоточила и болезненно пульсировала, но все же она могла ступить на ногу.

— Кто-нибудь из вашавоки убежал?

— Что? — непонимающе спросил Зна-ят.

— Все ли вашавоки, кого ты видел, мертвы?

— Тва. Один побежал по дороге после того, как меня связали.

— Того я тоже убила, — сказала Дар.

Зна-ят изумленно уставился на нее.

— Будет лучше для нас, если мы спрячем этих убитых вашавоки и их собак, — сказала Дар.

Зна-ят, похоже, не слушал ее. Он не ответил.

Дар ухватила за лодыжки того из убитых охотников, который лежал ближе к ней, и с трудом потащила его к кустам.

— Помоги мне!

Зна-ят наконец обрел дар речи.

— Я сделаю это, — сказал он, без труда поднял труп и понес прочь.

Пока Зна-ят уносил и прятал трупы, Дар подняла свой кинжал и стала, прихрамывая, ходить по опушке и старательно убирать все следы побоища. В землю на проселочной дороге впиталось слишком много крови, ее нельзя было убрать до конца. Занимаясь этим, Дар мало-помалу начала осознавать, что случилось, и в ужасе задрожала.

«Я должна была сделать это, — говорила она себе, — теперь все позади. Все кончено. Мы живы. Его не сожгли».

Когда Зна-ят вернулся, спрятав последнюю убитую собаку, Дар успела закончить свою работу.

— Нам нужно вернуться к остальным, — сказала она.

Зна-ят подхватил Дар и забросил себе на плечо. Точно так же он носил трупы.

- Опустить меня, — попросила Дар, — я могу идти.
- Тва, — сказал Зна-ят и зашагал в ту сторону, где спрятал мертвые тела.
- Ты идешь не в ту сторону, — сказала Дар.
- Я должен забрать мое оружие, — ответил Зна-ят.

Лежа на плече у орка, Дар не могла видеть его лица, но голос Зна-ята звучал тревожно. Он держал Дар крепко, освободиться она не могла. Кинжал девушки был прижат к груди орка, Дар не могла им воспользоваться. Дар понимала, как глупо все получилось. Она рискнула жизнью, а в результате оказалась один на один со Зна-ятом и была целиком в его власти.

8

Зна-ят нес Дар не слишком долго. Вскоре он опустил ее на землю на небольшой поляне. Повсюду были видны следы недавнего сражения. На траве валялись мертвые собаки. Одна из них была разрублена пополам. Примятая трава темнела там, где по земле тащили Зна-ята. Дар стала осматривать поляну, а Зна-ят начал искать свое оружие. Кинжал он обнаружил в кустах, поднял его и убрал в ножны, а потом нашел свой меч. Его убирать в ножны он не стал. Он распрямился и повернулся лицом к Дар. Вид у орка по-прежнему был взволнованный. Его рука, сжимавшая меч, слегка дрожала.

- Я чую твой страх, — сказал он.

Дар промолчала, но сжала рукоять своего кинжала. Зна-ят шагнул ближе к ней.

- Это мудро, что ты меня боишься.

Дар гадала, далеко ли сумеет убежать с раненой лодыжкой.

«Орка мне не обогнать», — думала она, вспоминая, как Ковок-ма нес ее на плечах.

Тем не менее она была готова попытаться метнуть в Зна-ята кинжал. Но пока она сидела совершенно неподвижно.

— После того как меня поймали, тебе ничто не грозило, — сказал Зна-ят, — почему ты пришла?

- В видении мне представился горящий уркзиммути.

Зна-ят ничего не сказал. Он долго молча смотрел на Дар. И вдруг из его глотки вырвался негромкий скорбный стон. Он становился все громче, и Дар задрожала от страха. Зна-ят бросил свой меч к ее ногам и повалился на четвереньки. Далеко не сразу он совладал с собой и начал говорить.

— Мут ла вошла в мою грудь, — сказал он, — я очнулся от дурного сна и увидел все открытыми глазами. Ты мудра и добра. А я был глуп и злобен. Мне стыдно за твой страх, — он опустил голову, — укуси мою шею.

Дар знала, что согбенная шея — это знак того, что орк сдается и просит пощады, но она никогда не слышала о том, чтобы один орк кусал другого. Это казалось ей отвратительным, и она растерялась.

Зна-ят не шевелился.

- Прошу тебя, Мать, оставь свою отметину.

Дар все еще не могла решиться.

- А что означает этот укус?

— Моя жизнь станет твоей.

- Это был бы большой дар, — сказала Дар, — но почему я его заслуживаю?

— Меня поймали, потому что ненависть сделала меня беспечным. У меня была только одна мысль — убить тебя. Я собирался спрятать твоё тело и никому ничего не сказать. Ты увидела зло в моей груди и отплатила за него отвагой.

- Почему ты меня так ненавидел? — спросила Дар.

— Я думал, что вашавоки не место среди уркзиммути. Я не понимал.

- Чего ты не понимал?

— Когда я швырнул тебя в реку, вашавоки умер. Твоя жизнь была даром Мут ля.

Теперь ты служишь ей. Прошу тебя, Даргу, позволь мне искупить мое зло. Твой укус благословит меня.

Дар справилась с чувством неловкости, опустила на колени и сильно сжала зубы, чтобы прокусить кожу на шее Зна-ята. Как только она сделала это, орк вздохнул с таким облегчением, словно расстался с тяжелой ношей. Зна-ят поднялся. Дар ни разу в жизни не случалось видеть такого полного преображения. Залитое кровью лицо орка стало покорным и умиротворенным.

— Шашав, Даргу, — произнес он, — шашав, Мут ла.

Ковок-ма явно растревожился, когда увидел Зна-ята, несущего на руках Дар.

— Вы оба ранены! — воскликнул он, — что случилось?

— Мы дрались с вашавоки и их собаками, — ответила Дар, — все они мертвы. Какое-то время нам нечего бояться.

— Ты сильно ранена? — спросил Ковок-ма.

— Собака укусила Даргу за ногу, — сказал Зна-ят.

— Больно, но кость цела, — сказала Дар, — у Зна-ята раны хуже моей.

— Тва, — возразил Зна-ят, — они небольшие.

Ковок-ма осмотрел лодыжку Дар. Из раны все еще текла кровь, нога распухла.

— Зна-ят поступил мудро, решив нести тебя, — сказал Ковок-ма и внимательно посмотрел на своего двоюродного брата, — что-то еще случилось, — заключил он.

— Хай, — ответил Зна-ят, — Даргу укусила мою шею.

Ковока это известие поразило как удар грома. В первый момент Дар не могла понять, рад он или огорчен. Он перевел взгляд на других орков. Те тоже были поражены услышанным. Видя это, Дар испугалась и пожалела о том, что Зна-ят сразу признался в том, что между ними произошло.

Мало-помалу Ковок-ма оправился от изумления и раздвинул губы в широкой улыбке.

— Я очень удивлен, — признался он.

Зна-ят усмехнулся в ответ.

— Не меньше меня, — сказал он.

Дар нарушила наступившее молчание.

— Ковок-ма, у тебя есть снадобье для ран Зна-ята?

— Мне нужно поискать подходящие травы, — ответил Ковок-ма.

— Лучше бы тебе поскорее их найти, — сказала Дар, — к утру мы должны быть далеко отсюда.

Ковок-ма ушел искать целебные растения, а другие орки омыли кровь с ран Дар и Зна-ята. Пока они занимались этим, Дар рассказала о столкновении с охотниками, но ни словом не обмолвилась о том, что произошло между ней и Зна-ятом. Но когда она завершила рассказ, Зна-ят добавил:

— Меня поймали, потому что я пытался убить Даргу.

Его откровенность удивила Дар, но не орков.

— Я давно чувял твою ненависть, — сказал Дут-ток, — я рад, что ты наконец избавился от нее.

— Хай, — сказал Лама-ток, — теперь настанет мир и покой.

— Даже сыновья могут видеть, что это — промысел Мут ла, — сказал Варз-хак, — ты мудро поступил, подставив шею. Даргу с этим поступит мудро.

— Теперь я это знаю, — проговорил Зна-ят и поклонился Дар.

Слушая этот разговор, Дар понимала, как одинока она была до сих пор. Никто не говорил с ней о ненависти Зна-ята — даже Ковок-ма. Она до сих пор не до конца понимала, что будет теперь, после того как она укусила шею Зна-ята.

«Я веду их, но мы редко разговариваем. Я ничего не знаю об их жизни, кроме того, что Ковок-ма любит коз».

И Дар решила, что все должно стать иначе.

Ковок-ма возвратился и принес несколько растений.

— Мут ла помогла мне, — сказал он, — я нашел то, что нужно.

— Сначала полечи Зна-ята, — сказала Дар, — у него больше ран.

— Тва, — возразил Зна-ят.

— Я сам решу, — сказал Ковок-ма, — даже матери повинуются знахарям, — он отсчитал пять маленьких зеленых ягод и протянул их Дар. Потом дал такие же ягоды Зна-яту, но больше, — прожуйте их очень хорошо, — сказал он, — а потом проглотите.

Дар положила ягоды в рот и раскусила. Они оказались такими горькими, что она чуть не задохнулась. Дар заставила себя жевать ягоды. К тому времени, когда она сумела их проглотить, Ковок-ма уже ощупывал ее лодыжку. Разжевав какие-то травы, он сплюнул зеленую слюну на ладонь и обмазал ею рану Дар. Сначала пекло и кололо, но потом нога онемела. Затем Ковок-ма заполнил ямки, оставленные собачьими зубами, измельченными листьями другого растения. Но прежде чем заняться ранами Зна-ята, он спросил у Дар, какой дорогой им следует пойти ночью.

— Зачем тебе это нужно знать? — поинтересовалась Дар.

Ковок-ма протянул Дар большой ворсистый лист.

— После того как ты съешь это растение, ты будешь спать.

— Я не смогу спать сегодня, — сказала Дар, — мы не должны остаться здесь.

— Ты будешь спать, а я понесу тебя, — сказал Ковок-ма.

— Тва, — покачала головой Дар, — если мы встретим вашавоки, я должна буду поговорить с ними.

— Я — знахарь, — сказал Ковок-ма, — и я думаю, тебе лучше поспать.

— Ты должен послушаться Даргу, — заметил Зна-ят, — неси ее, но не давай ей этот лист.

— Найимгат не только дает сон, — возразил Ковок-ма, — он также лечит.

— Я пожую этот лист завтра, — сказала Дар, — сегодня мне нужен трезвый ум.

Ковок-ма больше не стал спорить. Он стал жевать другие травы и занялся лечением ран Зна-ята. Как только все они были очищены и на смену боли пришло онемение, Ковок-ма зашил резаную рану на плече Зна-ята. Когда он закончил эту работу, наступила ночь.

Вскоре Ковок-ма уже нес Дар на плечах и шагал по пустой темной дороге. Она могла только надеяться на то, что они не заблудятся. О том, чтобы спросить у кого-то, как пройти к горам, не могло быть и речи. Раньше или позже окрестные жители обнаружат убитых охотников, и Дар вовсе не хотелось, чтобы кто-то вспомнил о встреченных на дороге странниках. Она решила, что будет лучше, если она и орки будут притворяться проклятыми и двигаться вперед как можно более быстро и бесшумно.

Они никого не встретили. Тянулась ночь, и Дар мало-помалу начала успокаиваться. Целебные травы притупили боль в раненой лодыжке. Мерное покачивание на плечах Ковока действовало на нее убаюкивающе. Положив голову на плечо орка, Дар смотрела в темноту, полуприкрыв глаза. Увидев огонь, она не смогла понять, настоящий он или только мерещится ей. Костер горел позади и становился тем меньше, чем дальше уносил Дар Ковок-ма. Мало-помалу он стал маленьким огоньком, и Дар перестала отличать его от далеких звезд на небе.

9

Ближе к рассвету орки спрятались в лесу. Поскольку вечером Дар не смогла попрошайничать, есть было нечего. Но Ковок-ма дал ей лист найимгата — Дар прожевала его, и голод перестал ее мучить: она заснула. Когда она проснулась, была ночь. Вокруг нее неподвижно сидели орки. При свете звезд горели бледно-зеленые глаза Ковока. Остальные орки спали.

— Почему ты не разбудил меня? — спросила Дар, — нам пора в дорогу.

— Слишком поздно трогаться в путь, — сказал Ковок-ма, — скоро взойдет золотое око.

— Ты хочешь сказать, что мы зря потратили целую ночь?
— Ничего мы не потратили зря, — ответил Ковок-ма, — тебе нужно было отдохнуть.
Дар пощупала лодыжку. Жар и припухлость пропали. Она согнула ногу. Боль стала меньше. Она улыбнулась.

- Значит, даже матери повинуются знахарям.
- Мудрые матери повинуются, — кивнул Ковок-ма.
- А тем, которые не повинуются, ты даешь листья найимгата.
- Если они свирепы и упрямы, это хорошее снадобье.
- Тогда зачем же ты дал его мне? — шутливо спросила Дар.
- Потому что ты и свирепа, и упряма.

Дар подумала о том, пахнут ли насмешки, и если да — то как. Спрашивать она не стала. Когда орки говорили о запахах, она чувствовала себя слепой, которой рассказывают о радуге.

— Когда настанет утро и проснутся вашавоки, — сказала она, — я попытаюсь раздобыть еды.

- Это не понадобится, — сказал Ковок-ма, — вчера мы набрали много еды.
- Значит, пока я спала, вы рисковали.

— Не так уж сильно, — ответил Ковок-ма, — здесь живет мало вашавоки. Наши предки когда-то возделывали землю в этих краях, и те растения, которые они сажали, еще растут, хотя и одичали, — ковок-ма указал на большую кучу клубней, корней и мясистых ростков.

- Похоже, вы попиروвали, — сказала Дар.
- Еще нет, — ответил Ковок-ма, — пищей владеют матери.
- Вы ждали, когда я проснусь и подам вам еду?
- Так положено.

Дар подумала о том, что у них так много еды и впереди — целый день отдыха, и порадовалась. Эта радость была сильнее того покоя, который она ощущала в Гарлсхолдинге, потому что ею овладело не просто отсутствие страха. Когда она была батрачкой, она никому не была нужна. А орки так нуждались в ней. Дар расслабилась и зевнула.

- Земля по утрам холодная, — сказал Ковок-ма и положил себе на колени плащ.

Дар поняла намек и забралась на колени к орку. Ковок-ма обнял ее.

- Земля холодная, — сонно проговорила Дар, — хорошо, что ты такой теплый.

Растения, собранные орками, были внове для Дар. Толстые стебли растения под названием тунг были полны густым соком. На вкус он немного напомнил похлебку. Корнеплод под названием брак имел хрустящую желтую мякоть с ореховым привкусом. Клубни паши оказались пресными, но сытными. Дар наелась вдоволь. Кроме того, эта пища напомнила оркам о родине.

- Вчера воздух был чистый, — сказал Дут-ток, — я видел Блат Уркмути.
- Как тебе показалось — до гор близко? — спросила Дар.
- Тва, но посмотреть на них было приятно, — ответил Дут-ток.
- Лама-ток вздохнул.
- Хотел бы я снова потрудиться над их костями.
- Хай, — сказал Дут-ток, — кип и бакт лучше годятся для рук, чем меч.
- Что такое кип и бакт? — спросила Дар.
- Это орудия для обработки камня, — объяснил Дут-ток и сделал вид, будто бьет молотом по резцу, — бактом бьют по кипу.
- Ты был каменотесом? — спросила Дар.
- Хай, — подтвердил Лама-ток, — клан Ток этим знаменит.
- Мы с Ламой построили ватем Зна-ята, — сказал Дут-ток.
- Дар посмотрела на Зна-ята.
- Это что? Дом?

Зна-ят улыбнулся.

— Если это дом, то, пожалуй, для мышей. Ватем — это стена, чтобы потом сделать ровной землю на склоне. Вокруг наших домов много ватемов. И горные склоны выглядят так.

Он нарисовал пальцем в воздухе широкие ступени.

— Ты трудился на земле? — спросила Дар, — а я думала, ты воин.

— Убивать других — это неправильная работа, — сказал Зна-ят, — дома я выращиваю брак и паши. Ковок-ма растит коз и делает твердое молоко. Варз-хак изготавливает песчаный лед.

— Песчаный лед? — переспросила Дар, — что это такое?

— Это особая мудрость клана Хак, — ответил ей Варз-хак, — мы умеем плавить песок. Когда он остывает, он становится твердым и чистым, как лед, но он не холодный.

— Сквозь маленькую дверцу из песчаного льда все видно, — добавил Ковок-ма, — но через нее не проникают дождь и ветер.

Дар представила себе окошко и ставни, от которых в доме не становится темно.

— Это, наверное, очень удобно.

— Хай, — подтвердил Варз-хак, — даже вашавоки хотят иметь песчаный лед. Еще я могу делать из песчаного льда сосуды для хранения разных вещей. Можно видеть, что лежит внутри.

— Если такой сосуд уронить, он разобьется, — сказал Ковок-ма и рассмеялся, — клан Хак умеет делать вещи, которые все хотят иметь и которые все разбивают.

— Вы умеете делать столько полезного, — сказала Дар, — почему же вы воюете?

— Сыновья должны защищать матерей, — ответил Ковок-ма.

— Но как же вы можете защищать матерей, сражаясь за вашавоки? — спросила Дар.

— Я не знаю, — признался Ковок-ма, — эта мудрость принадлежит королеве.

— Наверное, — сказал Зна-ят, — если мы откажемся сражаться на стороне короля вашавоки, они нападут на страну уркзиммути.

— Возможно, ты прав, — сказала Дар и подумала о том, что Зна-ят лучше других орков понимает, как вероломны и жестоки люди.

— В стародавние времена, — сказал Ковок-ма, — уркзиммути не воевали. Мы не делали оружия. Никто не носил тяжелых одежд смерти.

— Этому научили наших предков вашавоки, — добавил Зна-ят.

«Не удивительно, что вы их ненавидите», — подумала Дар и сказала:

— Это были жестокие уроки.

— Хай, — сказал Зна-ят, — но ты научишь нас другому.

— Мне нечему вас научить, — возразила Дар.

— Научишь, — твердо заявил Зна-ят.

Дар в очередной раз удивилась словам Зна-ята.

«Два дня назад он замыслил убить меня, — думала она, — теперь он говорит так, словно мне предначертана какая-то особая судьба».

От этой мысли Дар стало неловко, но она радовалась тому, как перемены в поведении Зна-ята действуют на других орков. Им стало легче, они впервые разговорились. Какое-то время продолжался разговор о привычных занятиях орков. Потом Дар сменила тему и заговорила о более личных вещах, потому что ее интересовало, женаты ли орки. Ей непросто было задать этот вопрос так, чтобы они ее поняли.

— О, — кивнул Дут-ток после того, как Дар предприняла третью попытку задать этот вопрос, — Даргу спрашивает, есть ли у нас мутваши.

— Воевать идут только молодые сыновья, — сказал Ковок-ма, — те, у которых есть мутваши, остаются дома.

— Значит, ни у кого из вас нет мутваши? — спросила Дар.

— Тва, — ответил Ковок-ма.

— Думаю, у Дут-тока скоро будет мутваши, — сказал Лама-ток, — у нашей мутури

мудрый нос.

— Что это означает? — непонимающе спросила Дар. Ковок-ма улыбнулся, — когда мутури думает о том, кто станет мутваши для ее сына, она поступает мудро и прячет свой нос.

— Но почему? — спросила Дар.

— Когда кто-то кому-то нравится, это легко заметить, — ответил Ковок-ма.

— Это можно унюхать?

— Хай, — сказал Дут-ток, — запах приятный.

— А я думала, что такие запахи не бывают приятными или неприятными, — призналась Дар.

Дут-ток улыбнулся.

— Когда запах исходит от той матери, что тебе по нраву, он очень приятен.

Дар задумалась о том, что содержит этот запах — аромат любви или желания. Но этот вопрос показался ей слишком личным, и она не стала его задавать. Она спросила о другом:

— А как называется этот запах?

— Атур, — сказал Дут-ток, — как же я по нему тоскую!

Первый день отдыха за многие месяцы стал для Дар почти праздником. Она словно бы тоже возвращалась домой. Она починила порванную кофту, а все остальное время отдыхала или разговаривая с орками. Более всего Дар было дорого новообретенное чувство нужности и родства. Она ощущала, что ее связывает с орками не только необходимость и общая цель, но и то, что все они хорошо, по-доброму относятся друг к другу.

Когда стемнело, Дар и орки нарядились проклятыми. Нога у Дар по-прежнему побаливала, но она могла идти самостоятельно. Еды еще хватало, и по пути Дар не должна была попрошайничать, поэтому шли без задержек. Земля стала суше. Леса сменились зарослями колючих кустарников. Селения, мимо которых они проходили, становились все меньше, и Дар стала меньше волноваться о том, что люди превзойдут число орков, если разгадают их маскарад и нападут. Ближе к рассвету Дар и орки сошли с дороги и заночевали в зарослях.

Следующая ночь была похожа на предыдущую, но, увы, кончилась еда. Путники проспали весь день. Незадолго до заката Дар отправилась в сторону селений, и там ей дали еду, чтобы она поскорее ушла. Уже было совсем темно, когда Дар собрала столько объедков, что их могло хватить для скудного ужина.

Путники продвигались все дальше на север. Земля ощутимо шла на подъем, становилась все суше и через какое-то время почти превратилась в пустыню. Когда поднялась луна и на землю легли тени, Дар различила в темноте следы древних каналов на поверхности опустошенной долины. Каналы едва угадывались, они стали чуть заметными неглубокими канавками, но их было много, и это зрелище производило сильное впечатление. Ковок-ма заметил, что Дар смотрит на остатки каналов.

— Давным-давно уркзиммути вырыли эти каналы, чтобы привести сюда воду из далекой реки.

— Это место когда-то называлось Зеленой Равниной, — добавил Зна-ят.

— Что же случилось? — спросила Дар.

— Пришли вашавоки, — коротко ответил Зна-ят.

На следующий день Дар отправилась к людским селениям чуть раньше, чем обычно. Ей нужно было больше времени, чтобы набрать еды, потому что крестьяне тут были бедны и еды подавали очень мало, а расстояния между селениями стали довольно большими. К позднему вечеру Дар собрала только несколько заплесневелых клубней. Впереди она увидела еще одно селение. Казалось, там никто не жил. Только в одном доме из-под стрехи тянулись струйки дыма. Дар уже была готова пройти мимо этой деревушки, но голод заставил ее попросить подаяния. Умело постукивая посохом по земле и звеня

колокольчиком, она пошла к дому, готовая в любой момент уклониться от брошенных камней.

Обычно люди появлялись задолго до того, как она подходила к ближайшему жилищу, но на этот раз к ней навстречу никто не вышел. Дар пошла дальше по тропинке, ведущей к дому. Она была уже совсем недалеко, когда открылась дверь и вышел мужчина. Он был очень стар — с седой бородой и лицом, изборожденным морщинами, но двигался он ловко и быстро. Еды он не вынес.

— Я не боюсь проклятых, — объявил он.

— Достойнее подать милостыню из милосердия, чем из страха.

Старик улыбнулся.

— Ты славно говоришь, и я тебе дам нечто поважнее еды, — он проворно подошел к Дар и сорвал повязку с ее лица. Едва заметная улыбка на его губах сменилась широкой усмешкой, — вот видишь — я сделал тебе новый нос. Вернуть тебе и недостающие пальцы?

Дар не знала, что сказать. Она густо покраснела.

— Тебя выдали пальцы на ногах, — сказал старик, — проклятые сначала теряют именно их.

Дар стала пятиться к дороге, гадая, не придется ли ей защищаться.

— Не уходи, — попросил старик, — я ждал тебя.

— Что? — ошеломленно проговорила Дар.

— Перья предсказали обман, — объяснил старик, — потому я и узнал тебя.

Дар подумала: «Уж не безумец ли он?» Старик не обратил внимания на ее подозрительный взгляд.

— Поужинай со мной, — сказал он, — вряд ли приятно получать вместо милостыни ругань и камни.

— Спасибо, но мне нужно идти.

— Обратно к остальным?

— К остальным? — переспросила Дар, — нет никаких остальных.

— Ну да, опять обман, — кивнул старик, весело сверкая глазами. Он посмотрел на маленький узелок Дар, наполненный клубнями, — шестерых этим не накормить.

Дар попятилась еще дальше назад и постаралась сделать вид, будто эти слова старика ее совсем не удивили.

— Тер на сути на брет, — сказал старик. («Ты мудро поступаешь, ведя себя осторожно».)

Дар замерла на месте.

— Вашавоки жестоки и вероломны, — сказал старик, — только они клеймили бы мать. Крамав тва ма. Ма нат уркзиммути. («Не бойся меня. Я уркзиммути».)

— Та гават тва уркзиммути, — возразила Дар. («Ты не похож на уркзиммути».)

Старик улыбнулся и, раздвинув пряди белоснежной бороды, показал Дар черные линии татуировки.

— Я родился вашавоки, но это татуировка моего клана уркзиммути. Мой клан зовется Па. А меня зовут Веласа-па.

— Первая часть названия означает «тот, кто видит», — сказала Дар, — похоже, оно тебе подходит. А меня уркзиммути называют Хорьком.

Веласа-па кивнул.

— Я думаю, Даргу — хорошее имя для тебя.

— Ты говоришь так, словно знаешь меня, — сказала Дар встревоженно и озадаченно, — но я совсем не знаю, кто ты такой.

— Я — древность, — ответил Веласа-па, — когда я был молод, эти края были зелены и уркзиммути жили здесь в мире и покое.

Дар недоверчиво уставилась на старика.

— Но это было много столетий назад!

— Мут ла сохранила мою жизнь. Войди в дом. Мы поглядим на перья.

Веласа-па повернулся и пошел к дому. Он явно ожидал, что Дар последует за ним. Она растерянно смотрела ему вслед. Он не казался ей опасным. Но ей было любопытно, почему до сих пор он был так ловок и подвижен, а теперь шагает пошатываясь. Веласа-па остановился у входа в дом.

— Входи, — сказал он, — я жду уже очень давно.

Дар не в силах была отказаться. Она вошла в хижину старика. Над маленьким очагом булькало варево в котелке, воздух наполнялся аппетитным ароматом.

— Это муттуфа, — сказал Веласа-па, указав на котелок, — славная уркзиммутская похлебка. Твоим друзьям она очень понравится, — он указал на большой мешок, лежащий рядом с очагом, — брака и паши вам хватит, чтобы добраться до Блат Уркмути, — он улыбнулся, заметив озадаченный взгляд Дар, — я же сказал — я ждал тебя.

Дар обвела хижину взглядом. Снаружи у стен были острые углы, а комната оказалась круглой. В земляной пол были воткнуты камни, они завершали круг, образованный стенами.

— Мы внутри «Объятий Мут ла», — догадалась Дар.

— Верно, — кивнул Веласа-па, — во всех жилищах уркзиммути они есть.

Дар обратила внимание на то, что в стены воткнуты сучки, а в них — пучки разных трав и множество мешочков.

— Ты знахарь? Тебе ведома волшба?

— Умею кое-что, — сказал Веласа-па.

Он добрел до стены и выбрал один из мешочков. С виду мешочек был старинный. Вышитый на нем орнамент так выцвел, что был едва различим. Двигаясь медленно, словно бы с большим трудом, Веласа-па сел на земляной пол.

— Подойди, Даргу. Сядь рядом со мной. Давай поглядим, что тебе подскажут перья.

Дар села рядом со стариком, а он трясущимися пальцами развязал тесемку на горловине мешочка. На пол посыпались перья разных цветов. Как только они улеглись, Веласа-па наклонился и дунул на них. Перья зашевелились, но Дар показалось, что это произошло не из-за слабого дуновения старика. После того как перья снова улеглись, старик принялся молча разглядывать их. Прошло довольно много времени, прежде чем он заговорил:

— Посетите Таратанк.

— Где это? — спросила Дар.

— Это руины города уркзиммути, они находятся недалеко от этой дороги. Вашавоки туда не ходят.

Дар вспомнила рассказы о заброшенном городе гоблинов, которые она слышала в Гарлсхолдинге.

— Я слышала об этом месте, — сказала она, — но не знаю, где оно.

— Севернее отсюда дорога раздваивается, — сказал старик, — нужно смотреть хорошенько, потому что по той дороге, которая ведет на запад, никто никогда не ходит и ее трудно разглядеть. Идите по ней до города.

— И это все, что я должна сделать?

Веласа-па более внимательно взгляделся в лежащие на полу перья. Его взгляд опечалился.

— Слушай свое сердце.

— Что? — спросила Дар.

— Твое сердце понимает то, чего не поймет разум. Слушайся его советов — оно мудрее. Но это не всегда будет легко.

— Хорошо, — сказала Дар, хотя совет старика показался ей весьма расплывчатым.

— Есть один человек, который гадает на костях, — сказал Веласа-па, — он — твой враг, но его кости — еще более страшные враги, — Веласа-па оторвал взгляд от перьев и покачал головой, — пожалуй, стоит и тебе самой дунуть на них, — сказал он, — дунь, но тихонько.

Дар наклонилась и дунула. Перья рассыпались и превратились в пыль.

— Значит, все закончено, — заключил Веласа-па, — теперь я отдохну, так что тебе придется подождать ужина. Приведи своих друзей. Эта пища — дар Муг ла. Ее должна подать мать.

— Веласа-па лег на пол и закрыл глаза, — вата. Даргу, — пробормотал он.

Дар встала. Она выглянула из хижины и удивилась тому, что уже так темно. Она обернулась и посмотрела на старика. Веласа-па спал.

— Вата, Веласа-па, — прошептала девушка и торопливо ушла.

Когда Дар вернулась в хижину вместе с орками, дрова в очаге под котелком выгорели. При тусклом свете угольев было плохо видно. Котелок и мешок с клубнями остались на своих местах, но больше никого и ничего в хижине не осталось. Нигде не было видно старика, опустели стены. Ковок-ма огляделся по сторонам.

— Даргу, если бы я не видел эту пищу, я бы подумал, что у тебя снопа было видение. Здесь уже давно никто не живет.

Зна-ят разворошил угли и разглядел содержимое котелка.

— Не могу поверить, что какой-то вашавоки мог сварить муттуфу.

— Он утверждал, что он — уркзиммути, — сказала Дар, — сказал, что его имя — Веласа-па.

Зна-ят удивился.

— Веласа-па? — переспросил он, — да, об этом вашавоки говорится в преданиях.

— Кто этот Веласа-па? — спросила Дар.

— Великий мудрец и волшебник, умерший давным-давно, — ответил Зна-ят, — его клан истребили вашавоки.

10

Две ночи Дар и орки шли к Таратанку. Ближе к горам земля снова стала зеленее, но мало кто здесь трудился на ней. Вместо поселков стояли одинокие хижины в окружении морей высокой травы. В последнюю ночь странствия путники не встретили ни одного человеческого жилища. К этому времени древняя дорога так заросла, что ее почти невозможно было различить на фоне окружающей степи. Только острое зрение орков помогало им идти по этой дороге посреди ночи.

Насколько было известно Дар и ее спутникам, ни один орк уже много столетий не посещал заброшенный город. А в оркских преданиях говорилось, что когда-то он был великим и процветающим. Это был город королевы, родина клана Па, из которого произошла долгая череда монархов. Жили там и другие кланы, поэтому Таратанк прозвали Городом матриархов. Он был центром оркской цивилизации, средоточием многих чудес. Когда Ковок-ма и другие орки говорили о нем, их голоса отражали восторг и волнение.

Орки увидели руины задолго до того, как добрались до них, но Дар впервые разглядела впереди Таратанк только тогда, когда заря осветила равнину. До города было еще далеко, но он был виден хорошо, поскольку размещался на единственном холме. Каждый из тех городов, которые случилось повидать Дар, был окружен защитной стеной, но та полуразрушенная стена, которая стояла вокруг Таратанка, вряд ли могла служить для обороны. Это была невысокая преграда, казавшаяся ничтожной рядом с развалинами, стоящими за ней. По склону холма к стене вела извилистая дорога. Оглядевшись по сторонам, Дар сказала:

— Здесь нас никто не увидит. Пойдемте дальше.

Величественные руины казались ближе, чем на самом деле, и путники добрались до Таратанка только ближе к полудню. Проход в стене венчала тонкой работы арка без ворот. Несмотря на то, что арка была наполовину разрушена, она оставалась красивой. За аркой находился город, изуродованный войной. Из-за его беззащитности разрушения выглядели еще более жестоко. Большинство зданий рядом с низкой стеной были сожжены и

превращены в груды щебня. Только подальше от стены развалины не выглядели настолько ужасно.

Путники вступили в Таратанк и пошли по молчаливым улицам. Время и природа продолжили разрушения, принесенные войной. Травы и деревья пробились между камнями мостовой, ими заросли дома без крыш. Почти везде по стенам взобрались лианы. Правда, растения не слишком портили общий вид, потому что древние строители предпочитали естественные формы. В полуразрушенных домах чаще встречались плавные линии, арки и ниши, чем острые углы. Стены были сложены не из ровных, одинаковых камней, а из разных по форме и размеру. Дверные и оконные проемы и колонны были украшены растительной резьбой. В результате создавалось такое впечатление, будто нижние этажи домов выросли прямо из земли.

Таратанк стал для Дар первым городом, куда она вошла, и, даже будучи заброшенным и полуразрушенным, он зачарован ее. Орки тоже явно испытывали большое волнение. Все шли молча, чувствуя, что величие и трагедия города требуют безмолвия. Когда Дар наконец заговорила, ей показалось, что ее голос звучит неестественно громко.

— Нам следовало бы найти место для отдыха.

Пробродив какое-то время по извилистым улицам, они нашли заросшее лианами здание, у которого до сих пор сохранилась крыша. Этот дом имел скромные размеры в сравнении с соседними постройками, но Дар и он показался огромным. Как и все прочие здания на этой улице, это был жилой дом.

Из разговоров с орками Дар уже знала, что в их жилищах обитают многочисленные семейства, что и отражали размеры этого дома. Все поколения оркских женщин, когда-либо обитавшие здесь, имели кровных родственников — матерей и дочерей. Когда сыновья женились, они уходили к своим женам, но дочери всегда оставались под одной крышей с матерями. Дар шла по комнатам заброшенного дома, и ее постепенно охватывало чувство общей власти матерей. Мужья приходили, как чужаки, чтобы жить среди женщин, соединенных кровью и долгим совместным житьем.

Дар подумала: «Неудивительно, что они так почитают матерей».

Стены внутри здания не пострадали, но дом был жестоко ограблен. В большинстве комнат было пусто, только валялись на полу опавшие листья, залетевшие через разбитые окна. Порой попадались куски заплесневелой ткани и обломки мебели. Но в комнатах почти не было того, что могло бы рассказать о жизни, которая некогда наполняла их. На усыпанном листвою полу под одним из окон Дар заметила осколки песчаного льда. Она подняла один осколок и рассмотрела его. Он выглядел будто теплый лед. Дар посмотрела на свет через светло-зеленый осколок и попыталась представить, как выглядел песчаный лед, когда был вставлен в оконную раму.

Мало-помалу, ходя под дому вместе с орками, Дар начала понимать его устройство. Через все здание тянулся главный коридор и соединял между собой несколько больших круглых комнат, в каждой из которых имелся очаг. Из больших комнат можно было попасть в помещения меньшего размера. Ковок-ма объяснил, что комната с очагом называется ханмути, то есть «огонь матери», и служит средоточием повседневной жизни семейства. Примыкающими комнатами по большей части пользовались для сна. На втором этаже дома Дар и орки зашли в ханмути особенно большого размера. Пол здесь оказался почти чистым. Несколько больших окон пропускали достаточно воздуха и света. В потолке над очагом имелось отверстие, а вокруг него — остатки металлического дымохода.

— Вот хорошее место для отдыха, — сказала Дар, уже привыкшая принимать решения.

Обычно орки, вставая лагерем, отмечали «Объятия Мут ла». На этот раз они повели себя иначе. Дут-ток и Лама-ток вошли в одну из примыкавших к ханмути комнат поменьше, а Варз-хак и Зна-ят — в другую. Дар осталась в большой комнате с Ковоком.

— Разве мы не должны обозначить круг? — спросила она.

— Стены ханмути служат «Объятиями Мут ла», — ответил Ковок-ма.

— Значит, мы можем спать где угодно?

— Хай. Здесь мы везде внутри священного круга.

Дар бросила взгляд на входы в небольшие комнаты. Ей не хотелось входить нив одну из них.

— Я не привыкла спать одна, — призналась она.

— Это опасное странствие, — сказал Ковок-ма, — когда ты рядом, мне спокойнее.

— Тогда давай отдохнем вместе.

Дар привлекла соседняя комната, в которую сквозь окна проникало солнце. Она вошла в нее, а Ковок-ма вошел следом. Стены комнаты покрывал барельеф с изображением обнаженных детей, бегущих по поросшему цветами полю. Кто-то поиздевался над лицами детей, сбил их так, что в известняке остались ямки. Но даже испорченный, этот барельеф остался произведением искусства. Цветы были вырезаны очень тонко, а бегущие дети казались живыми и веселыми. Только по ногтям на пальцах рук и ног можно было догадаться, что это уркзиммути.

Дар заметила под барельефом линию забавных значков.

— Что это? — спросила она.

— Слова, — ответил Ковок-ма и, указывая на значки, прочел:

Эха смеха не слышно
Над нежными полями весной.
Цветы всегда возвращаются.
Дети приходят лишь раз.

Дар слышала о том, что некоторые умеют читать, но никогда не видела, чтобы кто-то читал при ней. Она не знала, что удивило ее больше — то, что Ковок-ма прочел эти строки, или то, что они так глубоко тронули его. Его взгляд стал скорбным. Он прикоснулся пальцами к тонкой каменной резьбе.

— Я думаю, что уркзиммути похожи на этих детей, — сказал орк, — когда мы уйдем, никто не вспомнит наших лиц.

— Почему ты говоришь об уходе? — спросила Дар.

— Это опустевшее место показывает, как мы пришли в упадок. Когда нас не станет, кто нас вспомнит? Для вашавоки мы просто чудища.

Дар вспомнила о Лиле, которая убила себя, лишь бы только не встречаться с орками, и — испытывая чувство вины — о страшных историях, которые сама рассказала Тене. Видя, как печален Ковок-ма, Дар захотела утешить его.

— Тва, тва, — негромко проговорила она, — вы добрые, хорошие. Я — вашавоки, и...

— Тва! Ты не вашавоки.

— Но ведь мои зубы белые, как у собаки.

— Ну и что? Теперь и у меня зубы стали белые.

— От меня плохо пахнет.

— Мне нравится твой запах.

— Посмотри на меня! Что ты видишь?

— Даргу, почему ты так говоришь? Ты мать... ты ясновидящая... Ты путеводительница. Твое сердце — не грудь вашавоки, а сердце — это самое главное.

— Мое сердце хочет, чтобы ты не печалился, — сказала Дар.

Ковок-ма грустно улыбнулся.

— Значит, я должен постараться быть счастливым.

Дар приснился Веласа-па. Он молча сидел на полу в той комнате, где легли спать Дар и Ковок-ма, и смотрел на нее с ожиданием. Когда Дар спросила, чего ему нужно, он рассыпался и превратился в пыль. Сон был таким тревожным, что Дар проснулась.

Она сидела на коленях у Ковока. Она успела привыкнуть спать сидя, по-оркски, но ей было удобно только из-за того, что Ковок-ма обнимал и поддерживал ее. Уж лучше было

дремать у него на руках, чем лежать на земле, и Ковоку нравилось, когда она спала так. Это успокаивало его. Дар припомнилась соломенная куклолка, которую брала в постель одна из ее маленьких сводных сестер, и она представила, что служит для орка чем-то вроде этой куклы. Эта мысль вызвала у нее улыбку.

За полуразрушенными окнами комнаты висели занавесы лиан. Из-за этого свет в комнату проникал плохо, здесь было прохладно даже сейчас, в послеполуденный зной. Дар все еще была усталой, и ей хотелось еще поспать, но она продолжала думать о старике по имени Веласа-па. Прежде она никогда не видела настоящего волшебства, но теперь не сомневалась, что в каменной хижине старика стала свидетельницей именно такой волшбы. И хотя то, что произошло там, можно было как-то объяснить, Дар догадывалась, что это было бы глупо. Не стоило отмахиваться от советов Веласа-па, как и от посещавших ее видений. И все же то, что сказал ей старик, казалось ей почти бесполезным. Она не знала ни о каком человеке, который гадал на костях. Ею владели самые разные чувства, зачастую они были очень противоречивыми, и она не была уверена в том, стоит ли прислушиваться к этим чувствам.

«Что ж, хотя бы я уже в Таратанке, — подумала Дар и стала гадать, зачем Веласа-па направил ее в заброшенный оркский город, — может быть, я должна что-то найти здесь».

Но что — об этом Дар догадаться не могла.

Поняв, что уснуть уже не сможет, Дар осторожно встала, стараясь не потревожить Ковока. Бесшумно ступая босыми ногами, она подошла к окну и выглянула наружу. Заросший растениями город был похож на лес с деревьями странной формы. Стояла непривычная, странная тишина. Не щебетали птицы, воздух был неподвижен. Судя по положению солнца, день клонился к вечеру.

Дар обернулась и увидела, что Ковок-ма смотрит на нее.

— Прости. Я разбудила тебя, — извинилась Дар.

— Я уже давно проснулся. Похоже, ты тревожишься.

— Я думала о Веласа-па. Зна-ят сказал, что о нем говорится в древних преданиях. Кем он был?

— Сначала Мут ла сотворила уркзиммути, — сказал Ковок-ма, — и долгое время мы не ведали о вашавоки. Когда они впервые появились, мы называли их уркзимди — «вторые дети». В те времена некоторые уркзимди перерождаются и вступали в кланы. Одним из них был Веласа-па. Он стал великим мудрецом, но велика была его печаль.

— Почему?

— Порой будущее видеть больно.

— Я знаю, — кивнула Дар, подумав о своих видениях, — что же с ним случилось?

— Он провидел разрушение Таратанки, но королева ничего не понимала в войне. И на его долю выпало увидеть, как рушится все, что он любил.

— Но все же он уцелел.

— Тва. Все уркзиммути, которые жили в Таратанке, погибли.

— Но он ведь был вашавоки.

— Нет, не был, — сказал Ковок-ма, — он переродился.

— Как это?

— Я не знаю. Больше такого не случается.

Дар подумала об одиноком старике в каменной хижине.

— Это печальное предание, — сказала она.

Но все же она надеялась, что это было правдой, потому что все другое, что ей представлялось, было еще грустнее.

— Предания, которые рассказывают здесь, все печальные, — сказал Ковок-ма.

— И все же мы должны были сюда прийти, — сказала Дар, — а почему — не знаю, — она вздохнула, — боюсь, нам придется тут пробыть какое-то время.

Другие орки не расстроились из-за решения Дар задержаться в Таратанке. Все они

нашли чем заняться. На другой день Зна-ят нашел железный котелок. Котелок не прохудился, в него можно было наливать воду. Очистив котелок от ржавчины, Зна-ят отправился в заброшенный сад в поисках съедобных растений. К тому времени, как Лама-ток и Дут-ток вернулись в лом после того, как осмотрели каменную кладку и резьбу кое-где в городе. Зна-ят уже варил на очаге похлебку Варз-хак возвратился чуть позже и принес несколько осколков. Он сказал, что такого песчаного льда он раньше никогда не видел.

Только Ковок-ма ничем таким не занимался. Он отправился с Дар на прогулку по городу. Она что-то разыскивала, но сама не понимала что. Когда они заглядывали в заброшенные полуразрушенные дома, Ковок-ма старался вести себя бодро и весело, но он был орком — и не мог скрывать своих чувств. Развалины наводили на него тоску, и Дар это понимала.

Единственной находкой, порадовавшей Ковока, была купальня, обнаруженная во дворе дома, стоявшего неподалеку. По каменному желобу, прорезанному высоко в стене, в бассейн стекала вода. Маленький водопад издавал приятное, успокаивающее журчание. Кроме того, постоянный приток воды не давал листе скапливаться в бассейне. Это был первый за время их пути водоем, свободный от тины и водорослей. Дар уже была готова уйти, но заметила, что Ковок-ма уходить не хочет. Они еще какое-то время побыли около бассейна и полюбовались падающей в него водой.

После ужина все орки, кроме Ковока, принялись взволнованно рассказывать обо всем, что поразило их воображение. Зна-ят нашел два незнакомых целебных растения. Варз-хак раздал всем найденные им осколки песчаного льда, чтобы все посмотрели сквозь них на свет. Дут-ток и Лама-ток захлеб рассказывали о чудесах работы древних каменотесов и стали уговаривать Дар сходить с ними и посмотреть на стену, вызвавшую у них особенное восхищение.

Дар возвратилась в сумерках и обнаружила, что Ковока нет. Его отсутствие заставило ее вспомнить, что она не уделила ему внимания вечером. Ее так заинтересовали рассказы остальных орков, а он все время сидел один и молчал. Все орки ушли спать, а Ковок-ма все не возвращался, и Дар решила разыскать его. Она подозревала, что он ушел к бассейну. Идти дотуда было не так далеко.

«Если я поспешу, — подумала Дар, — я сумею найти дорогу, пока еще не совсем стемнеет».

Дар вышла из дома и пошла по улице. Между камнями мостовой пробилось так много травы, что она словно бы шла по лугу. Дом, во дворе которого находился бассейн, был очень большой и сильно пострадал от пожара. В сумерках вход в него казался черной дырой. Дар была готова повернуть назад, но она помнила о том, как грустен был Ковок-ма, и это заставило ее войти в дом. Она вошла в арку и шла вперед, пока не увидела тусклый свет. Дар поспешила к свету, услышала звук падающей воды и вскоре оказалась во внутреннем дворе.

Ковок-ма стоял по пояс в воде, спиной к Дар. Струи водопада стекали на него. Казалось, он ее не замечает. Она остановилась у края бассейна. Ковок-ма неподвижно стоял в десяти шагах от нее. Казалось, его кожа, омываемая водой, стала серебряной. Дар была очарована красотой Ковока. Он казался ей воплощением силы и могущества. Дар знала, что у него добрая душа, что он дарит ей чувство защищенности. Глядя на Ковока, Дар представила, как он обнимает ее во сне.

«Сегодня ночью он будет свежим и чистым, — подумала она, — мне тоже следует вымыться».

Мысль о том, чтобы выкупаться вместе с Ковоком, вызвала у Дар испуг и радостное волнение. Она смотрела на него, и это пробуждало в ней чувство, которое она так долго гнала от себя, — потребность в ласке и нежности. Ковок-ма стоял совершенно неподвижно. Казалось, он чего-то покорно ждет.

«Это будет мой выбор, — поняла Дар, — а не его».

Она еще мгновение помедлила, не уверенная в собственных желаниях, а потом сбросила одежду и вошла в воду. Вода была теплая, но кожа Дар покрылась пупырышками.

«Что я тут делаю? — спросила она себя мысленно и сама себе ответила: — Я купаюсь».

Но Дар понимала, что это не так. Так и не повернувшись к ней, Ковок-ма отошел от водопада и вдруг замер.

«Он знает, что я здесь, — догадалась Дар, — но я все еще могу уйти. Он не обернется».

Однако вместо того, чтобы уйти, Дар пошла вперед по дну бассейна. Вскоре она была уже так близко, что могла бы дотронуться до Ковока. Орк сохранял неподвижность. Дар протянула руку — и растерялась.

Во влажном теплом воздухе она уловила аромат, которого прежде никогда не ощущала. Аромат был едва ощутим, зыбок, но при этом неотвратим и призывен. Дар сделала глубокий вдох. Ее сердце забилося чаще. Она провела ладонями по широкой спине Ковока. Его кожа была прохладной на ощупь, но Дар ощутила под ней жар. Аромат, который она уловила, стал сильнее. У Дар закружилась голова.

Ковок-ма обернулся. Его глаза излучали тепло.

— Даргу, — проговорил он, и в его голосе странным образом соединились мольба и обещание.

Он не спросил ее о том, почему она здесь и что ей нужно. Дар поняла почему.

«Он по моему запаху догадывается о моих чувствах!»

Она понимала, что ему ее чувства понятнее, чем ей самой. Пусть ее мысли пришли в смятение, но она всей своей сутью излучала желание. И она сдалась, уступила желанию.

— Я здесь, — прошептала Дар, — потому что я послушалась зова моего сердца.

Встав на цыпочки, она поцеловала Ковока, но смогла дотянуться только до его ключиц.

— Что это было?

— Это... — проговорила Дар, — этот жест... — она запнулась в поисках подходящего слова, но оркский язык не допускал двусмысленностей, — это означает, что я показываю любовь.

— Я не знаю такого жеста.

— Тогда покажи мне свою любовь, — сказала Дар, — я — мать. Обращайся со мной как подобает.

Ковок-ма положило свои могучие руки на плечи Дар и нежно привлек ее к себе. Его пальцы заскользили по ее коже нежно, будто ветерок. Те самые руки, которые легко сломали бы человеку шею, ласкали ее с удивительной тонкостью и пробуждали ее тело. В его прикосновениях не было страсти — только нежность и преклонение. Когда Ковок-ма поднял Дар из воды, она не знала, что он станет делать с ней, но она ничего не боялась.

Ковок-ма донес Дар до замшелого края бассейна и опустил ее. Дар легла на спину, Ковок-ма лег рядом с ней. Она опустила взгляд и, к собственному облегчению, убедилась в том, что, за исключением роста, Ковок-ма мало отличается от мужчины. Ковок-ма поймал ее взгляд и улыбнулся.

— Даргу, мы не благословлены.

— Я не понимаю.

— Мы не можем тримук, но я могу давать любовь.

«Он не возьмет меня», — подумала Дар, не зная, радоваться этому или огорчаться.

Ковок-ма прикоснулся кончиком языка к ее шее, к груди, к животу. Это было необыкновенно приятно. Дар почувствовала, как по ее телу словно бы распространяется теплое сияние. Ковок-ма нежно ласкал ее кончиками пальцев. По телу Дар пробегали теплые покалывающие волны. Вскоре тело Дар выгнулось дугой, она вскрикнула, охваченная восторгом. Это ощущение отступало медленно. Дар расслабилась и опустилась на мох в блаженной неге.

Ковок-ма лег рядом, бережно приподнял Дар и уложил себе на грудь. Их тела соприкоснулись, и Дар радостно вздохнула. Она поцеловала грудь Ковока, скользнула вверх и добралась до его губ.

— Это называется «целоваться», — прошептала она и поцеловала его в губы.

Ковок-ма улыбнулся.

— Мне нравится целоваться, — сказал Ковок-ма.
Дар снова поцеловала его.
— Ты счастлива? — спросил Ковок-ма.
— Разве ты не чувствуешь?
— У счастья нет запаха.
— Но у любви есть.
— Хай, — сказала Ковок-ма, — но любовь и счастье — это разные вещи.
— Сегодня — нет, — сказала Дар.

11

Жизнь научила Дар связывать страсть с соvrщением, а уступчивость — с грехопадением. Выучив этот урок, она сражалась с желаниями — даже со своими собственными. Если бы Ковок-ма был мужчиной, если бы он был настойчивее или если бы Дар сдержала себя, их соединение у бассейна никогда бы не произошло, и те чувства, которые это вызвало у Дар, так и остались бы подавленными. Дар лежала обнаженная рядом с Ковоком, и у нее не возникало раскаяния. Новизна и чудо, пережитые ею, мешали этому. Однако она понимала, что произошло нечто неожиданное, особенное. Она догадывалась, что из-за этого возникнут сложности, но она отбросила эти мысли прочь и наслаждалась моментом блаженства.

Прежде чем покинуть залитый лунным светом двор, они выкупались. Игриво и нежно они вымыли друг друга. Потом Ковок-ма прошел с Дар по темной улице в дом, провел ее в комнату. Она уютно устроилась у него на руках, но заснуть не смогла. В голове у нее вертелось множество вопросов, и один из них касался оркского языка.

«Ковок-ма назвал то, что мы делали, «ура зул» — «давать любовь»».

Дар гадала, действительно ли слово «зул» означало «любовь» или оно было таким же несовершенным, как такое же слово в языке людей. Мужчины «любили пиво» и «любили женщин». О соитии говорили «заниматься любовью», хотя зачастую любовь не имела к этому никакого отношения. Было ли слово «зул» таким же расплывчатым? Дар сказала Ковоку: «Мер валав зул» («Я показываю любовь»), — но она не была уверена в том, что именно она этим сказала. Что еще важнее — она не была уверена в том, что сама при этом имела в виду.

«Неужели я вправду люблю орка?»

Она никогда в жизни не любила мужчину, поэтому ей не с чем было сравнить свои чувства. Единственным мужчиной, с которым она целовалась, был Севрен. Тот порыв показался ей естественным. Так же как и желание, вызванное у нее Ковоком, как и все, что за этим последовало. Тем не менее ей не давала покоя мысль о том, что это желание на самом деле неестественно.

«Не сделала ли я чего-нибудь дурного?» — гадала Дар.

На какое-то время в ее мыслях смешались радость и стыд.

«Веласа-па советовал мне слушать свое сердце. Я именно так и поступила».

Дар понимала, что те женщины, которые возмущенно осудили бы ее за это, не гнушались ложиться с солдатами за горстку кореньев или платье, содранное с убитой.

«Я встала на сторону орков, — подумала Дар, — и это теперь главное для людей».

Дар вернулась к важному вопросу. Каковы ее чувства к Ковоку? Поразмышляв некоторое время, она расставила по порядку то, о чем знала точно.

«Мне интересно с ним говорить. Мне небезразличны его чувства. Я доверяю ему. Мне приятно, как он ко мне относится».

Дар нравились прикосновения Ковока, а особенно понравилось то, чем они занимались у бассейна.

«Возможно, это любовь. Думаю, скоро это станет ясно».

На следующее утро Дар довольно быстро обнаружила, что у остальных орков, по их собственному выражению, «мудрые носы». По запаху орки без труда догадались о взаимной приязни Дар и Ковока — так, словно они всем в этом откровенно признались. Все помалкивали, но орки не умели скрывать своих чувств. Лама-ток и Варз-хак были явно удивлены. Дут-ток откровенно радовался. Зна-ят не удивлялся и не радовался. Похоже, он был встревожен. Дар была обескуражена тем, что ее потаенные чувства настолько очевидны для всех. Она тайком принюхивалась, пытаясь различить в воздухе аромат, который уловила в бассейне, но ее обоняние для этого не годилось.

Поведение Зна-ята смущало Дар, и она стала искать возможности поговорить с ним наедине. Такая возможность представилась, когда Дар объявила о том, что этой ночью им следует покинуть Таратанк. Зна-ят отправился на поиски съедобных растений. Дар пошла за ним. Найдя орка в заросшем внутреннем дворе одного из соседних домов, Дар подошла к нему.

— Здесь когда-то был огород? — спросила она, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно более обыденно.

Зна-ят поднял голову.

— Хай. Очень давно.

Дар подошла к нему.

— Ты нашел что-нибудь съедобное?

— Очень мало. Сорняки совсем заглушили полезные растения.

— Наверное, ты можешь нюхом чують те растения, которые годятся в пищу.

— Хай.

— Как-то раз ты сказал, что чуешь запах моего страха, — сказала Дар, — а что ты учуял сегодня утром?

— Ты задаешь такой вопрос, что я могу ответить на него только неучтиво, — сказал Зна-ят, — почему?

— Никто не говорит об очевидных запахах. Это не принято.

— Но для меня запахи не очевидны. Пожалуйста, ответь мне: что ты заметил?

Зна-ят склонил голову.

— Я почуял исходящий от тебя атур. Дут-ток рассказывал об этом запахе.

— Он означает любовь, верно?

— Хай.

— И от Ковока тоже исходит такой запах?

— Уже много дней.

— Похоже, я почувствовала этот запах ночью, — сказала Дар, — а раньше... В общем, я даже не догадывалась.

— Матери не обращают внимания на этот запах, если он им не нравится, — сказал Зна-ят, — я думал, что ты поступаешь так же.

— Ковок-ма никогда ничего не говорил.

— Ему не следовало ничего говорить.

— Но ты знал, что он чувствует?

— Хай.

— Я чувствую себя очень глупо, — призналась Дар.

— Это я глупец, — пробормотал Зна-ят и склонил голову, — прости меня, Даргу. Я не понимал.

— Утром ты выглядел встревоженным. Почему?

— Я думаю, что Мут ла избрала тяжкий путь для тебя.

Дар вздохнула.

— Может быть. Скажи, а как становятся благословленными?

Вопрос Дар, похоже, ошеломил Зна-ята.

— Благословленными? — переспросил он.

— Хай. Я думаю, прозвучало это самое слово.

— Чтобы пара стала благословленной, их союз должны одобрить обе мутури — его и ее.

Дар покраснела.

«Значит, «благословленные» означает «женатые»», — подумала она, гадая, что понял Зна-ят по ее вопросу. Но она была слишком сильно смущена, чтобы спрашивать, и заторопилась уйти.

— Спасибо тебе, Зна-ят, ты мне очень помог.

— Для меня большая честь помогать тебе всем, чем я только могу.

Зна-ят провожал взглядом Дар, идущую по заросшему сорняками огороду. Вскоре девушка исчезла, остался только ее запах. В неподвижном воздухе витал сильный аромат атур. Никаких сомнений в чувствах, испытываемых Дар, не оставалось. Зна-яту было жаль ее.

Только к вечеру Зна-яту удалось улучшить момент и остаться с Ковоком наедине. Как только это произошло, он назвал своего озадаченного двоюродного брата в комнату, где их никто не мог подслушать.

— Даргу говорила со мной утром, — сказал Зна-ят, глядя прямо в глаза Ковоку, — она хотела разузнать насчет благословения.

Ковок-ма сильно смутился.

— Что ты ей сказал?

— Сказал, что союз должны одобрить мутури, — ответил Зна-ят, — и я хочу узнать, что заставило ее задать этот вопрос.

— Я вел себя как подобает.

— У меня на шее — отметины, оставленные Даргу, и из-за этого она мне ближе, чем кровный родственник. Поэтому я спрашиваю тебя снова — откуда взялся этот разговор о благословении.

— Я сказал, что мы не можем тримук, потому что не благословлены.

— Значит, ты заронил семя в ее сердце. Ты не подумал о том, что оно может прорасти?

— Она пришла ко мне. Как я мог отвергнуть ее?

— Рано или поздно тебе придется ее отвергнуть. У твоей мутури мудрый нос, и ей не понравится то, что она учует. Ты не сможешь противиться ей. Благословения тебе не получить. Ты должен был это понимать.

— Хай, — кивнул Ковок-ма, — я радовался и печалился. Скоро я буду только печалиться.

— И Даргу тоже. Ты поступил немилосердно.

— Я следовал велениям моего сердца.

— Я тебя понимаю, — сказал Зна-ят, — но твоя мутури не поймет.

— Я не виню ее. Я сам пока мало что понимаю, — признался Ковок-ма, — поначалу Даргу была для меня просто забавной вашавоки. Она была другой, не такой, как все вашавоки, но все же такой же чужой, как они.

— Мут ла ведет Даргу, — сказал Зна-ят, — быть может, тебя тоже вела Мут ла.

— Хай, — согласился Ковок-ма, — это деяние Мут ла. Вот почему Даргу наполняет мою грудь. От нее исходит чужой запах, она некрасивая, и все же... и все же...

Голос Ковока сорвался. У него был беспомощный вид.

— Слишком поздно сожалеть о том, что случилось прошлой ночью, — сказал Зна-ят, — этого уже не изменишь. Какую бы печаль это ни принесло, все уже случилось.

— Следует ли мне сказать Даргу о том, что ее ожидает?

— Тва, — ответил Зна-ят, — пусть пока радуется.

Дар чувствовала, что была послана в Таратанк для того, чтобы влюбиться в Ковока.

Поняв, что это уже произошло, она не видела причин долее задерживаться в разрушенном городе и сказала оркам, что ночью они тронутся в путь. Но день клонился к вечеру, и Дар стала сожалеть о своем решении уйти из города. Новообретенная страсть придавала развалинам романтический оттенок, все вокруг словно бы преобразилось. Заросшие сорняками улицы стали красивыми, покинутые дома излучали покой и безмятежность. Для Дар вдруг стала невыносимой мысль о том, что она больше ни разу не побывает в бассейне.

Зна-ят занялся приготовлением последнего ужина перед уходом. Дар взяла Ковока за руку.

— Пойдем, — сказала она.

Ковок-ма встал и пошел за ней. В коридоре Дар прошептала:

— Давай выкупаемся перед дорогой.

Это прозвучало скорее как требование, а не как предложение, и Дар была уверена, что Ковок-ма не откажется. Она поспешила к бассейну, охваченная желанием.

Во внутреннем дворе Дар разделась и обнаженная побежала к воде. Там она стала терпеливо ждать Ковока. Когда он ступил в бассейн, Дар обняла его и осыпала поцелуями его грудь. Ковок-ма уловил отчаяние в желании Дар, и ему захотелось утешить ее. Он поднял ее, чтобы они оказались лицом к лицу.

— Даргу, — тихо проговорил он, — нет нужды спешить.

— Но скоро нам нужно уходить.

— Все подождут нас.

— Ты думаешь, они знают, зачем мы ушли? — покраснев, спросила Дар.

— Эта дорога нова только для нас, — сказал Ковок-ма, — многие странствовали по ней с тех пор, как Мут ла сотворила мир. Все всё понимают, — он улыбнулся, — у меня есть время поцеловать тебя.

Ковок-ма вытянул губы и чмокнул Дар в нос.

Дар рассмеялась.

— Ты глупый!

Ковок-ма ласкал ее так же неторопливо и нежно, как прошлой ночью. После того как он подарил Дар блаженство, она, довольная и счастливая, легла на его грудь. Ковок-ма молчал и бережно гладил ее спину. Через некоторое время Дар оторвала голову от его груди.

— Я сильно отличаюсь от матерей уркзиммути?

Ковок-ма ожидал этого вопроса.

— Ты во многом похожа на них.

— А чем я отличаюсь от них?

— У тебя ровные пальцы, у тебя глаза другого цвета, у тебя круглый нос, а твое тело... — Ковок-ма задумался в поисках подходящих слов, — оно как у ребенка.

— Как это?

— Ты легкая... и нежная.

— А груди у меня такие же, как у матерей уркзиммути?

— Хай!

Дар прищурилась.

— Откуда ты знаешь?

— Матери уркзиммути не прикрывают грудь — только когда холодно.

— Я слишком низкорослая?

— Некоторые матери такого же роста.

Зная, что Ковок-ма может говорить только правду, Дар не без труда задала следующий вопрос:

— Я некрасива?

— Для меня это не важно.

— Значит, некрасива.

— Даргу, глядя на тебя, я чувствую радость. Мне все равно, что думают другие.

Дар поцеловала Ковока.

— Тогда и мне все равно, — сказала она, и в этот момент ей действительно было все равно.

У Дар еще не успели высохнуть волосы, когда она вывела орков из Таратанка. Во все стороны раскинулась степь, при свете луны казавшаяся серой. На недалекой линии горизонта возвышались черные силуэты горы Блат Уркмути — «Плащ Матерей». Дар не стала пытаться следовать по заросшей дороге. Она пошла по высокой траве самым прямым путем к горам. За время пребывания в городе Дар и ее спутники отвыкли путешествовать ночью и спать днем, и Дар чувствовала себя усталой еще до того, как они тронулись в путь. Еще не рассвело, когда она попросила орков остановиться.

Когда над пустой равниной взошло солнце, Дар решила, что здесь можно без опаски идти днем. Горы были уже близко, и вряд ли орки могли столкнуться с кем-то, кого им было бы не под силу одолеть.

— Снимите ваши лохмотья, — сказала Дар и подала оркам пример, сняв и швырнув на землю свои фальшивые повязки, — пойдем открыто.

Для орков расставание с маскарадом стало настоящим праздником. Бросив на землю рваную одежду, Зна-ят улыбнулся Дар.

— Благодаря тебе мы избежали смерти, — сказал он и поклонился ей.

То же самое сделали остальные орки.

— Даргу сказала, что нам следует стать волками, — произнес Варз-хак, — и мы ими стали.

Он запрокинул голову и завыл. К нему присоединился Лама-ток.

— И ее нам теперь надо называть волчицей, а не хорьком, — сказал Лама-ток.

Ковок-ма улыбнулся.

— Она слишком маленькая, чтобы называться волчицей.

В ответ на это Дар ухватила за шею Ковока, притянула к себе его голову и поцеловала его в губы. Дут-ток, прежде никогда не видевший поцелуя, рассмеялся.

— Этот хорек такой свирепый, что кусает лицо Ковока.

— Это был не укус. Это называется поцелуй, — объяснил своим сородичам Ковок-ма.

— А я думаю, она пробует, каков ты на вкус.

Дар облизнула губы.

— Он сладкий и сочный.

Орки зашипели — так они смеялись. Только Ковок-ма не стал смеяться. Он, похоже, смутился.

— Я сказала что-то неправильное? — спросила Дар.

В ответ на ее вопрос орки зашипели еще громче.

— Сыновья не могут быть сладкими и сочными, — тихо сказал ей Ковок-ма, — только матери могут.

Дар сильно покраснела.

В пути присутствие других орков стесняло Дар, и она вела себя с Ковоком более сдержанно. Но сдержанность только усиливала ее желание. Чувство, которое она назвала любовью, оказалось чем-то вроде голода, который невозможно было утолить. Близость Ковока несколько не помогала. Скорее наоборот. Дар полагала, что ее запах вполне очевидно говорит о ее чувствах, но Ковок-ма своих чувств ничем не выдавал. Отсутствие злобы с его стороны, из-за чего Дар изначально было спокойно в его присутствии, теперь вызывало у нее неуверенность.

Когда из-за бездействия Ковока Дар стало казаться, что он ее отвергает, она поняла, как быстро любовь становится горем.

«Он передумал. Он стыдится того, что дарил любовь уродливой вашавоки», — с тоской думала Дар.

От этих мыслей ей было грустно. Она перестала понимать, как ей вести себя с Ковоком, а спросить стеснялась. Чтобы хоть немного унять тоску, она решила изнурить себя ходьбой и пошла вперед быстрее. Правда, такая быстрая ходьба была наказанием только для нее.

Прибавив скорость, путники добрались до подножия Блат Уркмути за двое суток. Горы резко уходили вверх, будто скалистые обрывы на берегу травянистого моря. Над холмистыми отрогами возвышалась неровная скальная стена, казавшаяся непроходимой преградой. Ни деревца, ни травинки не росло в трещинах скал. Известняковые громады напоминали складки смятого плаща. Дар взошла на каменистый холм, чтобы лучше рассмотреть скалы. Когда она добралась до вершины, то, что она увидела, ей не понравилось. Дорога предстояла очень тяжелая и беспощадная.

— Я надеялась, что будет лучше, — призналась Дар.

— Это не такое уж плохое место, — сказал ей Зна-ят, — в этих горах укрывались наши праматери, когда на нас обрушились вашавоки.

— А ваш дом далеко отсюда?

— Не меньшей одной луны пути.

Эта весть расстроила Дар. Все ее усилия были направлены на то, чтобы добраться до гор, и она привыкла думать о них как о своей цели. А они превратились еще в одну преграду.

— Как же мы пройдем через них? — спросила она.

— Говорят, в горах есть тайные тропы, — сказал Зна-ят.

— Тайные? Тогда какой от них прок?

— Ты найдешь дорогу.

Беззаботность Зна-ята не порадовала Дар. Она переживала из-за предстоящего путешествия, и ей казалось, что только ей придется взвалить на себя эту ношу. Дар хотелось сказать об этом Зна-яту, но она решила, что от этого будет мало толку: он бы согласился с ней, что бы она ни говорила, но его вера в нее не уменьшилась бы. Вместо этого она попросила его рассказать ей все, что он знает о Блат Уркмути.

Из рассказа Зна-ята Дар узнала о том, что эти горы негостеприимны, что в них почти никто не живет. Тем не менее именно их неприступность сделала их убежищем для орков, когда в их земли вторглись вашавоки. Уцелевшие орки отступили в горы в надежде потом отвоевать свои владения. В Гарлсхолдинге эти набеги называли гоблинскими войнами. Они продолжались несколько десятков лет и отличались яростными сражениями. В конце концов орки не отвоевали своих земель, лишь заработали жуткую славу.

На протяжении гоблинских войн орки жили по всему горному хребту, хотя наиболее обитаемая часть гор лежала на востоке. Там климат мягче, поскольку тамошние нагорья не так высоки. Когда сражения прекратились, орки покинули суровые западные вершины Блат Уркмути и поселились к северу от царства короля Креганта.

Зна-ят рассказал Дар о тяжелых временах после вторжения вашавоки — о том, как беженцы из оркских городов пытались освоить и засеять даже самые маленькие площадки и уступы па скалистых вершинах. Он рассказал о голодных зимах и о гибели многих орков летом, когда возобновлялись набеги вашавоки. Он говорил о том, что уркзиммути на востоке мало-помалу оправились после войн, хотя им никогда не было суждено вернуться к былому процветанию. Это был долгий рассказ, но Дар так ничего и не узнала о том, что помогло бы ей выбрать путь. Древние тропы предназначались для того, чтобы бежать от вашавоки, и даже если они существовали по сей день, их вряд ли можно было отыскать. Глядя на мешок с провизией, Дар гадала, надолго ли ее хватит.

Поскольку орки полагались на нее, Дар стала еще более внимательно разглядывать неприступную каменную стену. Она решила, что любая дорога на восток должна лежать за скалистым хребтом, и поэтому стала искать, как туда попасть. Ей показалось, что можно попробовать пройти через расселину в скалах, которую она увидела слева от холма. Дар указала в ту сторону и сказала Зна-яту:

— Мне кажется, что это хорошая дорога. У тебя зоркие глаза. Что ты думаешь?

Дар взгляделся в ту сторону. Расселина походила на разлом посреди скал и вполне

могла привести в тупик. Она находилась на вершине крутого склона, усыпанного шершавыми валунами.

— Подъем будет долгим и трудным, — сказал он.

— Хай, — кивнула Дар, — я думаю, что уркзиммути могли выбрать такую дорогу, чтобы бежать от вашавоки. Вашавоки трудно было бы угнаться за уркзиммути по такой дороге.

— Звучит мудро.

Было еще довольно светло, и Дар не терпелось продолжить путь. Она показала, в какую сторону они пойдут, и велела оркам по пути собирать хворост.

— Сегодня мы разожжем костер, — сказала она, — вашавоки остались далеко позади, а в горах будет холодно.

К тому времени, когда солнце закатилось, путники уже поднялись довольно высоко от подножия гор, но при этом преодолели только полпути до расселины. Подъем получился изнурительным и опасным. К вою непрерывно дующего ветра то и дело примешивался скрежет или грохот падающих камней. В одном месте, когда Дар и орки спрятались за большим валуном, чтобы переждать камнепад, они нашли выбеленный дождями и ветром череп орка. Хотя на склоне спать было опасно, Дар сильно опасалась идти дальше в темноте. Ее ступни сильно загрибели за несколько недель пути, но все же ступать по острым камням ей было больно.

Путники устроили стоянку рядом с тем самым большим валуном, который заслонил их от камнепада, но, увы, от ветра валун их защитить не мог. Земля возле валуна оказалась такой неровной, а склон — настолько крутым, что орки с большим трудом обозначили «Объятия Мут ла». Когда Зна-яту наконец удалось разжечь костер, пламя вспыхнуло ярко. В ветреной темноте заплясали искры. Вид горящего костра немного успокоил Дар, но больше всего ей хотелось, чтобы ее поскорее обнял Ковок-ма. Но он сидел неподвижно, не отрывая глаз от пламени.

Зна-ят поджарил над огнем немного паши. Пищей владели матери, но сыновья часто готовили еду. Дар радовалась тому, что этот труд взял на себя Зна-ят. Когда клубни, от жарки ставшие более ароматными, были готовы, она подала их оркам. После еды Дар забралась на колени к Ковоку. Только тогда он наконец прикоснулся к ней.

Дар встала с солнцем. Мышцы у нее болели после тяжелого вчерашнего пути. Она первой зашагала к расселине. Она и орки добрались дотуда ближе к полудню. Проход через расселину был завален скатившимися сверху камнями. Ступая по камням и обходя валуны, Дар замечала тут и там кости и ржавое оружие. Мало-помалу идти стало немного легче. За последним поворотом лежала узкая высокогорная долина, а за ней вставал еще один скалистый хребет. Кругом лежали валуны и колыхалась трава, раскачиваемая ветром. Путники вошли в долину и направились на восток.

Поначалу путь казался легким, но со временем все больше давал о себе знать непрекращающийся ветер. Дар никак не могла согреться, а к тому времени, как они добрались до заброшенных жилищ, совсем замерзла. Крыши давным-давно сгнили, и от домов остались ямы, окруженные полуразрушенными низкими стенами. Судя по тому, что дома были круглые, их когда-то построили орки. Неподалеку возвышалось несколько рядов стенок, предназначенных для защиты от ветра небольших огородов, от которых теперь остался только тонкий слой почвы. Глядя на развалины, Дар пожалела орков, которым когда-то довелось тут жить.

Около полудня путники вошли в извилистое ущелье, рассекающее дальний горный хребет. Путь по нему был непрост. Только ближе к вечеру Дар и орки одолели ущелье и, выйдя из него, оказались на высоком перевале, откуда открывался вид на окрестную горную страну. На севере возвышались заснеженные вершины. Отсюда до следующего хребта вел путь, изобилующий нелегкими подъемами со спусками. Кряжи и долины сменяли друг друга. Эта картина напомнила Дар изъезженную дорогу. Она обернулась и посмотрела на

Зна-ята.

— Уркзиммути до сих пор живут там?

— Я не слышал, чтобы там кто-то жил.

Дар это не удивило, потому что гористая страна выглядела почти так же сурово, как та долина, которую они оставили позади. Тут и там Дар замечала островки зелени, но больше всего было голых скал. Дар представила себе, как удручены были орки-беженцы, когда перед ними предстало это зрелище. Место было унылое, унылым стало и настроение Дар, когда она подумала о том, как идти дальше по этим горам.

«Даже волкам случается голодать», — подумала Дар.

13

Спуск по скалистому склону получился нелегким, дорогу выбирать было очень сложно. И несколько раз Дар была вынуждена поворачивать назад, потому что она выходила к отвесным обрывам. Ночь застала путников высоко на опасных склонах. Орки уселись, прижавшись друг к другу, на узком уступе. Дар раздала им еду. Дорога всех измучила. После еды орки быстро уснули, а Дар уснуть не смогла. Она переживала из-за того, что завела орков неведомо куда.

К концу следующего дня они добрались к краю узкой извилистой долины. Это было суровое, мрачное место, здесь было совсем мало растительности. Жесткая трава, низкие колючие кусты, изредка — невысокие корявые деревца. Время от времени на пути странников попадались разрушенные жилища, но если возле них когда-то и росли съедобные растения, они давно исчезли без ухода.

Не Дар, а сама местность определяла выбор пути. Высокие скалистые кряжи вставали поперек дороги и зачастую вынуждали Дар идти в неверном направлении. Только перебравшись через кряж, можно было попасть еще в одно извилистое ущелье. В таком лабиринте трудно было оценить проделанный путь. Орки погрузстнели и шли молча. Холод, голод и усталость сказывались на Дар, она все сильнее впадала в отчаяние. Молчание орков заставляло ее думать о том, что они тоже начинают отчаиваться.

«Это странствие предложила я, — думала Дар, — я сказала, что отведу их домой».

Теперь она жалела о своем опрометчивом обещании.

После того как Дар и орки два дня бродили по лабиринту ущелий, на сердце у Дар стало еще тоскливее. В сумерках она указала на разрушенный дом. Лежащие по кругу камни все еще обозначали «Объятия Мут ла».

— Мы останемся здесь, — сказала Дар.

Орки тихо вошли внутрь развалин. Дар развязала тесемку на горловине мешка с едой. Осталось всего пять клубней паши.

— Пища — дар Мут ла, — проговорила Дар нараспев.

— Шашав, Мут ла, — отозвались орки.

Дар протянула клубень Ковоку.

— Мут ла дает тебе эту пищу.

Произнося эти слова, Дар чувствовала, что эта еда — последний дар Мут ла. Дар, которого она не заслужила. Слеза стекла по ее холодной щеке. Дар смахнула слезу и раздала клубни остальным оркам, встала и с пустыми руками ушла в темноту. Ей было все равно, куда идти, лишь бы орки не видели ее слез. Дар перебралась через разрушенную стену, села на землю, прижалась спиной к камням. По ее щекам текли безмолвные слезы. Вдруг она услышала, что кто-то идет к ней. Дар поспешно утерла слезы. К ней подошел Ковок-ма.

— Уходи, — сказала Дар.

Ковок-ма молча положил пять клубней паши у ног Дар. Увидев их, Дар разрыдалась.

— Я не заслуживаю этого!

— Эта пища — дар Мут ла — сказал Ковок-ма — и мы можем давать ее, кому пожелаем. Ты поешь с нами?

— Я хочу побыть одна.
— Тогда я должен уйти, — сказал Ковок-ма, — но мое сердце чего-то желает.
— Чего?
— Чтобы ты радовалась.
— Точно так же ты можешь желать, чтобы было больше еды, — проворчала Дар, — ее тоже нет.
— Пожалуйста, Даргу. Можно мне остаться?
— Зачем?
— Я думаю, ты понимаешь.
— Нет, — сказала Дар, — я знаю только, что любовь — это как еда. На какое-то время она тебя насыщает, а потом ты снова пуст.
— Запах говорит мне другое.
— Только не говори мне, что у пустоты тоже есть запах!
— Я ощущаю атур.
— Ну а я — нет. Я не знаю, что ты чувствуешь. Ты не говоришь со мной. Ты не прикасаешься ко мне.
— Я обнимаю тебя по ночам.
— Но только по ночам.
— Я веду себя как подобает, — сказал Ковок-ма.
— Я не знаю, что это значит! Я знаю только, что мне одиноко.
— Но ветер доносит до тебя мои чувства.
— Что мне толку от этого? Я не чувствую их запаха, — сказала Дар.
Она схватила Ковока за руку и прижала его пальцы к своей щеке.
— Чувства есть в прикосновении. В словах. В ветре их нет.
Ковок-ма покачал головой.
— Я вел себя глупо. Я пою для матери, которая глуха, — он помедлил, — эти слова... эти прикосновения... они кажутся мне странными.
— Просто говори, что ты чувствуешь.
— Это делается редко, но я попробую. Прикосновения будут труднее.
— У бассейна все было хорошо.
— Тогда ты позволяла мне это делать.
— Тебе не нужно для этого мое позволение.
Ковок-ма явно не на шутку изумился.
— Неужели ты хочешь, чтобы я вел себя как вашавоки?
Дар поняла, что просит именно этого.
— Тва, — ответила она, — это я должна вести себя как мать уркзиммути, вот только не знаю как.
Ковок-ма молча смотрел на нее. Даже в темноте было видно, что ему неловко. Дар тоже стало не по себе.
«Почему он не покажет мне, что нужно делать? — гадала она. И тут ее осенило, — ему нужно разрешение».
— Сядь рядом со мной, — сказала Дар. Ковок-ма повиновался, — притворись, будто я мать.
— Ты и есть мать, — сказал Ковок-ма.
— Притворись, будто я — мать уркзиммути, чувствующая атур.
— Этот запах приносит тебе удовольствие?
— Хай.
— Тогда ты прикоснешься к тому сыну, чей атур приносит тебе удовольствие.
— А если не прикоснусь? — спросила Дар, — что станет делать сын?
— Ничего.
— А если от меня тоже исходит атур?
— Все равно ничего.

— Почему? — спросила Дар.

— Сыновья, которые прикасаются к матерям без их дозволения, оскорбляют Мут ла. Когда такой сын умрет, Мут ла не примет его дух, и этот дух будет обречен на вечные скитания и на веки вечные заблудится.

Дар представила себе мерданта Коля, вечно бредущего по Темной тропе. Эта мысль ее обрадовала.

— Но если сын и мать оба источают атур, почему же она не прикоснется к нему?

— Может возражать мутури этой матери, — ответил Ковок-ма, — или мутури сына.

— Они могут это не одобрить?

— Хай.

Дар порадовалась тому, что с ними нет никого, кто говорил бы им, как себя вести. Задав Ковоку еще несколько вопросов, она убедилась, что у орков в сравнении с людьми роли мужчин и женщин противоположные. Именно матери проявляли знаки внимания, а сыновья должны были вести себя целомудренно. Но одно дело — понять роль матери, и совсем другое — играть ее. А Дар не имела любовного опыта даже с мужчинами. Выразить свои чувства к орку было для нее вдвойне сложно. И все же она должна была попытаться. Она встала на колени и втянула носом воздух.

— Допустим, я чувствую атур, — сказала она, — но на самом деле я не знаю, чувствую или нет.

— Он есть, Даргу.

— Прикоснись ко мне, — сказала Дар.

Ей неловко было произносить эти слова. Она словно бы умоляла об этом — или, что еще того хуже, требовала этого.

— Матери не говорят такого, Даргу.

— А что они делают?

Ковок-ма показал ей.

Для людей такой жест был бы развратным, порочным, но Ковок-ма убедил Дар в том, что так делать правильно и учтиво. Дар попробовала сделать, как показал Ковок-ма, и он нежно прикоснулся к ее щеке своей рукой со скрюченными когтями.

— Даргу, я... — он запнулся, не зная, как выразить свои чувства словами, — Даргу, мое сердце полно тобой.

И он неуклюже поцеловал Дар.

Когда Ковок-ма и Дар вернулись в круг «Объятий Мут ла», там горел костер. Орки не спали. Дар остро ощущала, что они прекрасно знают о ее чувствах. Ковок-ма сел на землю. Она забралась к нему на колени. Дар, чувствуя себя очень неловко, взяла его руку и приложила к своей груди. Орки держались так, словно не происходило ничего необычного.

Зна-ят улыбнулся.

— Значит, Ковок-ма не расстроил тебя.

— Тва, — ответила Дар, — я недовольна собой. Я плохо вела вас.

— Я так не думаю, — возразил Зна-ят.

Остальные согласно кивнули.

— Мы можем погибнуть, — сказала Дар.

— Может быть, — отозвался Дут-ток, — но нас не убьют вашавоки.

— Ты все делала хорошо, — сказал Варз-хак.

— Они говорят мудро, — подхватил Зна-ят, — ты показала нам тропу Мут ла, как бы ни заканчивалась эта тропа.

Он склонил голову и знаками изобразил дерево.

Дар утешилась, несмотря на обреченный тон орков. Уж лучше встретить свой конец в горах Блат Уркмути, чем в Сосновой лощине. И все же Дар не могла избавиться от мысли о том, что им все равно грозит гибель.

На следующий день Дар проснулась не в таком мрачном настроении. Она снова повела орков по горам наугад, выбирая путь, казавшийся ей наилучшим. Судя по всему, они безнадежно заблудились, и ни Дар, ни орки не имели понятия о том, в какой стороне находится их цель. Ближе к вечеру они ушли далеко в лабиринт хребтов и ущелий. К этому времени поиски пропитания стали так же важны, как поиски дороги к родине орков. Но как ни старались путники собирать все съедобное, что только попадалось, находили они совсем немного. Дар думала о том, что голодавшие орки-беженцы, видимо, так опустошили эти земли, что тут попросту ничего не могло остаться. Как ни старались Дар и орки, приходилось им довольствоваться жесткими грибами, годившимися только на то, чтобы поупражняться в жевании.

Следующий день оказался таким же, как предыдущий, вот только все были еще более голодными. Идти на пустой желудок было трудно, поэтому Дар довольно скоро решила устроить привал, подумав, что стоит заменить еду отдыхом. На следующее утро они продолжили путь. К вечеру они нашли долину — самую широкую из тех, какие им довелось увидеть. Вскоре вышли к мелководной реке. Дар посмотрела на Зна-ята, который больше других знал о Блат Уркмути.

— Ты слыхал об этой реке? — спросила она.

— Тва, — ответил орк, — никто не бывает в этих краях. Никто не помнит ничего о них.

Дар решила пойти вниз по течению. Через некоторое время она и орки поравнялись с местом, где русло реки было отчасти перегорожено камнями и ветками. Лама-ток остановился и внимательно посмотрел на камни.

— Даргу, я вижу кое-что интересное.

Даргу подошла к нему.

— Что ты видишь?

Лама-ток указал на камни, задержавшие речной мусор.

— Это мост.

Дар пригляделась и поняла, что Лама-ток прав. Через реку была проложена прямая и ровная линия камней. Это явно было сделано намеренно. Только груда веток и сучьев выше по течению нарушала равномерность укладки. Отдельные большие плоские валуны чередовались с плотно пригнанными друг к другу камнями.

— Еще одни развалины, — вздохнула Дар.

За день им встретилось несколько разрушенных домов.

— Этот мост не так давно чинили, — сказал Лама-ток, указав на один из камней.

На взгляд Дар, он ничем не отличался от остальных, но сомневаться в суждении бывшего каменотеса она не могла. Она огляделась по сторонам, и ей показалось, что по другую сторону реки есть едва заметная тропка.

«То ли по ней ходят редко, то ли не хотят, чтобы тропа была видна», — подумала Дар.

Другие орки собрались у перехода через реку. Дут-ток согласился с братом в том, что некоторые камни недавно подновляли.

— Им не больше одной зимы, — сказал он.

— Кто бы мог сделать этот переход? — спросила Дар.

— Эти камни уложили уркзиммути, — ответил Лама-ток.

Дар обратилась к Зна-яту.

— Ты говорил, что эти земли всеми покинуты.

— Так сообщается в преданиях, — сказал Зна-ят, — если уркзиммути до сих пор живут здесь, о них никто не говорит.

Он с опаской огляделся по сторонам. Остальные орки тоже. Никто из них не сказал Дар о том, что волнуется за ее безопасность, но их поведение говорило об этом яснее любых слов.

«Тут шли войны, — думала Дар, вспоминая рассказы Зна-ята о набегах вашавоки, —

наверное, тут до сих пор осталась ненависть — в воздухе, в камнях».

— Даргу, — сказал Зна-ят, — в какую сторону нам нужно идти?

Дар задумалась.

«Мы можем попытаться найти тех, кто выложил из камней этот переход через реку, — думала она, — или мы можем бежать отсюда».

Второе привлекало Дар больше, но она чувствовала, что это будет неправильно.

«Если Мут ла вправду ведет меня, мне нечего бояться».

Она указала на едва различимую тропу:

— Мы пойдем туда.

Ковок-ма промолчал, но выбор Дар его явно встревожил. Когда она пошла первой, он постарался держаться рядом с ней. Дар ушла совсем недалеко от реки, когда тропа вдруг оборвалась. Она остановилась и стала искать взглядом какие-нибудь знаки того, что тут когда-то проходили орки. Но ничего такого не попадалось ей на глаза. Она повернулась к своим спутникам.

— Я не могу найти дорогу, — призналась она.

— Ты хочешь разыскать незнакомых уркзиммути? — спросил Зна-ят.

— Хай.

— Тропа помечена запахами, — сказал Зна-ят, — я могу найти ее.

Зна-ят пошел вперед. Дар заметила, что Ковок-ма проводил его сердитым взглядом.

«Ковок-ма тоже почуял тропу», — догадалась Дар.

В это же мгновение Ковок-ма нежно погладил ее спину.

— Все будет хорошо, — сказала Дар, зная, что Ковок-ма почувствовал и запах ее страха.

После того как Зна-ят пошел первым, Дар ожидала, что они в самом скором времени встретят других орков. Она думала так, потому что Зна-ят шагал уверенно, лишь изредка останавливаясь, чтобы понюхать воздух. Но солнце село, и путники прошли большое расстояние, а тех, кто проложил тропу, так и не увидели. Пока еще не слишком сильно стемнело, Дар попросила орков остановиться.

— Соберите побольше хвороста, — сказала она, — сегодня ночью мы разведем большой костер, чтобы показать, что мы не прячемся. Если придут уркзиммути, ведите себя спокойно и мирно.

По дороге Дар и орки не нашли ничего съестного, поэтому костер стал для них единственным утешением после тяжелого дня. Они усадились вокруг огня в темноте и грелись, но не засыпали. Зная, что орки предпочитают нападать ночью, Дар прижалась к Ковоку, но так, чтобы не помешать ему в случае чего быстро выхватить меч. Она смотрела на пламя, усталая, но взволнованная, а Ковок-ма бережно поглаживал ее спину. Неожиданно его пальцы замерли.

Дар огляделась по сторонам, но не увидела ничего за кругом, освещенным костром. Все орки насторожились и смотрели в одну сторону. Дар тоже посмотрела туда. Какое-то время она ничего не видела и не слышала. А потом в темноте появилось несколько пар светящихся желтых глаз. Дар стала считать их. Три... семь... одиннадцать. И при этом — ни звука.

Но вот в круг света ступил орк. Он был странно одет, но Дар смотрела не на его одежду, а на его обнаженный меч. Он был огромный и, судя по всему, старинный. Ковок-ма, не отрывая глаз от оружия незнакомца, медленно поднялся. Остальные орки последовали его примеру. Оружие они не вынимали, как велела им Дар. Она тоже встала вместе с орками, и незнакомец устремил на нее свирепый взгляд.

— Почему этот вашавоки жив?³ — спросил он по-оркски со странным выговором.

Зна-ят спокойно ответил:

---

³ Орки не говорят о Дар в женском поде, потому что люди для них — не более чем животные.

— Эта мать ведет нас.

— Глупец! — рявкнул незнакомый орк, — этот вашавоки должен умереть. Я убью его сейчас же.

Зна-ят выхватил меч.

— Попробуй — и ты сам умрешь.

Дар заметила, что ржавый меч незнакомого орка дрогнул. Она догадалась, что этот орк не привык сражаться. Повинуясь своему чутью, Дар встала между ним и Зна-ятом.

— Мут ла не хочет, чтобы сыновья умирали.

Незнакомый орк изумленно уставился на Дар.

— Он говорит на языке матерей!

Из мрака вышли спутники орка. Как и он, они держали наготове оружие, хотя многие были вооружены только дубинками.

— Откуда этот вашавоки знает про Мут ла? — спросил один из орков.

— Мут ла говорит с теми, кто слушает, — сказала Дар, — но одним она говорит больше, чем другим.

— Этой матери Мут ла говорит многое, — добавил Ковок-ма.

— Закон нашей верховной матери таков: все вашавоки должны быть убиты, — сказал один из орков.

— Если она так мудра, что создает законы, — сказала Дар, — то у нее хватит мудрости, чтобы изменить их. Отведите меня к ней, чтобы мы могли поговорить. Я готова повиноваться ей, и эти сыновья тоже.

— Наша Мать оставит себе твой череп, — осклабившись, проговорил орк, — от этого вашавоки исходит запах страха.

— Хай, — кивнула Дар, — я не боюсь мудрости вашей верховной матери, но я боюсь вашей глупости. А теперь покажите мне дорогу.

Орк растерялся. Вид у него был смущенный и неуверенный. Наконец он дал знак Дар и ее спутникам.

— Пойдемте, — сказал он.

Дар было страшно шагать по тропе посреди ночи, но она чувствовала, что должна идти. Ей хотелось сделать так, чтобы между орками не произошло стычки, и пока им удалось избежать этого. Тем не менее она прекрасно понимала, что вступила в рискованную, отчаянную игру. Если только верховная мать, правительница клана, не изменит закон, Дар шла навстречу собственной смерти. Ее спутники не смогут защитить ее. Она положила все на откровенность одного-единственного орка. И если этот орк окажется таким же, как большинство вашавоки, Дар обречена.

15

Путь Дар в темноте был долог и тяжел. Сопровождавший ее орк сразу пошел так быстро, что к тому времени, как они остановились перед высоким горным кряжем, у Дар были в кровь сбиты ноги. Дар едва разглядела во мраке невысокую каменную постройку во впадине на склоне. Дом был не так уж мал, но его покрытая дерном крыша помогала ему сливаться с окружающими окрестностями. Дар решила, что этот дом, скорее всего, то, что орки называют палатой. Дом казался темным, но вот наконец кто-то вышел из него, и в дверном проеме мелькнул свет.

Навстречу Дар пошла высокая, крепкого сложения женщина. Она была одета так же, как орки-мужчины, но вокруг ее бедер был обернут кусок полотна в виде юбки с подолом чуть ниже колен. Голову и плечи женщины покрывала короткая накидка, ее грудь была обнажена. Когда она подошла ближе, Дар лучше рассмотрела черты ее лица.

Дар ахнула. Она видела очень похожее лицо — в том видении, которое посетило ее возле живой изгороди.

«Тогда со мной говорила не женщина-вашавоки! Это была оркская женщина!»

Теперь Дар понимала, почему ошиблась. Оркские женщины отличались от мужчин. У стоящей перед ней матери был гладкий лоб, ровные зубы, крепкое сильное тело, сложенное почти так же, как у людей. Черты лица были мягче, чем у мужчин, но при этом оставались оркскими. Выступающие надбровные дуги, нос — тонкий в переносице и сильно расширяющийся к ноздрям. На маленьком подбородке под нижней губой темнели линии орнамента татуировки.

Мать почти не смотрела на Дар. Ее взгляд был устремлен на орка, с которым она пришла.

— Зачем ты привел сюда это животное? — спросила она властным и раздраженным голосом.

— Этот вашавоки хочет поговорить с нашей Матерью, — ответил орк.

Дар показалось, что его голос прозвучал жалко.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я попросила его привести меня сюда, — сказала Дар.

— Он говорит! — удивилась мать и снова обратилась к орку-проводнику: — Все равно, муж мой, ты должен был убить этого вашавоки.

— Его защищали сыновья. Похоже, они искушены в боевом искусстве.

— Я хотела, чтобы никто не погиб, — сказала Дар, — вот почему я пришла.

— Это ты погибнешь, вашавоки, — сказала мать, — таков наш закон.

— Я хочу поговорить с вашей верховной матерью об этом законе, — сказала Дар, — я готова повиноваться ее решению.

— Тва, — сказала мать и велела своему мужу: — Убей ее.

Как только мать произнесла эти слова, Зна-ят, Ковок-ма и остальные орки обнажили мечи.

— Не надо! — прокричала Дар. Ее защитники замерли, хотя были готовы броситься в атаку, — Мут ла не хочет, чтобы уркзиммути убивали друг друга.

Матери явно не понравилось то, что она увидела. Ее супруг успел только наполовину вынуть меч из ножен, а лезвие меча Зна-ята уже было прижато к его шее.

— Почему эти сыновья повинуются тебе? — спросила она у Дар.

— Я — мать, — ответила Дар.

— Мут ла ведет ее, — сказал Зна-ят, — мы слушаем ее мудрость.

— Уберите оружие, — приказала мать, — я вернусь.

Она удалилась в палату.

Дар взволнованно ждала, что будет дальше, и пыталась вспомнить все, что знала насчет оркской учтивости. Она жалела о том, что не уделяла этому больше внимания. Вот-вот ей могут пригодиться все ее познания. Дар гадала, многое ли из этого она успеет употребить, чтобы остаться в живых.

До того как ушедшая мать вернулась, Дар заметила еще одну постройку — маленькую каменную хижину. Одной стены у хижины не было, и даже в темноте легко было рассмотреть, что внутри ее аккуратно сложены человеческие черепа. Верхний слой черепов лежал выше головы Дар. Черепов были сотни, может быть, даже тысячи. Дар неотрывно смотрела на эту страшную кладовую. Из палаты вернулась мать.

— Внутрь войдет только вашавоки, — сказала она.

Войдя в дом, Дар спустилась по ступенькам в короткий коридор и, следуя за матерью, оказалась в круглой комнате, большая часть которой находилась под землей. Это была комната под названием ханмути, «очаг матери», — точно такая же, как в том доме, где Дар и орки жили в Таратанке, но значительно более скромных размеров. Посередине комнаты в очаге пылал огонь и освещал каменные стены с невысокими арочными проходами, ведущими в комнаты, примыкающие к ханмути. Металлического дымохода здесь не было — только дыра в закопченном потолке. В дверях были видны лица детей и нескольких взрослых сыновей. В ханмути сидели только матери. Одна из них — на деревянном табурете, остальные — на каменном полу. Та, что сидела на табурете, была седая, с обвислыми

сморщенными грудями, но при всем том явно еще крепкая и сильная. Она встретила Дар суровым взглядом бледно-желтых глаз.

Дар решила, что старуха, сидящая на табурете, и есть верховная мать клана. Она склонила голову и изобразила знак дерева.

Верховная мать молчала.

— Разве здесь не привечают гостей? — спросила Дар.

— Когда мыши приходят воровать мой паши, я их не привечаю, — сказала верховная мать, — я их убиваю.

— Я здесь не для того, чтобы что-то забрать.

— Ты здесь для того, чтобы убить моих детей. Это делают все вашавоки.

— Дважды я не дала им погибнуть, — сказала Дар, — ты это знаешь. Я ищу здесь мудрости. Подобаает приветствовать меня.

Верховная мать нарочито долго размышляла над ответом. Наконец она произнесла:

— Я — Мут-па.

Дар знала, что все верховные матери кланов имеют имя Мут. То, что старуха поприветствовала ее, было очень важно. Это был успешный первый шаг. Дар чуточку успокоилась, как только Мут-па назвала свое имя. Она снова поклонилась верховной матери.

— Я — Даргу.

— Стало быть, немышь, а хорек явился в мою палату. Зачем?

— Я слушалась моего сердца.

— Если так, то у тебя мало ума.

— Веласа-па велел мне поступать так, — возразила Дар, надеясь, что это имя ей хоть чем-то поможет, — он сказал, что это будет тяжело.

Мут-па удивленно уставилась на Дар.

— Веласа-па?

— Хай.

— Говори о нем.

— Я встретила его неподалеку от Таратанка, — сказала Дар, — он жил совсем один и был очень стар. Он сказал, что родился вашавоки, но у него была татуировка клана Па. Потом он гадал на перьях. После того разговора я его больше не видела. Если бы он не оставил мне еду, я бы сказала, что это было видение.

— У тебя бывают видения? — спросила Мут-па.

— Хай.

Мут-па долго молча смотрела на Дар и наконец склонила голову.

— Садись, мать, — сказала она, — ты голодна?

Дар поняла, что останется в живых.

Дар проснулась от приглушенных звуков. В доме просыпались и вставали орки. Сидя на коленях у Ковока в его объятиях, Дар притворилась спящей. Ей хотелось немного поразмыслить обо всем, что случилось за ночь, прежде чем снова встретиться с таким числом незнакомых орков.

После того как Мут-па назвала ее «мать», были совершены какие-то ритуалы. Дар лишь отчасти поняла их смысл. Сначала в палату впустили спутников Дар, после чего с ними долго знакомились члены клана. Дар была ужасно голодна, у нее урчало в животе, а орки все продолжали знакомиться. Каждый из взрослых членов клана обращался к каждому гостю, потом — наоборот, и при этом выполнялись какие-то сложные правила очередности. Дар пыталась запомнить лица и имена, но это было не так просто. Имена всех матерей заканчивались на «па» — так назывался клан. Некоторые сыновья также являлись членами клана Па, но у большинства мужчин были другие клановые имена. Это означало, что они женаты на матерях из клана Па. Того сына, который угрожал Дар около костра, звали Так-гот.

За знакомством последовало еще более долгое обсуждение родства. По всей

видимости, орки хотели понять, есть ли какие-то родственные связи между гостями и членами клана. Это было особенно трудно из-за того, что клан Па проживал отдельно от других орков. Дар уже думала, что умрет от голода. Оказалось, что Варз-хак дальний родственник Дут-смата, мужа одной из внучек Мут-па. Дут-смаг состоял в родстве со всем семейством благодаря браку, и Варз-хак без труда установила степень его родства с Ковоком, Зна-ятом и двумя братьями Ток. Таким образом оказалось, что все они родственники — кроме Дар, конечно.

Как только был решен вопрос о родстве, наконец принесли еду. Мут-па сама подала пищу гостям. Они ели, а все остальные наблюдали за ними. Большинство членов клана Па не отрывали глаз от Дар, и из-за этого она чувствовала себя скованно. Во время трапезы была подготовлена спальня. Как и в Таратанке, она примыкала к ханмути. Когда гости поели, Мут-па поднялась и обратилась к ним.

— Разделите с нами наше жилище, как разделили еду. Отдохните после странствия.

Эти слова стали знаком разойтись. Сыновья принялись убирать посуду после трапезы, а все остальные отправились в спальни. Комната для Дар и ее спутников оказалась небольшой, и если бы орки не спали сидя, они с большим трудом уместились бы в ней. Дар забралась на колени к Ковоку. Понимая, что за ней наблюдают, она прижала его руку к своей груди, чтобы подчеркнуть свое положение матери.

Дар вспоминала обо всем, что случилось за вечер, а в жилище мало-помалу становилось все тише. Но через некоторое время Дар услышала взволнованный шепот совсем рядом. Дар приоткрыла один глаз и увидела, что в дверном проеме сгрудились оркские дети. Одна маленькая мать заметила, что Дар смотрит на них.

— Вашавоки не спит! — громко вскрикнула она.

Дар открыла глаза и растянула губы, подражая оркской улыбке. Дети, показавшиеся ей совсем маленькими, попятились назад, но продолжали разглядывать ее со смесью испуга и интереса. Они очень походили на человеческих малышей и напомнили Дар о каменной резьбе на стене дома в Таратанке, где были изображены играющие дети. Они тоже были раздеты догола, несмотря на то что в доме было довольно прохладно.

Кто-то из матерей прокричал:

— Ланут Мут Даргуи! («Оставьте Мать-Хорька в покое»).

Дети поспешно убежали.

В следующее мгновение, нарушив свой собственный приказ, эта самая мать опустилась на колени в дверном проеме.

— Хорошего дня, Даргу, — проговорила она.

По-оркски она говорила с музыкальным акцентом. На слух это очень нравилось Дар, но она понимала речь матери с трудом.

— Тава, — сказала Дар.

Мать улыбнулась.

— Меня зовут Ми-па. Наша верховная мать велела мне быть твоей сапахы.

— Я не знаю, что значит это слово, — призналась Дар.

— Я буду отвечать на вопросы и показывать тебе все, что ты пожелаешь увидеть.

«Ее приставили ко мне как проводника», — догадалась Дар и более внимательно присмотрелась к матери.

Она была одинакового с ней роста, но у нее не было татуировки на подбородке, и груди у нее еще не развились.

«Она еще девочка!» — поняла Дар и удивилась — почему Мут-па выбрала ее. На ум приходило несколько причин, но она не могла выбрать из них самую главную.

— Для этих сыновей ты тоже будешь сапахы?

— Только для тебя, — ответила Ми-па, — пойдем.

Дар было немного странно получать распоряжения от кого-то, кто был не старше Тви, но она понимала, что должна повиноваться. Кроме того, Ми-па не выглядела ребенком. Вела она себя вполне уверенно, по-взрослому. На самом деле такой уверенности Дар до сих пор не

замечала ни у одной из знакомых ей женщин.

Дар поднялась с колен Ковока. Он не произнес ни слова и сидел неподвижно все время, пока Дар разговаривала с Ми-па. Дар это озадачило, потому что она была уверена, что орк не спит. Выходя с Ми-па из комнаты, Дар обернулась и увидела, что Ковок-ма встал.

«Он стал вести себя по-другому, как только мы оказались здесь. И другие орки тоже», — подумала Дар.

Она догадывалась, что перемены в поведении орков вызваны их поклонением матерям из клана Па. Видимо, это поклонение касалось и таких юных матерей, как Ми-па.

«Они настоящие матери уркзиммути, — с грустью подумала Дар, — а я всего лишь женщина вашавоки».

Выйдя из палаты, она снова увидела небольшую каменную постройку, заполненную черепами. У нее возникло искушение подойти к этой жуткой кладовой поближе. Ми-па пошла за ней. Большинство черепов показались Дар очень старыми. Те, что лежали внизу, распались на осколки. Однако верхние были совсем целыми. На трех черепах из самого верхнего слоя еще сохранились лоскутки высохшей кожи и островки волос.

— Мне было всего шесть зим от роду, когда сюда положили эти черепа, — сказала Ми-па, — у одного вашавоки были длинные волосы, как у тебя.

«Это была женщина!» — подумала Дар и поежилась.

— Ты первая живая вашавоки, кого я вижу, — сказала Ми-па.

— Ну и что ты обо мне скажешь? — спросила Дар, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно более обыденно.

— Ты похожа на некрасивого ребенка, — ответила Ми-па, — и еще ты странно пахнешь.

— Плохо?

— Тва, просто странно, — сказала Ми-па, — пойдем.

Ми-па повела Дар по хорошо утоптанной тропе вдоль речки к солнечному месту, где течение было перегороджено невысокой каменной плотиной и образовалась запруда.

— Это место для летнего купания, — объяснила Ми-па, сняла юбку и вошла в воду, — иди сюда.

Пока Дар раздевалась. Ми-па с нескрываемым интересом разглядывала ее тело. Особенно она удивилась, когда Дар сняла просторную блузу.

— У тебя бывают крови!

— Крови?

— Каждую луну ты получаешь дар Мут ла, — сказала Ми-па.

Ее голос прозвучал неуверенно. Дар не поняла, вопрос это или утверждение.

— Хай, — отозвалась Дар, — я получаю ее дар.

Ми-па указала на клеймо на лбу Дар.

— А это знак твоего клана?

— Тва. У меня нет клана.

— Нет клана? — переспросила Ми-па. Ей явно трудно было в такое поверить, — но ведь это значит, что ты совсем одна.

— Так и есть.

Когда Дар вошла в воду, оказавшуюся теплее, чем она ожидала, Ми-па зачерпнула какую-то мазь из глиняного горшка, стоявшего на берегу. Когда она обмазала этой мазью тело, на ее коже выступили крошечные пузырьки. Вода легко смывала мазь.

— Что это такое? — спросила Дар.

— Деиата, — ответила Ми-па и нанесла немного мази на руку Дар, — для очищения кожи.

— Это лучше песка, — сказала Дар.

— Хай, — подтвердила Ми-па и подошла к Дар сзади, — я помою тебе спину.

Дар не знала, как это принять, но прикосновения Ми-па оказались бережными и приятными. Оркская мать сначала молчала, а потом спросила:

- Ты совсем взрослая?
- Хай.
- Ковок-ма — твой муж?

Уверенная в том, что ответ на этот вопрос скоро станет известен всем матерям клана, Дар ответила осторожно:

- Мы не благословлены.
- Твоя мутури будет говорить с его мутури? — спросила Ми-па.
- Я не знаю ваших обычаев.
- И все же сыновья повинуются тебе, — заметила Ми-па, — почему?
- Сыновья почитают матерей.

Ми-па закончила мыть спину Дар и, обойдя ее, встала к ней лицом.

- Но ты вашавоки.
- Мут-па назвала меня матерью.
- Но почему сыновья повинуются тебе?
- Они верят, что меня ведет Мут ла, — ответила Дар, — у меня бывают видения.
- Какие видения?
- Не знаю, должна ли я говорить о них.
- Я — мать, — сказала Ми-па, — мне ты можешь рассказать.

Продолжая мыться, Дар рассказала Ми-па о своих видениях — о духе Тви на Темной тропе, о сражении в Сосновой лощине, об оркской матери у живой изгороди, о том, как она несколько раз видела горящего в пламени уркзиммути. Она рассказала о том, как чуть не утонула, и как ее спасло дерево, и как потом орки стали называть ее матерью. Дар только упоминала об этих событиях, но не пыталась толковать их. Ми-па слушала ее с неподдельным интересом, пока Дар не начала рассказ о своей встрече с Веласа-па.

- Не говори о нем! — вскричала Ми-па, — это касается только Мут-па.
- Из-за этого Мут-па пощадила меня?
- Думаю, да, — ответила Ми-па и умолкла.

Дар порадовалась тому, что Ми-па не стала больше расспрашивать ее ни о чем. Она не могла представить себе, как станет рассказывать этой юной матери о своей жизни в горской деревне, о службе в оркском полку так, чтобы Ми-па не разочаровалась в ней. Смыв с кожи остатки депиаты, Дар вышла из пруда, чтобы обсохнуть на солнце.

- Тебе было велено задать мне эти вопросы? — спросила она.
- Хай.
- Это все, о чем тебе велели спросить у меня?
- Хай, но у меня есть свой вопрос.
- Какой? — спросила Дар.
- Можно потрогать твои пальцы?

Дар улыбнулась.

- Конечно.

Интерес Ми-па к пальцам Дар и испытанное при прикосновении изумление стаю первым, что показало Дар, что перед ней ребенок. Она так старательно разглядывала руки и ноги Дар, что та не выдержала и рассмеялась. Смех Дар немного испугал Ми-па, но в следующее мгновение она рассмеялась по-своему — негромко зашипела.

Обсохнув, Дар оделась. Она надела нижнее белье и юбку, но блузу надевать не стала, а набросила на плечи и с помощью завязок сделала так, что получилось нечто вроде накидки, которые носили зрелые матери уркзиммути. С обнаженной грудью Дар было холодновато, но Дар решила, что это правильно, что это нужно, чтобы подчеркнуть свою женственность. Нарядившись таким образом, она попросила Ми-па поводить ее по окрестностям.

Клан Па обитал в юго-восточных предгорьях гарного хребта на протяжении жизни многих поколений. За долгие годы уркзиммути успели сделать многое. Купальня была только одним из их достижений. Ми-па показала Дар ступенчатые поля на высоких горных склонах. Снизу увидеть эти поля никто не смог бы. Точно так же умело спрятаны были

кладовые и загоны для скота. Уркзиммути старательно маскировали даже тропы, по которым ходили.

Дар удивило то, что на полях трудились матери и дети. Зна-ят рассказывал ей, что в их клане этим занимались сыновья.

— А где сыновья? — спросила она.

— Они в дозоре у западного перевала. Охраняют клан от нападения вашавоки.

— Но зачем? — удивилась Дар, — вашавоки живут очень далеко отсюда. Я шла по землям около Блат Уркмути. Они безлюдны.

— Такова судьба нашего клана. Мы должны это делать, — сказала Ми-па.

— Почему?

— Это знают только те матери, у которых бывают крови.

«Вот в чем дело, — догадалась Дар, — Ми-па назначили моей сапахы, потому что она достаточно взрослая, чтобы задать мне вопросы Мут-па, но не настолько взрослая, чтобы отвечать на мои вопросы».

16

К тому времени, как Дар и Ми-па вернулись в палату, все было уже почти готово к дневной трапезе. В котле приготовили похлебку с тем же пряным ароматом, который исходил от блюда, сваренного Веласа-па. Единственная ханмути в жилище клана была невелика, и весь клан сразу не мог усесться там, поэтому первыми ели матери. Мут-па предварила трапезу, поблагодарив Мут ла. Это стало единственным проявлением ритуала. Матери подали еду себе и своим детям и, усевшись, стали весело болтать за едой.

Их обыденное поведение удивило Дар.

— Я всегда говорила: «Мут ла дает вам эту пищу» — перед тем, как подать еду, — сказала она Ми-па.

— Это потому, что ты служила сыновьям, — ответила Ми-па, — ведь это наша еда.

Дар решила воспользоваться возможностью спросить другую мать о том, что давно ее интересовало.

— Почему мы владеем пищей?

Ми-па посмотрела на Дар как на ребенка.

— Это всем известно.

— Мне — нет.

— Потому что Мут ла правит миром через матерей. От нас дети получают жизнь. Наши груди питают детей. Мы — глаза и руки Мут ла. Мы произносим ее слова. Наши дары — это ее дары.

— Это звучит разумно, — сказала Дар.

— Разве у вашавоки все не так?

— Тва. У вашавоки всем заправляют сыновья, потому что они сильны.

— Если бы это было мудро, то миром правили бы медведи, — хмыкнула Ми-па, — не стоит удивляться тому, что вашавоки так злы.

Кто-то позвал Ми-па. Она встала и подошла к нескольким матерям, собравшимся у стены. Дар осталась одна. Она была чужой посреди повседневной жизни клана. Она завидовала окружающим ее матерям. Они выглядели гордо, живо, они чувствовали себя уверенно и удобно, имея такую власть. Ми-па сразу вступила в оживленный разговор. По взглядам, которые матери бросали в ее сторону, Дар догадалась, что они говорят о ней. К матерям подошла Мут-па, села и заговорила с Ми-па. Через некоторое время Мут-па встала и подошла к Дар.

— Тава. Даргу, — сказала она.

Дар почтительно склонила голову.

— Тава, Мать, — почтительно проговорила она.

— Тебе ведома учтивость, — отметила Мут-па, — и ты выкупалась. В этой палате

живут многие. Тебе следует делать это часто.

— Я буду это делать, Мать, — отозвалась Дар, — хотя и не могу пробыть тут долго. Я обещала сыновьям отвести их домой.

— Ты знаешь дорогу?

— Тва. Я надеюсь, что ты подскажешь мне, куда идти.

— Путь до следующей палаты потаенный. Тебе понадобится сапах.

— Кто-нибудь из вашего клана может сделать это?

— Поговорим после Ба Нити, — сказала Мут-па.

Дар постаралась скрыть разочарование. Луна сейчас была в последней четверти, и до наступления Ба Нити («Скрытого Ока») нужно было ждать пять дней.

— А что мне делать до тех пор?

— Приноси пользу. Говорят, каждая мать приносит с собой две руки, — ответила Мут-па, — твои сыновья уже несут дозор.

— Я могу работать в поле, — сказала Дар.

— Хорошо, — сказала Мут-па и поднялась, — мы еще поговорим.

Дар проводила Мут-па взглядом. Та пересекла комнату и, подойдя к другим матерям, что-то им сказала. Одна из них обернулась и посмотрела на Дар. Это была та самая, которая велела Так-готу убить ее. Сейчас взгляд у нее был заинтересованный.

Дар доедала похлебку одна. Она решила относиться к своему одиночеству спокойно.

«Я для них чужая, я не принадлежу ни к какому клану, но, несмотря на это, они называют меня матерью».

Дар не чувствовала враждебности по отношению к себе. Скорее ее угнетало то, что она не такая, как все.

«Ми-па назвала меня Мут Даргу — «Мать-Хорек»».

Дар вспомнила об этом, и ей стало не по себе.

«Ведь это так и будет до конца моей жизни, — с тоской подумала она, — доберусь до родины Ковока, а потом до конца дней своих не смогу оттуда уйти из-за моего клейма. Так и останусь одинокой диковинкой — Матерью-Хорьком».

После еды Дар задержалась, надеясь, что ей велят подать пищу Ковоку и остальным сыновьям. Но когда в ханмути вошли только старики и подростки, она догадалась, что ее спутники по-прежнему в дозоре. К ней подошла та мать, которая грозила ей смертью, вместе с Ми-па.

— Наша Мать говорит, что ты хочешь работать на иоле.

— Мне бы хотелось приносить пользу, — сказала Дар.

Мать обратилась к Ми-па:

— Ми, возьми два тива и ступай с Даргу на верхнее поле. Грен там сажает паши.

— Хай, Мать, — сказала Ми-па, — пойдем, Даргу.

Ми-па повела Дар в кладовую. Там она вручила Дар тив — плоскую железную лопатку с короткой рукояткой.

«Сажая паши, придется сильно наклоняться», — подумала Дар и следом за Ми-па вышла из кладовой.

Верхнее поле оказалось длинным и узким. Оно располагалось на вершине извилистого горного кряжа. Невысокая каменная стенка не давала дождям смывать почву. Дар догадалась, что орки принесли сюда землю по той самой крутой тропе, по которой поднялись они с Ми-па. Остальная часть кряжа была суровой, скалистой. Несколько матерей склонились к земле и орудовали тивами. Некоторые из них, скорее всего, были ровесницами Ми-па.

— Грен-па! — крикнула Ми-па, — мать-Хорек и я пришли помочь тебе.

Мать постарше, с полными руками и ногами и на голову выше Дар, подошла к ним. Она быстро показала Дар, как сажать паши, и дала мешок с нарезанными на куски клубнями. Дар присоединилась к матерям, выстроившимся в цепочку вдоль поля, и начала работу.

Копать землю было не так уж трудно, но тив был тяжелым орудием, предназначенным для более сильных рук, и работать им приходилось, сильно нагнувшись. Вскоре у Дар заболела спина. Она молчала, поглядывала на других матерей и перенимала у них навыки. Даже самые младшие из матерей трудились, не жалуясь. Тяжкая работа продолжалась до заката. Только тогда Грен-па наконец велела заканчивать.

По пути к пруду Грен-па заговорила с Дар впервые с того мгновения, как показала ей, как нужно сажать паши.

— Ты выглядишь как ребенок, а работаешь тяжело.

Дар растянула губы в улыбке.

— Шашав, Грен-па.

Матери, все время работавшие молча, теперь стали переговариваться. Слушая их разговоры, Дар обратила внимание на то, что взрослые матери, обращаясь друг к другу, опускают в именах «па». Разговоры большей частью касались матери по имени Фре и ее недавнего странствия в поисках супруга.

— Я слыхала, что ее возжелал сын сестры Так-гота, — сказала одна из матерей.

— И она тоже возжелала его, — сказала вторая.

— Это не важно, — сказала Грен-па, — его мутури не даст благословения. Фре придется поискать себе другого мужа.

— Бедняжка Фре! — сказала первая мать.

— Это печально, — согласилась Грен-па, — любовь Фре не была мудрой.

Она бросила на Дар многозначительный взгляд.

После купания Дар вместе с остальными матерями возвратилась в палату на вечернюю трапезу. Обнаружив, что Ковок-ма и остальные ее спутники до сих пор не вернулись, она спросила у Грен-па, когда возвратятся дозорные.

— До Ба Нити не вернутся, — ответила Грен-па, — если только не изловят вашавоки.

— Ты стала первой, кого поймали за шесть зим, — добавила другая мать, — так что не жди своего велазула назад вскорости.

Дар покраснела. Слово «велазул», видимо, переводилось как «возлюбленный» или «любовник», хотя она точно не знала, что это означает у орков. Но спросить было неудобно, поэтому Дар так и не поняла, осуждала ее эта мать или выразила понимание и сочувствие.

Как только после матерей поели сыновья, в доме стали готовиться ко сну. Семьи собрались в своих спальнях, Дар удалилась в свою пустую комнату. Когда огонь в очаге догорел и в ханмути стало темно, до Дар донеслись звуки, свидетельствующие о близости между матерями и их супругами. Дар стало неловко, и она повернулась на другой бок, спиной к арочной двери. Без Ковока Дар была вынуждена улечься на полу. Пол был жесткий, так что спина у Дар разболелась еще сильнее, и вдобавок ей было очень тоскливо от одиночества. Дар скучала по Ковоку. Дар думала о том, насколько он стал ей небезразличен. Из-за этого разговор матерей около пруда еще более встревожил ее.

«Если они решили, что любовь Фре лишена мудрости, что же они скажут обо мне?»

17

На следующий день, после целого дня работы на поле, Дар купалась с матерями, трудившимися вместе с ней. Трое из них были взрослыми — Грен, Тву и Дри, а две девочки — подростки Жи и Вра. Жи, у которой появились груди, с нетерпением ждала дня, когда она получит дар Мут ла.

— Мутури думает, что к осени мне сделают татуировку, — сказала она, — надеюсь, она права.

— Ты быстро выросла, — сказала Тву-па, — мне исполнилось пятнадцать зим, и только потом меня поместили.

— Но на следующее же лето ты получила благословение, — заметила Жи-па.

— Мне повезло, — ответила Тву-па, — много ли сыновей приходит сюда? Погляди на

Фре.

— Тридцать зим, она все еще не благословлена, — сказала Грен-па.

— Мы слишком далеко живем от других палат, — сказала Тву-па, — мутури не хотят, чтобы их сыновья уходили жить сюда, вот и не дают им благословения.

— Тот сын по имени Зна-ят назвал наш клан затерянным, — проговорила Грен-па, — но ведь это его клан затерянный, а не наш. Мы сохранили истинность.

— И что это нам дало? — спросила Дри-па, — все остальные палаты — на востоке. Зна-ят живет так далеко, что мы и вправду для него как затерянные.

Тву-па принялась и усмехнулась.

— Пахнет атуром?

Дри-па плеснула на нее водой.

— Возьми побольше депиаты, Дри, — посоветовала Тву-па, — может, смоешь.

— Неудивительно, что Мут-па послала этих сыновей в дозор, — сказала Грен-па, — скоро они уйдут, а кому нужно, чтобы в палате кто-то из матерей ходил с тяжелым сердцем?

— Не только я источаю атур, — проворчала Дри-па, — Даргу тоже.

— И Ковок-ма, — добавила Тву-па, — почему он тебя любит, Даргу?

Дар покраснела.

— Я думала, что о таком говорить невежливо.

— Среди сыновей — да, — сказала Грен-па, — но тут только матери.

— Ну, так почему он любит тебя? — спросила Тву-па еще раз.

— Я не знаю, — сказала Дар.

— Потому что у него мало ума, — заявила Грен-па.

— Я так не думаю, — возразила Дри-па, — Даргу укусила Зна-ята за шею. Он говорит, что силу ей дала Мут ла. Такая сила влечет к себе мужчин.

— И неприятности тоже влечет, — добавила Грен-па.

Разговор матерей усилил впечатление Дар о том, что жизнь в этом поселении не так проста. Сыновья, которые должны были бы участвовать в повседневной жизни клана, тратили время на охрану своих сородичей от несуществующих врагов. Даже будучи посторонней, Дар понимала, что отсутствие сыновей плохо сказывается на жизни клана. Нужно было построить более просторную палату, посадка на полях шла слишком медленно, матери с трудом находили себе супругов. «Гоблинские войны» давно кончились, но их тень все еще лежала на жизни этих орков.

Занимаясь обычными делами, Дар ждала возвращения орков из дозора. Она работала на поле, купалась вместе с матерями, ела с ними, а спала одна. Она участвовала в жизни клана, но кое от чего ее отстраняли. Стоило ей приблизиться — и прекращались разговоры. Матери были вежливы, но говорили с ней осторожно. Дар чувствовала, что должно произойти что-то важное и что это было связано с ней.

Орки из дозора должны были возвратиться к наступлению Ба Нити, и все готовились к пиршеству. В этот день матери не работали на полях. Многие из них, включая Дар, собирали хворост для нескольких праздничных костров. Другие занимались приготовлением особой трапезы. Весь день Дар чувствовала растущее волнение — особенно у тех матерей, чьи супруги должны были возвратиться. Дневной трапезы не было, все трудились до самого вечера. Потом матери отправились купаться. Дар мылась, и ей показалось, что она чувствует распространившийся в воздухе атур.

«Наверное, пахнет очень сильно, если даже я чувствую», — подумала Дар.

Она догадывалась, что сама тоже источает этот аромат, потому что она жаждала поскорее встретиться с Ковоком.

В сумерках в горную долину вошли сыновья, уставшие после долгого дозора. Дар поборола искушение броситься навстречу Ковоку. Она стала наблюдать за другими матерями — смотреть, как они себя поведут. Они собрались у выхода из палаты и ничего не говорили о своем волнении. Это сначала озадачило Дар, но потом она поняла, что все чувства матерей доносит до возвращающихся сыновей ветер.

Как только подошли дозорные, матери поприветствовали их. Дар заметила, что многие матери прижимают к своей груди руки супругов и возлюбленных. Казалось, этим они более откровенно говорили сыновьям о своем желании, чем если бы дали волю словам. После этого и сыновья, и матери вели себя сдержанно. Когда подошел Ковок-ма, Дар повела себя как остальные матери. Прежде она всегда носила блузу и была не готова к вспышке желания, которую пробудило его прикосновение. Воздух наполнился дурманящим ароматом, все чувства Дар обострились. После того как Ковок-ма отнял руку, она утратила дар речи.

Ковок-ма улыбнулся.

— Даргу, приятно видеть тебя одетой как другие матери, — он протянул руку и нежно провел кончиками пальцев по щеке Дар, — ты все время была у меня в сердце.

Дар прижалась губами к руке Ковока и поцеловала ее.

— Пойдем туда, где мы сможем побыть одни, — сказала она.

И тут Дар услышала голос Мут-па:

— Сегодня Даргу войдет во тьму.

Ковок сразу отдернул руку и склонил голову.

— Прости, Мать. Я не знал.

Мут-па ушла, и Дар не успела спросить, что она имела в виду. Она спросила об этом у Ковока:

— Почему ты попросил прощения? Что еще за тьма?

Она хотела взять Ковока за руку, но он отстранился.

— Прости, Даргу, но мы должны держаться дальше друг от друга.

— Почему? Что случилось?

— Только матери могут входить во тьму. Эта тайна скрыта от сыновей. Этой ночью ты твада.

— Твада? — переспросила Дар, — что это значит?

— Неприкасаемая, — ответил Ковок-ма, отступая назад от Дар, — опасная.

И вновь Дар осталась одна, но на этот раз она решила, что должна что-то делать. Она разыскала Мут-па, почтительно поклонилась ей и дала волю своему отчаянию.

— Что ты сказала Ковоку? Почему я — твада?

Мут-па держалась непреклонно.

— Завтра сможешь быть со своим велазулом. Сегодня ночью — нет.

— Почему?

— Ты войдешь во тьму. Тебе нельзя есть и быть с сыном до возвращения.

Поведение Мут-па встревожило Дар, но она поняла, что у нее нет выбора, что она должна повиноваться.

— Что за тьма?

— Место, где приходят видения, — ответила Мут-па, — мы пойдем туда вместе. Сегодня ты будешь прислуживать на пиршестве. Позднее ты все поймешь.

В день Ба Нити никто ничего не ел до самого пиршества, а пиршество должно было начаться не раньше, чем тогда, когда последний свет дня покинет безлунное небо. Дар и так уже была голодна — и расстроилась из-за того, что нельзя будет поесть. Из-за голода она стала раздраженной и еще сильнее огорчилась, когда стало ясно, что сыновья нарочито избегают ее. Все знали, что она — твада, и даже матери держались от нее подальше. Единственное, что утешало Дар, так это то, что Мут-па тоже была твада.

Пиршество устроили под открытым небом. «Объятия Мут ла» обозначили кучами хвороста, которые позже должны были превратиться в кольцо костров. Весь клан собрался внутри кольца, все стали ждать наступления темноты. Внутри круга горел одинокий костер. Матери помешивали похлебку в большом котле, подвешенном над огнем. Когда ветер донес до Дар аромат готовящегося блюда, у нее побежали слюнки. Она села рядом с Мут-па, и они уподобились островку грусти посреди праздника. Дар поражалась тому, насколько открыто пары выказывали свою страсть. Дар было тяжело смотреть на это: она начинала думать о Ковоке.

Когда ночное небо наполнилось звездами, зажгли костры по кругу. Тогда Мут-па и Дар стали подавать еду. Когда они закончили работу, верховная мать увела Дар в сторону от круга света. Дар пошла за ней в темноту, не понимая, что делает и что ее ожидает. Они с Мут-па шли, пока не добрались до складки в скальной стене горного хребта. Свет звезд не проникал сюда, и здесь царила бы непроницаемая чернота, если бы не тусклый свет угольев догоревшего костра. Мут-па остановилась на краю тьмы и начала раздеваться.

— Сними одежду, — приказала она.

Когда Дар обнажилась, Мут-па взяла ее за руку и повела в темноту. Сначала Дар не видела ничего, кроме красноватого света угольев, и полагалась на Мут-па. Чем дальше она уходила во мрак, тем больше ее глаза к нему привыкали. Она видела, что свет угольев отражается от стен разлома в скале. То ли это было сделано руками орков, то ли так распорядилась природа, но вход в разлом напоминал по форме отверстие материнской утробы. У входа стояли два небольших медных котелка и маленькая деревянная миска. Мут-па подала Дар миску.

— Выпей это, — сказала она.

Дар пригубила напиток. Он оказался густым и горьковатым.

— Выпей все, — распорядилась Мут-па. Она проследила за тем, чтобы Дар выпила жидкость до конца, а потом взяла один из медных сосудов, — теперь ты должна очиститься, — сказала она и облила Дар с головы до ног водой, настоящей на травах, после чего Дар облила водой Мут-па.

Потом Мут-па велела Дар идти вперед. Разлом оказался входом в узкую пещеру с низким потолком. Красный свет угольев, оставшихся от нескольких костров, помогал найти дорогу. Мут-па велела Дар идти вдоль линии кострищ. Как только Дар проходила мимо очередного кострища, Мут-па запивала его водой. Мало-помалу позади Дар сгушался мрак. Горячий воздух пропитывался дымом и паром.

Вскоре туннель резко повернул, и Дар очутилась в круглом помещении с таким низким потолком, что попасть в него Дар смогла, только пригнувшись. В углублении на каменном полу тоже тлели угли.

— Сядь, — распорядилась Мут-па.

Дар села, скрестив ноги. Мут-па тоже села и вылила на угли остатки воды. Послышалось громкое шипение — и наступила полная темнота.

— У меня голова кружится, — призналась Дар.

— Дух покидает твое тело, — объяснила Мут-па.

Дар потрогала себя, но у нее онемели пальцы. Ей показалось, что пол под ней растворяется, что она вот-вот упадет, провалится в бездну. Дар попыталась побороть это ощущение и обратилась к Мут-па:

— Скажи мне, зачем я здесь. Что я должна сделать?

— Ты сказала, что говорила с Веласа-па. Быть может, поговоришь с ним еще раз.

— Но он же мертв.

— Да. Вот почему ты здесь. Только духи могут говорить с духами.

— И я тоже стану мертвой?

— Ты можешь вернуться, — сказала Мут-па, — если того пожелает Мут ла.

— Тва, — проговорила Дар, — я не могу этого сделать.

Она попыталась подняться, но тело не слушалось ее. Все так онемело, что о наличии тела напоминала только боль ниже груди. Боль была жаркая и холодная одновременно, она растекалась все шире, и перед мысленным взором Дар представала дыра в груди. В эту дыру словно бы устремилась вся ее сущность. Дар исчезала, чувствуя, что внутри ее есть что-то еще. Она не знала, что это, но понимала, что это нечто драгоценное.

— Должна спасти, — пробормотала она, и ее охватила пустота.

Кто-то поливал Дар водой. Это было приятно, но холодно. Дар открыла глаза. Она лежала около входа в пещеру под рассветным небом. Мут-па наклонилась к ней с медным сосудом.

— Тава, Даргу, — сказала она, — ты вернулась.

Дар в смятении огляделась по сторонам.

— Что случилось? Я ничего не помню, кроме, — Дар ощупала себя в поисках раны, но ее грудь была невредима, — я думала, я умерла.

— Смерть попробовала тебя на вкус, — сказала Мут-па, — но не проглотила. Ты прошла испытание.

— Какое испытание?

— Говорят, что вашавоки часто произносят слова без всякого смысла.

— Такие слова называются ложь. Ты думаешь, я произносила такие слова?

— Когда ты говорила о Веласа-па... Мне нужно было узнать, была ли то «ложь». Я должна была узнать, вправду ли он послал тебя сюда.

— Он меня не посылал, — возразила Дар.

— Он велел тебе слушать свое сердце. Вот почему ты пришла.

Дар не могла припомнить, чтобы делилась с Мут-па советом Веласа-па.

— Так вот почему ты меня пощадила, — сказала Дар, — чтобы допросить меня во тьме.

— Когда-то клан Па был кланом королевы. Когда королева не прислушалась к предупреждениям Веласа-па, судьба клана была предрешена. Вот почему мы живем здесь, всеми забытые. Наше предназначение — нести дозор, отслеживая вашавоки, и ждать.

— Чего ждать?

Мут-па задумчиво посмотрела на Дар. Видимо, она размышляла, о чем сказать. Через некоторое время она проговорила:

— Мут ла дает мудрость, но она редко щедра. Я узнала меньше, чем надеялась, а из того, что узнала, понимаю не все. Но вот что я знаю: мир изменился, — мут-па взяла Дар за руку и поклонилась ей, — шашав, Даргу.

— Я не помню, чтобы я что-то говорила. Я помню только боль.

— Если ты ее помнишь, значит, это было видение, посланное Мут ла, — сказала верховная мать, — сохрани его смысл.

Дар промолчала. Все ее видения были пугающими и загадочными, но это — особенно. Она словно увидела собственное растворение. Дар встала, оделась и пошла следом за Мут-па к палате. Там она поняла, как важно было ее странствие во тьму. Весь клан собрался и ждал, когда они с Мут-па вернутся. Их окружил взволнованный ропот. Наконец верховная мать заговорила:

— Мир изменился. Так говорит Веласа-па.

Толпа загомонила, но тут же притихла вновь.

— Сыновья больше не будут сеять смерть. Сегодня мы устроим ритуал сожжения черепов и обратим наши взоры к востоку.

Дар вдруг пришло в голову, что Веласа-па послал ее, чтобы она сказала этому клану о том, что гоблинским войнам пришел конец.

«Наверное, эти знания и могли быть чем-то драгоценным внутри меня, — подумала она, — эта весть и могла быть тем, что вытекало из моей груди».

Дар порадовалась найденному объяснению того, что ей довелось пережить. Словно бы в подтверждение ее догадки, все члены клана с восторгом встретили слова Мут-па. И матери, и сыновья были рады тому, что мучительному и бесполезному дозору пришел конец.

Дар смотрела, как члены клана постепенно расходятся по своим комнатам. Она очень устала и была слаба. Через некоторое время она заметила Ковока, который ждал ее, как подобает учтивому сыну. С трудом держась на ногах, Дар подошла к нему, взяла его руку и прижала к своей груди.

— Я очень устала, — сказала она, — но все же хочу побыть наедине с тобой.

Четыре дня спустя Дар и ее спутники покинули поселение клана Па. За короткое время слова Мут-па все переменили. Сыновья стали работать на полях с таким рвением, что посадку очень быстро закончили. Рабочих рук стало больше, и все дела пошли скорее. Начали расширять палату. Все разговоры во время трапез были полны новых надежд. Жизнь стала настолько лучше, что Так-гот подумал: его сестра сможет изменить свое решение и благословит союз ее сына и Фре-па. Он вызвался проводить Дар и ее спутников к поселению клана Гот.

Фре-па вела себя так, словно непременно получит благословение, и ее настроение передалось всем. У Дар тоже было легко на сердце. Она перестала чувствовать себя потерянной оборванкой. Впервые за очень долгое время у нее появилась обувь. Сандалии и оркская одежда стали прощальным подарком Мут-па. Дар облачилась в новую неву — кусок шерстяной ткани, обернутой вокруг талии и бедер наподобие юбки, и кефс — пару коротких накидок с капюшонами. В теплую погоду одна накидка надевалась поверх другой. Когда было холодно, одна из накидок прикрывала грудь. В такой одежде Дар больше чувствовала себя матерью уркзиммути.

Извилистая потаенная тропа до владений клана Гот пролежала через паутину долин. Зачастую идти было тяжело. Путники проходили мимо покинутых палат и иногда останавливались в них на ночлег, но только через девять дней они встретили орков. Это были трое матерей из клана Гот, собиравшие травы. Они знали Фре-па и ее мутури, но Дар их изумила.

— Даргу подобна Веласа-па, — сказал Так-гот, — Мут ла ведет ее.

Потом матери обращались с Дар уважительно, но с любопытством.

Позднее, ближе к вечеру, Дар заметила ступенчатые поля и несколько каменных палат. Так-гот подвел их к одному из жилищ, где находилась ханмути его сестры — одна из нескольких в палате ее мутури. Помня о своей первой встрече с Мут-па, Дар немного волновалась, приближаясь к палате, но Фре-па волновалась намного сильнее. Приближалось время разговора с мутури ее велазула, и веселье покинуло ее.

Мутури Так-гота Тхо-гот была старшей матерью в этой палате, поэтому именно она приветствовала гостей. Она сидела на табурете в самой дальней ханмути. Поскольку торжественно приветствовать полагалось только незнакомцев, Тхо-гот кивнула двоим матерям из клана Па, после чего обратилась к Дар:

— Я получила вести о тебе. Говорят, ты умеешь разговаривать по-нашему, но я не знаю, как тебя приветствовать.

Тара-па, мутури Фре-па, сказала:

— Эту мать благословила Мут-па.

— Я не знаю, что более странно, — сказала Тхо-гот, — то, что вы называете вашавоки матерью, или то, что Мут-па благословила вашавоки, — но тут любопытство возобладало над всем остальным, и Тхо-гот поднялась, чтобы лучше рассмотреть Дар, — я никогда прежде не видела вашавоки, — она принялась к Дар и, похоже, удивилась.

И снова заговорила Тара-па:

— Эта мать провела этих сыновей через многие испытания. Она входила во тьму и принесла весть для нашего клана. С тех пор как она пришла к нам, многое изменилось. Сыновья сложили оружие, чтобы трудиться вместе с матерями.

— Я удивлена, — сказала Тхо-гот, — это приятная новость, — она склонила голову перед Дар, — приветствую тебя, мать. Меня зовут Тхо-гот.

Дар поклонилась и назвала свое имя. Затем Тхо-гот приветствовала ее спутников, а потом началась трапеза. Первым делом поговорили об орках из клана Гот, которые жили в палате клана Па, а закончили рассказом о приключениях Дар и ее спутников. Этот рассказ потряс Тхо-гот.

— Даргу, — сказала она, — завтра я должна буду отвести тебя к Мут-гот. Ей будет очень интересно, и я уверена — она найдет сапаху для тебя и этих сыновей.

Тара-па дождалась окончания трапезы и только потом заговорила о благословении Фре-па. Она предложила вновь подумать об этом из-за тех откровений, которые принесла Дар, и из-за случившихся перемен в клане Па.

— У мужей матерей из клана Па была тяжелая жизнь, — сказала она под конец, — но будущее станет иным.

Тхо-гот задумалась и нахмурилась.

— Ты говоришь мудро, но я сомневаюсь, что моя дочь согласится. Так-гот не понимает свою сестру. Она хочет, чтобы ее сын был рядом — счастливый или нет. Но мы можем поговорить с ней. Быть может, она передумает.

Дар увидела, как угасла надежда во взоре Фре-па, и ей стало жаль ее. Ночью, когда Дар, лежа на груди у Ковока, пыталась заснуть, она услышала незнакомый звук из соседней комнаты. Звук был негромкий, он все время повторялся и напоминал приглушенное всхлипывание.

— Что я слышу? — прошептала Дар.

— Фре-па грустна, — прошептал Ковок и чуть крепче обнял Дар, — ее не благословят.

— Что она будет делать?

— Возвратится домой и больше никогда не увидит своего велазула.

Фре-па, ее мутури и Так-гот отправились домой рано утром на следующий день. Дар осталась и чуть позже днем была представлена верховной матери клана Гот. Мут гот была самой старой из всех орков, которых довелось видеть Дар, и единственная из всех была хрупкой. Кожа Мут гот была дряблая, висела складками, ее лицо, покрытое паутиной морщин, обрамляли редкие седые волосы. После ритуала приветствия Мут-гот с трудом поднялась с табурета и слабой походкой приблизилась к Дар. На расстоянии вытянутой руки она остановилась и, прищурившись, с искренним любопытством уставилась на девушку.

— Я уже много слышала о тебе, — сказала Мут-гот и растянула губы в улыбке, — ты не вашавоки! У тебя черные зубы.

— Я жую семена вашутхахи, Мать, — ответила Дар.

— Это помогает, — сказала Мут-гот, продолжая разглядывать Дар, — но не так уж сильно. Однако лучше быть мудрой, чем красивой. Ты мудра?

— Сомневаюсь, — ответила Дар.

Мут-гот снова улыбнулась.

— Мудрый ответ, — она обратилась к другим оркам: — Я хочу остаться наедине с Даргу.

Как только все вышли, Мут-гот села на табурет и предложила Дар сесть у ее ног.

— Мут ла говорит с матерями уркзиммути, — сказала Мут-гот, — но с очень немногими. Разве у матерей вашавоки часто бывают видения?

— Тва, — сказала Дар, — я никогда о таком не слышала.

— Некоторые говорят, что видения — это дары. Другие утверждают, что это тяжкая ноша. Как бы то ни было, видения случаются редко. Когда-то у меня были видения. Расскажи мне о своих.

Дар рассказала обо всем, и Мут-гот слушала молча от начала до конца. Ее взгляд стал встревоженным.

— Стало быть, ты встречалась с Веласа-па. Вот новость так новость.

— Кто он такой, Мать? В клане Па о нем говорили мало — даже после того, как я возвратилась из тьмы.

— Они хранят это предание в глубине сердца, потому что его судьба и их судьбы соединены между собой. Думаю, и твоя судьба тоже.

— Как?

Мут-гот просто улыбнулась в ответ.

— Ну, Даргу, как ты думаешь, почему Мут ла даровала тебе эти видения?

Несмотря на то что Дар не получила ответа на свой вопрос, она ответила на вопрос

верховной матери.

— Я не уверена, что знаю, — сказала она, — некоторые видения я понимаю, но большинство из них мне непонятны.

— Те видения, смысл которых остается скрытым, и есть самые важные, — сказала Мут-гот, — они показывают то, что еще только должно произойти.

— Но как они могут направлять меня, если я их не понимаю?

— Разве видение, в котором перед тобой предстал костер, не направило тебя, когда ты увидела Зна-ята, привязанного к дереву?

— Тва, — покачала головой Дар, — я все делала по велению сердца.

— Так и велит поступать Мут ла, — сказала Мут-гот, — она показывает, где дорога разветвляется, но ты должна выбрать, каким путем идти дальше.

— Тогда какой прок от видений? Для чего они нужны?

Мут-гот засмеялась по-оркски — зашипела.

— Ты думаешь, я знаю, что на уме у Мут ла? Я стара и многое повидала, но в сравнении с Матерью мира я дитя. Я знаю только одно: Мут ла посылает видения, чтобы они служили ей, а не тебе.

Дар вздохнула.

— Я так и думала.

— И все же, если ты будешь вести себя мудро, от видений будет польза.

Дар склонила голову.

— Хай, Мать.

Однако она не могла удержаться от мысли: «Польза для кого?»

На следующий день Дар и ее спутники ушли из поселения в сопровождении сапахы, приставленного к ним Мут-гот. Ближе к концу пути Дар стала с волнением думать о том, как ее примут в палате клана, к которому принадлежал Ковок.

«Какая мутури захочет, чтобы ее сын женился на вашавоки?»

Когда Дар представляла себе, какой извращенной может выглядеть ее страсть, ей казалось, что положение безнадежно. Дар размышляла об этом, пока ей вдруг не пришло в голову, что мутури Ковока — тетка Зна-ята.

«Быть может, он сумеет сказать, чего мне ожидать», — подумала Дар, и, когда они остановились на привал, она отвела Зна-ята в сторонку для разговора наедине.

— Зна-ят, — сказала она, — мне нужен совет.

— Ты мать. Мне не пристало давать тебе советы.

— И все же ты должен это сделать. Ты знаешь о том, что важно для меня.

Зна-ят поклонился Дар.

— Чем я могу помочь тебе?

— Ты знаешь, что Ковок-ма наполняет мое сердце. Когда я войду в палату его мутури, что будет?

— Даргу, не входи в эту палату.

— Почему?

— Даргу, ты мудра. Ты сама знаешь почему.

— Мутури Ковока не одобрит нашего союза.

— Она увидит его чувства, но она не поймет их, — сказал Зна-ят, — я думаю, она очень рассердится.

Дар страдальчески вздохнула.

— Зна-ят, для меня нет надежды. И места для меня тоже нет.

— Ты укусила мою шею, Даргу. Для тебя всегда будет место в палате моей мутури.

В следующее мгновение Дар осознала, что единственный выход для нее — жизнь в палате Зна-ята, и она была благодарна ему за такое предложение. Прежде она думала, что останется с Ковоком. Но у его мутури не было никаких причин принимать ее, так что она могла очень скоро придумать, под каким предлогом выгнать Дар. Будущее Дар, похоже,

было предreshено, и оно не выглядело радужно.

К вечеру путники вошли в очередную пустую долину. Дар заметила подходящее место для стоянки и сказала, что пора сделать привал, хоть и было еще довольно светло. После еды она увела Ковока. Они не возвращались до утра.

Сразу же после того, как они вернулись, ее отозвал в сторонку Зна-ят.

— Даргу, — прошептал он, — вы не благословлены.

— Мы вели себя подобающе, — возразила Дар, — мы дарили друг другу любовь, ничего больше, — хотя самой Дар хотелось, чтобы они не вели себя подобающе. Она бы с радостью отдалась Ковоку, если бы он того пожелал, но он был верен обычаям. Поэтому, несмотря на страстную ночь, Дар чувствовала себя отвергнутой. Взгляд Зна-ята был таким встревоженным, что Дар поняла: она не в силах скрыть своих истинных желаний, — я не стану делать глупостей, — заверила она орка.

— Матери, совершающие тримук до благословения, становятся твада до конца жизни, — сказал Зна-ят.

— Знаю, — ответила Дар.

Ее не покидала мысль, что как только Ковок-ма покинет ее, она тоже может остаться неприкасаемой.

— У меня в сердце тяжесть из-за тебя, — признался Зна-ят, — радость слишком быстро превращается в печаль. Ковок-ма боялся этого еще в Таратанке. Он страшился конца этого странствия.

— Если он знал, что все так закончится, зачем он вообще дарил мне любовь?

— Ты пришла к нему и попросила о том, чего больше всего желало его сердце, — ответил Зна-ят, — он подумал, что это деяние Мут ла.

Дар горько вздохнула и подумала о том, что у Мут ла есть свои собственные цели.

— Быть может, он был прав.

Зна-ят немного подумал и сказал:

— Мутури Ковока не должна слишком скоро узнать о тебе.

— Почему? — удивилась Дар, — какая разница?

— Это поможет тебе получить время и поискать совета, — сказал Зна-ят, — клан-ят — это королевский клан, и матери этого клана очень мудры. Возможно, они увидят какой-то путь для тебя.

— Ковок-ма не привык произносить бессмысленные слова. Как он сможет скрыть свою любовь?

— Я посоветую ему избегать разговоров с тобой, — ответил Зна-ят, — и не жить в палате его мутури. Если он проведет лето на выпасе, быть может, мутури и не заметит его чувств.

В который раз Дар обратила внимание на то, что Зна-ят отличается от остальных орков. Он понимал, как извлечь пользу из обмана. Ковок-ма, напротив, был воплощением честности, и Дар с трудом представляла себе, как он сумеет скрыть свои чувства. Но даже если бы это ему удалось, она не могла вообразить, как же все-таки может случиться так, что мутури Ковока примет ее.

«Я — вашавоки. Молчание Ковока этого не изменит».

Но все же, судя по всему, это была ее единственная надежда.

— Я скажу ему, чтобы он все делал, как ты задумал, — сказала Дар, — хотя и сомневаюсь, что из-за этого что-то изменится.

— Может быть, и не изменится, Даргу, — сказал Зна-ят, — но ты сумеешь выиграть время, а Ковок-ма сможет видаться с тобой, куда его мутури не станет запрещать этого.

— А если запретит?

— Тогда вы расстанетесь навсегда.

Дар собрала орков, и Зна-ят рассказал о своем замысле от начала до конца. Замысел

был прост: как только они ступят на знакомые земли, они разделятся. Зна-ят и Дар отправятся к палате клана Ят. Ковок-ма пойдет вместе с остальными и придет домой последним. Все пообещали как можно реже упоминать о Дар, никогда не называть ее матерью и не обращаться к ней по имени. Это позволяло Зна-яту надеяться на то, что мутури Ковока не свяжет Дар с ароматом любви, исходящим от ее сына.

Дар согласилась с планом Зна-ята, хотя отнеслась к нему двойственно. С одной стороны, этот план дарил ей надежду — пусть и самую хрупкую — соединиться с Ковоком. С другой стороны, он приближал день их расставания.

Путники двигались к востоку, и местность становилась более гостеприимной. Склоны стали более пологими, их резкие очертания смягчали деревья, идти стало намного легче. Для Дар это было и самое приятное время в ее жизни, и самое грустное, потому что из-за ее теперешней радости будущее выглядело еще более мрачным. Она стала шагать медленнее и постаралась бы растянуть путешествие, сделать его как можно более долгим, если бы орки — все, кроме Ковока — не спешили поскорее вернуться домой.

После семи дней пути они оказались в знакомых краях, и их сапах отправился в обратный путь. Путники пошли дальше по тропе, которая чем дальше, тем становилась более торной. Через некоторое время они поравнялись с широким водным потоком, через который был переброшен небольшой каменный мост. На другом берегу реки тропа разветвлялась. Ковок-ма подошел к Дар.

— Эта речка вливается в большую реку, которую пересекает Флис Мути.

— Ты говоришь о той реке, которую вашавоки называют Турген?

— Хай, — подтвердил Ковок-ма и немного помолчал. Было видно, что ему не хочется об этом говорить, — здесь мы должны расстаться.

— Не сейчас, — умоляюще проговорила Дар, — у меня сердце разрывается.

— У тебя большое сердце, Даргу. Оно слишком сильное, чтобы разорваться.

— Уж лучше бы разорвалось, — сказала Дар и вздохнула, — но этого не случится. Давай еще немного поговорим, прежде чем ты уйдешь.

— Я буду говорить с тобой так долго, как ты захочешь.

— Тогда тебе придется говорить вечно, — сказала Дар, — пойдем.

Она взяла Ковока за руку и повела по песчаному берегу. Остановившись, Дар сбросила сандалии и вошла в воду. Вода была чистая и приятно охлаждала уставшие ноги. Ковок-ма присоединился к Дар. Она улыбнулась.

— Помнишь, как ты заставил меня купаться?

— Ты была напугана, — сказал Ковок-ма, — но и тогда ты была свирепа.

— Ты еще сказал, что Хорек — подходящее имя для меня.

— Так и есть.

— И еще ты сказал, что от меня плохо пахнет.

Ковок-ма крепко обнял Дар и глубоко вдохнул.

— Тогда я был глуп. Твой запах прекрасен.

Дар вдруг почувствовала, что Ковок-ма дрожит. Ее глаза наполнились слезами. Ей не хотелось плакать, но из-за попытки сдержать рыдания она тоже задрожала.

— Даргу, — прошептал Ковок-ма, — мут ла не говорит с сыновьями, но я знаю: она свела нас с тобой, и она сделает это вновь.

Дар очень хотелось в это верить, но ни одно из ее видений не предсказывало счастья. Но все же она не нашла в себе сил возразить.

— Хай, — сказала она, — я снова буду в твоих объятиях. Но не так скоро. Теперь тебе пора идти.

Ковок-ма отпустил Дар. Она стояла неподвижно и смотрела вдаль. Она не нашла в себе сил проводить его взглядом. Дар не выходила из реки до тех пор, пока у нее не онемели ноги. Все это время она думала только об одном. Ей так хотелось, чтобы благословение ничего не значило.

«Если бы он был вашавоки, все было бы иначе. Нам пришлось бы убежать вместе».

Но Дар знала, что Ковок-ма никогда не обесчестил бы ее — даже ради того, чтобы сделать счастливой.

19

Когда Дар поднялась по берегу от реки, ее уже ждал Зна-ят. Он протянул Дар ее старую одежду. Дар поняла намек.

— Почему мне не стоит одеваться как подобает матери?

— У уркзиммути очень быстро разлетаются вести. У Кат-ма не только мудрый нос, она и во многом другом мудра.

— Кат-ма? — переспросила Дар, — ты говоришь о мутури Ковока?

— Хай. Когда она учует его атур, она захочет узнать, с какими матерями он был.

— Разве она не может просто спросить?

— Так не делают, — ответил Зна-ят, — она будет ждать, когда он скажет о своей велазуле. А пока он молчит, она будет пытаться догадаться.

— Понимаю, — сказала Дар, — я рада, что ты так хорошо знаешь Кат-ма, — она с отвращением взглянула на свою старую одежду, — так не хочется снова надевать это тряпье, — призналась она.

Переодевшись, Дар вышла следом со Зна-ятом по тропе, которая вела вниз вдоль течения речки. Приток вскоре впал в широкую реку, и они миновали несколько пустых рыбацких стоянок. Они шли до заката и остановились на ночлег на одной из таких стоянок. Зна-ят предложил Дар сесть к нему на руки, но, похоже, испытал большое облегчение, когда она отказалась и улеглась спать на землю.

На следующий день Дар и Зна-ят набрали на поселение орков. Они задержались там, чтобы спросить дорогу, и Зна-ят объяснил оркам, что они с Дар уцелели в сражении.

— Этот вашавоки спас мне жизнь, — сказал он, указав на Дар, — теперь он спасается бегством вместе со мной.

Орки с любопытством воззрились на Дар.

— Уж слишком он маленький. Как он мог спасти тебя?

— Он маленький, но свирепый, — ответил Зна-ят.

— Ты его не боишься? — спросил один из орков.

— Тва. Он присмирел.

— Это точно? — спросил другой орк, поглядывая на кинжал Дар.

Зна-ят сделал жест, которым орки пользовались в ситуациях, когда человек пожал бы плечами.

— Ну... Настолько, насколько вашавоки может присмиреть.

На протяжении разговора Дар притворялась, будто не понимает оркской речи. Она не молчала, пока поселение не скрылось из виду. Тогда она засмеялась на оркский манер — зашипела.

— Значит, я свирепая, но смирная? А я-то думала, что уркзиммути не произносят слов, лишенных смысла.

— Твоя сила должна оставаться тайной, — сказал Зна-ят, — поэтому я говорил мало. Но в том, что я сказал, смысл был.

— Мне довелось убивать — значит, пожалуй, я и вправду жестока, — сказала Дар, — но мне не кажется, что я смирная.

Дар и Зна-ят шли, ни от кого не таясь, целых пять дней, и никто их не остановил. Когда они приблизились к долине, где обитал клан-ят, Дар достала уркзиммутскую одежду.

— Я мать — и такой войду в вашу палату.

Зна-ят поклонился ей.

— Иначе и быть не могло.

Долина клана Ят была извилистой, поэтому палата была умело спрятана. Сначала Дар увидела только луга, на которых паслись овцы и козы, да небольшие хижины, в которых на

лето поселялись пастухи. Вскоре Зна-ят начал встречать на дороге родных. Всякий раз при встрече он останавливался и рассказывал о том, что с ним стряслось. Все поражались тому, что он возвратился живым, ибо сюда уже успели долететь вести о страшной битве. Не меньше орков изумляла и сама Дар, и то, что Зна-ят рассказывал о ней. Он всем говорил, что она — мать, которая спасла ему жизнь и уберегла от многих бед. Чем дальше, тем больше орков встречались на пути Дар и Зна-ята. Дар догадывалась, что весть об их приходе доберется до поселения намного раньше, чем они сами.

Наконец дорога повернула, и Дар увидела в конце долины невысокую гору, на склонах которой зеленели ступенчатые поля. На вершине возвышалась палата клана Ят. Даже издали она выглядела большой, внушительной. Эта постройка напомнила Дар о Таратанке, а не о скромных жилищах Мут-па и Мут-гот.

— Это и есть ваша палата? — спросила она зачарованно.

— Хай. Там жила королева, — сказал Зна-ят, — настанет день, когда она снова будет жить там.

Дар не знала, как по-орски сказать «дворец», но эта палата показалась ей настоящим дворцом. По мере того как они со Зна-ятом приближались к палате, это впечатление только усиливалось. От подножия горы дорога вилась между ступенчатых полей до самой вершины, целиком занятой величественным каменным зданием. Казалось, палата сама выросла здесь. Ее сводчатые крыши напоминали очертаниями древние выветренные скалы. Как и Таратанк, палата не была обнесена укреплениями на случай войны. Это был дом, но дом размером с небольшой городок, и при этом он не представлял собой крепость. Дар была и озадачена, и зачарована видом арочных окон, отражающих свет солнца.

— Почему окна так сверкают? — спросила она.

— В них вставлен песчаный лед, — ответил Зна-ят, — поэтому в комнатах светло, но тепло. Тебе там понравится, Даргу.

Даргу кивнула, хотя на самом деле она в этом сомневалась. Прожив жизнь в хижине, где была всего одна комната, она подозревала, что будет чувствовать себя неловко в такой огромной палате. Она шла по дороге, и страх все сильнее овладевал ею. Наконец они поравнялись с арочным входом в палату. Проем закрывали большие двустворчатые двери, подвешенные на красивых резных петлях. Увидев Дар и Зна-ят, двое сыновей — без доспехов, не вооруженные — открыли двери. На пороге стояла молодая мать. Она обратилась к Зна-яту по-орски:

— Брат! Я думала, что никогда не увижу тебя вновь!

— Я здесь благодаря этой матери, — ответил Зна-ят и поклонился Дар.

— Наша мутури хочет приветствовать этого вашавоки, — сказала сестра Зна-ята, — веди его... Веди ее в нашу ханмути.

Дар ничего не сказала. Она пошла за Зна-ятом и его сестрой подлинному коридору. В него проникая свет через окна в потолке, в которые был вставлен песчаный лед. Коридор извивался, будто змея. Дар догадалась, что каждый изгиб служит наружной стеной какой-то из ханмути. Ханмути мутури Зна-ята оказалась четвертой от входа в палату. Каменная арка, за которой находилась ханмути, была украшена резьбой в виде деревьев со сплетающимися ветвями. Но как ни красива была эта резьба, она не могла сравниться с той, которую Дар видела в Таратанке.

За аркой начинался короткий коридор, а за ним находилась круглая комната с очагом в середине и медным дымоходом, поднимающимся к потолку. Наружная стена комнаты была изрезана арками. Большинство из них служили входами в соседние комнаты, но три арки представляли собой окна, в которые был вставлен песчаный лед. Окна так поразили Дар, что она не сразу заметила мать, сидящую на резном деревянном табурете, а заметила только тогда, когда та заговорила.

— Приветствую тебя, — проговорила мать на языке людей, — меня зовут Зор-ят. Зна-ят — мой сын.

Дар поклонилась.

— Мер нав Даргу, — сказала она, — мер пахав Памути. («Меня зовут Даргу. Я говорю по-оркски».)

— Ты говоришь хорошо, — сказала Зор-ят по-оркски и добавила на том же языке: — Я слышала, что ты спасла моего сына.

— Хай. Думаю, такова была воля Мут ла.

— Наверное да, — сказала Зор-ят, — однако это было твоё деяние, — она поклонилась Дар, — для тебя всегда найдется место здесь.

Дар поклонилась низко — ниже, чем Зор-ят поклонилась ей.

— Шашав, Мать.

Зор-ят кивком указала на сестру Зна-ята.

— Это Нир-ят, она ещё не благословлена. Она устроит тебя в палате.

То, что старшая мутури представила Дар свою дочь, по всей видимости, было знаком для той увести Дар из ханмути, и Дар пошла за Нир-ят. Сестра Зна-ята вывела её из ханмути через одну из арочных дверей и провела по длинному коридору в небольшую пустую комнату. В комнате имелось одно окно, похожее на окна в ханмути, но поменьше.

— Мы будем делить с тобой эту комнату, — сказала Нир-ят.

Дар показалось, что сестра Зна-ята не очень этому рада.

— Тут так красиво, — сказала Дар, стараясь вести себя как можно более приветливо. Комната находилась далеко от очага, и здесь было прохладно, несмотря на струящийся в окно солнечный свет. У Дар возникло искушение прикрыть грудь одной из двух накидок. Но Нир-ят грудь не прикрывала, и Дар удержалась. Она продолжала хвалить комнату, — я никогда не видела такого пола, — сказала она, указывая на украшавшую каменный пол мозаику, с помощью которой здесь были обозначены «Объятия Мут ла», — словно ступаешь по цветам.

Дар подошла к окну, чтобы лучше его рассмотреть, и тут в комнату вошли двое сыновей. Один из них держал под мышкой деревянный сундук. Второй принес свернутый в рулон коврик и железный куб с дырчатыми стенками, металлическими ножками и деревянной ручкой наверху. Внутри куба краснели горячие угли. Дар догадалась, что это приспособление предназначено для обогрева комнаты.

— Мутури говорит, что вашавоки спят лежа, — сказала Нир-ят, — она велела изготовить для тебя то, что называется «постель». Я приду к ночи.

— Твоя мутури мудра и щедра, — сказала Дар.

— Быть может, теперь ты желаешь выкупаться?

Дар едва удержалась от улыбки. Намек Нир-ят был более чем прозрачен.

«Бедняжка, — подумала Дар, — ей предстоит спать в одной комнате с вонючей вашавоки».

— Хай. Мне бы очень этого хотелось.

Пока Дар купалась, Зор-ят вела разговор с сыном.

— Ты ушел, чтобы убивать вашавоки, — сказала она, — а теперь привел вашавоки в нашу палату. Почему?

Зна-ят был высокого роста, но под её взглядом, полным упрека, он чувствовал себя маленьким.

— Она здесь по воле Мут ла.

— По воле Мут ла! Что ты можешь знать о таких делах!

— Дважды я пытался убить Даргу. Однажды я столкнул её в реку и стал смотреть, как она тонет. Но дерево вытащило её из воды.

— Не всякое дерево — Мут ла.

— Я тоже так подумал, — ответил Зна-ят, — поэтому вновь пытался убить её. Но Даргу провидела мою гибель и не дала этому случиться. Она убила нескольких вашавоки, чтобы я мог остаться в живых.

— Он убил своих сородичей?

— Она, мутури. Мутури, прошу тебя, не говори про Даргу «он». Она укусила мою шею.
— Почему ты мне раньше не сказал об этом?
— Потому что я могу служить и ей, и тебе. Она нам не враг.
— Неужели ты ничего не узнал о вашавоки?
— Даргу другая. Мут ла посылает ей видения. Я думаю, Даргу была послана, чтобы помочь нам. Она уже успела провести сыновей через многие опасности и рисковала жизнью ради нас. И еще она говорила с Веласа-па и входила во тьму, чтобы принести весть для Мут-па.

При упоминании о Веласа-па Зор-ят изумленно раскрыла глаза, но успела быстро совладать с собой, не дав сыну заметить ее изумление.

— То что она принесла вести для Мут-па, ничего не значит. Тот клан потерян, таким он и останется.

— Из-за Даргу они стали жить по-новому, — возразил Зна-ят, — разве это не знак того, что Мут ла руководит Даргу?

— Ты говоришь о вещах, в которых ничего не понимаешь. Лучше молчи, чтобы от твоих глупых рассказов не случилось беды.

Зна-ят покорно склонил голову.

— Все, о чем ты говоришь, удивляет меня, — призналась Зор-ят, задумалась и только потом сказала сыну о своем решении, — возможно, ты повел себя мудро. Эта вашавоки укусила твою шею, поэтому я готова почтить твоё поклонение ей. Но я пока не знаю, какой чести достойна эта Даргу. Быть может, и никакой.

— Она достойна большой чести, — сказал Зна-ят.

Зор-ят растянула губы в улыбке.

— Ты стал дерзок, защищая ее, — сказала она и одарила сына понимающим взглядом, — ты уже что-то от меня скрываешь.

Зна-ят отвел глаза.

— Скоро я познакомлю Даргу с моей сестрой, — сказала Зор-ят, — потом мы решим судьбу этой вашавоки.

Понимая, что сделал для Дар все, что только мог, Зна-ят поклонился своей мутури и вышел из ханмути.

20

Дар молча смотрела в окно своей комнаты и гадала, каково будет её место в сообществе за стенами этой комнаты.

«Если мне суждено будет занять здесь какое-то место», — с тоской подумала она.

Дар знала только одно: тот, кто принимает решение, тянет время. Дар ждала уже два дня.

Нир-ят прервала раздумья Дар очередным вопросом:

— Как ты выучила речь матерей?

— Один сын обучил меня ей.

— Почему?

— Потому что я его об этом попросила.

— Но почему он согласился?

— Думаю, я показалась ему забавной, — ответила Дар и улыбнулась, — он говорил, что я свирепая.

Выражение лица Нир-ят немного изменилось.

— Кто был этот сын?

— Это был кто-то из другого клана, — сказала Дар, подозревая, что исходящий от нее запах выдает её чувства, — мы расстались.

Нир-ят не стала расспрашивать дальше, но Дар боялась, что и так уже наговорила слишком много.

— Что со мной будет? — спросила она.
— Я не знаю. Мут-ят решит.
— А ты не знаешь, когда это случится?
— Как только она будет готова. Пока я побуду с тобой.
«Чтобы выведать все, что только можно», — подумала Дар.

Она быстро догадалась, что Нир-ят приставлена к ней в качестве шпионки. Но вот только шпионка из Нир-ят получилась неумелая. Как большинство орков, которые встречались Дар, юная мать задавала вопросы прямо, без уверток, и Дар казалось, что Нир-ят не стала бы отрицать, что получает от нее ответы на все свои вопросы. Положение Дар осложнялось тем, что узнать что-либо сама она могла только от Нир-ят, потому что они жили отдельно от всех других. Обычно спальни примыкали к ханмути, и на трапезы собирались все вместе, но Дар и Нир-ят редко покидали свою комнату. Даже купаясь, они пользовались ванной, а не ходили к общему пруду.

Из разговоров с Нир-ят у Дар постепенно начала складываться картина жизни в палате клана Ят. По большей части все здесь протекало так же, как в любом другом оркском поселении. Главным отличием было то, что клан-ят являлся правящим. Матриархи других кланов встречались в палате этого клана, чтобы получить указы от королевы. Это по-прежнему происходило, хотя королева жила в Тайбене, где она поправлялась после загадочной болезни. Дар с удивлением узнала о том, что королева живет среди вашавоки. Хотя Ковок-ма и говорил Дар о том, что королева получает от людей «сильное целительное волшебство», Дар решила для себя, что речь идет не о длительном лечении, а о каком-то снадобье. С тех пор как королева оказалась в Тайбене, ее указы доставляли сыновья, служившие в оркских полках.

Дар удивило и то, что королева была родной сестрой Зор-ят и Мут-ят, верховной матери клана Ят. За время странствия у Дар сложилось такое впечатление, что в кланах орков самые высокое положение всегда занимают самые старшие по возрасту матери, поэтому она не ожидала, что кланом могут править матери средних лет. Нир-ят объяснила Дар, почему так бывает, но ее объяснения прозвучали не слишком вразумительно. Она говорила что-то насчет того, что именовалось Фатма, и Дар решила, что это что-то сродни божественной благодати.

У клана Ят были и другие палаты помимо той, в которой поселили Дар. Все восточные кланы были многочисленны и обитали на больших участках земли. Только «потерянный» клан Па довольствовался одной-единственной палатой. Нир-ят говорила о членах этого клана презрительно. Для нее они были чужаками, вся жизнь которых была связана с прошлым.

— Они до сих пор верят в пророчества Веласа-па, — сказала Нир-ят, — хотя ни одно из них никогда не сбывалось.

— Что это за пророчества? — спросила Дар.

Нир-ят смешливо зашипела.

— Предсказания, которые оказались неверными. Теперь их помнят только хранители знаний.

Дар продолжала оставаться в обществе Нир-ят и все больше убеждалась в том, что Мут-ят повидается с ней только тогда, когда решит, что достаточно узнала о своей гостье. Поэтому Дар отвечала на вопросы Нир-ят правдиво (пусть и не всегда до конца) и была готова поделиться с ней любыми сведениями. При этом она решила не рассказывать о своих чувствах к Ковоку и даже не упоминать о нем до тех пор, пока не узнает, как здесь могут отнестись к этим чувствам.

Со временем настороженность Нир-ят развеялась. Рассказы Дар о трудностях и опасностях проделанного пути зачаровывали юную мать, и она была готова без устали слушать о спасении своего брата. На четвертое утро Нир-ят бережно погладила шрам на лодыжке Дар, когда та в очередной раз пересказала ей подробности сражения с людьми, взявшими Зна-ята в плен. Голосом, полным искреннего сострадания, Нир-ят проговорила:

— Как только вашавоки смогли так обращаться с матерью?

В это мгновение Дар поняла, что завоевала сердце Нир-ят. Чуть позже Нир-ят ушла и не возвращалась до вечера.

Вскоре после этого Дар была призвана к Мут-ят. Верховная мать клана сидела в комнате, отличавшейся особым величием. Комната была круглая, как ханмути, но посередине находился не очаг, а каменное сиденье. У него не было ни спинки, ни подлокотников, но его размер и красота резьбы убедили Дар в том, что это не что иное, как трон. Через арочные окна, в которые были вставлены пластины песчаного льда, были видны горы.

Мут-ят сидела на табурете у подножия трона. Рядом с ней сидела Зор-ят. Дар сразу заметила, как похожи друг на друга эти две матери чертами лица и гордой осанкой. После того как сопровождавшая Дар Нир-ят вышла из комнаты, верховная мать склонила голову.

— Меня зовут Мут-ят.

Дар низко поклонилась ей.

— Меня зовут Даргу.

— Я знаю о твоих деяниях и о том, как вышло, что ты укусила шею сына моей сестры, — сказала Мут-ят, — теперь мы поговорим о более важных вещах.

И она начала задавать Дар вопросы. Нир-ят успела пересказать Мут-ят все, что узнала от Дар, поэтому вопросы верховной матери касались только особых случаев. Большая их часть относилась к четырем событиям: к сну Дар, в котором ей привиделся колдун, пытавшийся найти ее, спрятавшуюся под покровом листвы; к видению, в котором мать уркзиммути явилась ей около живой изгороди; к встрече с Веласа-па и к путешествию во тьму вместе с Мут-па. Верховная мать и ее сестра допрашивали Дар до захода солнца. В комнате стало темно. Наконец допрос завершился. Мут-ят хлопнула в ладоши. В комнату вошел один из сыновей.

— Мы закончили разговор с Даргу, — сказала Мут-ят, — отведи ее обратно в ее комнату.

Дар поклонилась и вышла, так толком и не узнав ничего о том, какая судьба ее ждет.

Как только Дар вышла, Зор-ят обратилась к своей сестре:

— Что ты думаешь?

— Вашавоки часто произносят слова, лишённые смысла, которые сами называют «ложью», — отозвалась Мут-ят, — но я не верю, что Даргу произносила такие слова.

— Ты уверена? — спросила Зор-ят, — как она могла встретиться с Веласа-па? Это похоже на ложь.

— Это слишком невероятно, чтобы быть ложью, а вашавоки мастера плести небылицы.

— Стало быть, если она встречалась с ним, означает ли это, что пророчество сбывается?

— Веласа-па говорил с Даргу о колдуне, а не о судьбе кланов, — возразила Мут-ят, — кроме того, до сих пор ни одно из его пророчеств не сбылось и вряд ли сбудется.

— Твои слова успокаивают меня. Но все же мне кажется, что Даргу что-то скрывает.

— Я согласна с тобой, — сказала Мут-ят, — и это что-то важное.

— Думаешь, это связано со смыслом ее видений?

— Тва. Она их не понимает, — ответила Мут-ят, — она даже не знает, что видела нашу королеву.

— Когда наша сестра спросила: «Где ты?», ты думаешь, она говорила о Даргу?

— Скорее всего. Иначе откуда бы у Даргу взялись видения, связанные с колдуном?

— Я понимаю, к чему ты клонишь, — сказала Зор-ят, — колдун удерживает нашу королеву, а Веласа-па сказал, что маг — враг Даргу.

— Хай, но Даргу ничего не поняла, — сказала Мут-ят, — она не знает, что колдун гадает на костях.

— Веласа-па сказал, что кости — самый страшный ее враг, — сказала Зор-ят.

— Думаю, он хотел этим сказать, что колдун может выследить Даргу с помощью гадальных костей.

— Выследить — но занятую чем?

— Пока не уверена, — призналась верховная мать, — уверена я только в одном: если колдун — враг Даргу, то она — наш друг. Думаю, Мут ла послала Даргу к нам, чтобы она стала нашим орудием. И мы должны пользоваться этим орудием бережно и осторожно.

— Ты что-то задумала?

— Пока нет. Мне нужно еще поразмыслить. Пока нужно принять Даргу с почестями и никуда ее не отпускать. Воспользоваться ею мы сможем лишь однажды. Когда Даргу вошла во тьму, она провидела свою смерть.

21

Дар узнала о решении Мут-ят на следующее утро, но ей не было сказано об этом прямо. В комнату вошла Зор-ят, растянув губы в улыбке.

— Даргу, — сказала она, — твоя комната наконец готова! Позволь, я покажу ее тебе, — зор-ят привела Дар в ханмути, — теперь, когда у нас трое не благословленных матерей, мне пришлось кое-что переделать, — сказала она и провела Дар в большую красивую соседнюю комнату. Там их уже ждала еще одна мать, — это Тир-ят, — представила ее Зор-ят, — младшая сестра Нир-ят. Тир-ят, это Даргу, которая укусила шею твоего брата.

Тир-ят учтиво поклонилась. Дар ответила поклоном на поклон.

Пришли двое сыновей и принесли вещи из прежней комнаты Дар. Как только они поставили на пол сундучок, Зор-ят открыла его. В нем лежал только кинжал. Старую человеческую одежду Дар выбросила.

— Так не пойдет! — воскликнула Зор-ят удивленно, — тебе нужно больше одежды, — она присмотрелась к одежде Дар так, словно впервые заметила ее, — не так плохо, но теперь у нас шьют по-другому. Я знаю мать, которая прекрасно шьет. Я пошлю за ней. Сегодня вечером ты должна быть подобающе одета.

Зор-ят проворно вышла из комнаты. Вошла Нир-ят.

— Это для нас? Комната с окном?

— Хай, — с улыбкой ответила Нир-ят, — мутури сказала, что это из-за Даргу.

Нир-ят улыбнулась.

— Шашав, Даргу.

У Дар стало легче на сердце. Ее поселили в комнате, примыкающей к ханмути. Это означало, что ее включили в повседневную жизнь клана. Особенно ей понравилось то, что сделанным Зор-ят выбором комнаты довольны Тир-ят и Нир-ят. Зор-ят неплохо разыграла сцену, но Дар подозревала, что сцена была именно сыграна. Скорее всего, Зор-ят ждала решения Мут-ят, а не окончания подготовки комнаты. В который раз Дар стала свидетельницей того, как орки извращают правду, и от этого ей было не по себе.

— Вечером будет пиршество, — сообщила Тир-ят, — мы отпразднуем возвращение Зна-ята и почтим деяния Даргу.

Как раз в это мгновение в комнату вошла седовласая мать. Она поклонилась Дар.

— Мать, — сказала она, — меня зовут Торма-ят. Зор-ят попросила меня приготовить для тебя одежду, — Торма-ят нахмурилась, — у тебя странное тело. Будет трудно.

Торма-ят попросила Дар раздеться, после чего обмерила ее с помощью шнурков разного цвета, на которых после снятия мерки завязывала узелки. Потом она раскрыла мешок, где лежало много кусков ткани, и спросила:

— Какая ткань тебе больше нравится?

Дар впервые слышала подобный вопрос. Прежде ее желания никогда не имели значения. Глубоко тронутая, Дар начала перебирать разноцветные ткани. Нир-ят заметила ее состояние.

— У тебя слезы на глазах. Тебе больно?

— Тва. Это значит, что я счастлива, — сказала Дар, — эти ткани такие красивые и тонкие.

— Буду рада, когда ты выберешь ту, которая тебе понравится больше всех, — сказала Торма-ят, — мне предстоит большая работа, а времени у меня мало.

Дар выбрала темно-синюю ткань для невы и небесно-голубую для кефс. После того как Торма-ят торопливо удалилась, Нир-ят предложила Дар показать ей палату клана. Дар с радостью согласилась. Палата оказалась местом, где бурлила жизнь. Она напоминала скорее небольшой город, чем отдельное жилище. Дар увидела огороженные сады, святилища, стойла, мастерские, общие бани, многочисленные ханмути и просторную кухню, где готовили для всех обитателей палаты.

Потом Нир-ят показала Дар ступенчатые поля на горных склонах. На многих из этих полей росли растения с мелкими желтыми цветами, покачивающиеся на ветру. Дар гадала, где прежде трудился Зна-ят, на каком из полей, огороженных невысокой стенкой, сложенной Лама-током и Дут-током. Вспомнив о своих спутниках, Дар затосковала по ним, ей захотелось с ними повидаться.

«В пути было проще и легче», — подумала она.

Она вспоминала о том, как засыпала на руках у Ковока, и представила себе это так живо, что почти ощутила его прикосновения. Дар прогнала воспоминания и вдруг заметила, что за ней наблюдает Нир-ят.

— О чем ты думала? — спросила юная мать с обычной прямоотой.

— Я думала о том, как красивы эти всходы.

Нир-ят недоуменно воззрилась на нее.

— Наверное, ты очень любишь цветы.

В дни пиршеств у орков не было дневной трапезы, поэтому к тому времени, как Дар выкупалась и облачилась в новые одежды, она успела сильно проголодаться. Кроме того, она очень волновалась. Пиршество должно было стать торжественным представлением Дар многочисленному семейству Зор-ят — трем поколениям орков, с которыми, по всей видимости, ей предстояло прожить до конца дней. Понимая, что от того, как ее примут, будет зависеть ее дальнейшая жизнь, Дар просто трепетала. Она начала ходить по комнате от стены к стене.

— Не бойся, Даргу, — успокоила ее Нир-ят, — мутури довольна тобой.

— И твоя одежда выглядит очень красиво, — добавила Тир-ят.

И вправду, Торма-ят за такое краткое время просто-таки совершила чудо. Новые кефс и нева превосходно сидели на Дар.

— Ты нрава, Тир-ят, — сказала Дар, — никогда еще у меня не было ничего настолько красивого.

Она взяла семя вашутхахи и стала жевать его, чтобы зубы успели подобающе почернеть.

Когда солнце начало клониться к закату, сыновья принесли еду из главной кухни. Они поставили котел на очаг и расставили вокруг него блюда с разными яствами. Ханмути наполнилась аппетитными ароматами. Сыновья и матери из семейства Зор-ят собрались на пир. Зор-ят села на табурет, все остальные уселись на подушки. Нир-ят, Тир-ят и Дар сели справа от старшей матери. Муж Зор-ят, Дна-ток, сел слева, рядом со Зна-ятом, единственным неблагословленным сыном. Три благословленные дочери Зор-ят со своими мужьями и детьми завершили круг около очага. Дар оказалась в обществе двадцати трех орков.

Зор-ят встала.

— Давным-давно в этом кругу пустовало одно место. Давным-давно я решила, что Зна-ят воссоединился с Мут ла. Но вот он, он сидит здесь, пройдя через многие испытания и беды. Он вернулся и принес рассказы о матери, спасшей его. Эта мать — Даргу, — зор-ят поклонилась Даргу, — шашав, Даргу, — поблагодарила она ее.

После того как Зор-ят ответила поклоном на ее поклон. Зор-ят продолжила:

— Все, кто живет на свете, — дети Мут ла. Не забывайте об этом, глядя на Даргу. Я

вижу в ней ту, которую ведет Мут ла. Она заслуживает нашего почтения и дружбы. Поприветствуйте ее вместе со мной.

Все, кто собрался в ханмути, склонили головы перед Дар.

— Добро пожаловать, Даргу, — сказала Зор-ят.

Дар поклонилась.

— Шашав.

Зор-ят подошла к котлу и нараспев произнесла слова, которыми принято было благословлять любую трапезу:

— Пища — дар Мут ла.

— Шашав, Мут ла, — эхом отозвались все остальные.

Младшие сыновья быстро раздали всем металлические тарелки и небольшие деревянные чашки. Затем Зор-ят сама подала всем густую похлебку. За ней по кругу шли взрослые матери, подавая другие блюда и наливая в чашки травяной настой. Дар предложили присоединиться к этим матерям. После того как еда была подана всем, началось пиршество.

В комнате стало тихо. Все с аппетитом поглощали еду, которая, на взгляд Дар, была лучше той, что готовили для короля Креганта. Для каждого блюда большое значение имел запах, и вся пища была приготовлена с приправами. Ароматы были тонкими, но вряд ли они такими казались оркам с их обостренным обонянием. Дар была в восторге от вкуса и запаха блюд, ей нравились все угощения.

Когда все утолили голод и стали есть медленнее, Зна-ят стал рассказывать о своем спасении. Рассказчик он был умелый, и вскоре все замерли, слушая его. После того как Зна-ят завершил свой рассказ, Зор-ят внесла большой серебряный сосуд. Внутри его находился напиток, предназначенный только для взрослых орков. Передавая сосуд друг другу, орки отпивали сразу помногу. Когда сосуд передали Дар, она последовала общему примеру. Темная жидкость обладала пряной сладостью семян вашутхахи и согрела желудок Дар, как бренди.

Когда сосуд дошел до Дар во второй раз, она уже успела ощутить действие напитка. Все ее чувства приятно обострились, она расслабилась, у нее стало легко и радостно на сердце. Когда она в третий раз испила из серебряного сосуда, все вокруг нее словно бы закружилось, заплесало, голоса слились в беспорядочную музыку. В этом состоянии полного блаженства Дар не заметила, что на орков напиток такого сильного действия не оказывает. Улыбаясь, Нир-ят положила руку на плечо Дар.

— Даргу, — сказала она, слегка растягивая слова, — я должна что-то сказать тебе.

— Что?

— Даргу, я вела себя так же, как мой брат. Сначала ты мне не нравилась. Но теперь... Теперь я так рада, что ты здесь.

Тир-ят мелодично произнесла:

— Даргу, ты не... — она взорвалась в припадке оркского смеха — судорожно зашипела, — Даргу, ты не вашавоки. У тебя зубы красивые.

— Хай, — сказала Дар, обнажив зубы в усмешке, — и моя новая одежда тоже красивая. Жаль, что ее не видит Ковок-ма.

— Сын брата нашей мутури? — спросила Нир-ят.

— Хай, — подтвердила Дар, утратив осторожность, — он тоже говорил, что у меня красивые зубы, — она добавила: — И еще ему нравилось, как от меня пахнет.

— Это он научил тебя говорить по-нашему? — спросила Нир-ят.

— Хай, — ответила Дар, — я так по нему скучаю.

Нир-ят наклонилась близко к Дар и принялась.

— Верно, — сказала она, — я это чувствую.

На следующее утро Дар проснулась с сильной головной болью. Она не помнила о том, что проговорила насчет Ковока, зато это хорошо помнила Нир-ят. Нир-ят молчала об этом, поскольку посчитала, что чувства Дар понятны, но ей сильно не повезло. Она не могла представить, что Ковок-ма мог бы ответить на страсть Дар. Дар простонала:

— О, моя голова...

— Вчера ты выпила слишком много фалфхисси, — объяснила Нир-ят.

Это слово означало «смеющаяся вода», хотя Дар было вовсе не до смеха. Она снова застонала.

— Тебе поможет холодная ванна, — сказала Нир-ят, — а потом пора работать.

Дар ожидала, что ей придется трудиться, но она не думала, что к работе ее привлекут так скоро. По пути в баню она узнала, что ее определили в повариhi. Все матери приобретали какие-то навыки, и Зор-ят решила, что Дар следует обучить приготовлению пищи. Дар подумала о том, что это не самый лучший выбор. Обоняние у Дар не такое острое, как у орков, а ведь именно обоняние чрезвычайно важно для приготовления еды с большим количеством специй. Тем не менее решения старшей матери в ханмути почти никогда не обсуждались, и Дар догадывалась, что для нее это вообще невозможно. Если Зор-ят пожелала сделать из нее повариxу, значит, ей предстоит выучиться готовить.

Нир-ят оставила Дар на попечение пышнотелой матери по имени Гар-ят.

— Стало быть, Зор-ят хочет, чтобы ты готовила еду, — сказала Гар-ят, не скрывая своих сомнений, и принялась, — от тебя пахнет фалфхисси.

— Вчера вечером было пиршество.

— Знаю, — сказала Гар-ят, — я помогала готовить угощения, — она дала Дар несколько зерен вашутхахи, — это поможет от головной боли. Пока боль не пройдет, можешь заняться чисткой паши.

Гар-ят подвела Дар к ведру, наполненному клубнями паши. По пути она взяла со стола нож. На скамье рядом с ведром сидел сын. Он очищал клубни от кожицы и бросал их в большую миску.

— Татуг-хак, — сказала Гар-ят, — это Даргу, мать-вашавоки из ханмути Зор-ят. Сегодня она будет чистить паши.

Татуг-хак учтиво поклонился, но ничего не сказал. Дар села рядом с ним и принялась за работу. Очищая паши, она стала размышлять над тем, какими словами ее представила Гар-ят. Слово «вашавоки» означало, что она здесь чужая. Слово «мать» означало, что ей выказывается должное уважение. Дар не совсем понимала, что значит «мать-вашавоки из ханмути Зор-ят», но она догадывалась, что эти слова означают что-то весьма определенное. Похоже, в палате все знали о Дар, и она подозревала, что это заслуга Зор-ят. Та выбрала для нее занятие, не предупредив ее об этом заранее.

«Она моя защитница или я ее пленница? Что у нее на уме для меня?» — гадала Дар.

Она вспоминала о том, как Зна-ят сказал ей, что матери из клана Ят необычайно мудры и прозорливы. Теперь она убедилась в том, что он прав. Дар уже чувствовала себя окутанной невидимой паутиной. Казалось, ее незаметно и ловко пленили ради какой-то неведомой цели.

Дар продолжала каждый день работать на кухне. Гар-ят усердно обучала ее. Это было не так просто, и, хотя слабое обоняние Дар делало ее не самой способной ученицей, Гар-ят не отступалась. Дар было интересно осваивать науку приготовления пищи, но слабые успехи ее удручали. Порой она готовила блюда, которые ей казались вкусными, но Гар-ят их называла несъедобными. Тем не менее Дар упорно трудилась и пыталась придумать, как использовать специи так, чтобы это зависело от их количества, а не от запаха и вкуса.

Она ела в ханмути, где на трапезу часто являлись гости. Неблагословленные сыновья и матери нередко отправлялись в другие палаты, исполняя ритуал ухаживания. Поскольку Дар ела вместе с Нир-ят и Тир-ят, она познакомилась со всеми сыновьями, делившими с ними трапезы. Через три недели после того, как Дар пришла в палату клана Ят, на дневной трапезе

рядом с ней сел один из сыновей. Нир-ят представила его:

— Даргу, это Катог-ма.

После того как Дар ответила на его поклон, Катог-ма спросил:

— Ты та самая вашавоки, которая странствовала с моим двоюродным братом?

— А кто твой двоюродный брат? — спросила Дар, сделав вид, что не догадывается, о ком идет речь.

— Ковок-ма.

— Хай. Мы путешествовали вместе, — сказала Дар, стараясь говорить как можно более спокойно и равнодушно, — как он поживает?

— Он стал странным. Живет на козьем выпасе.

— Путешествие было нелегким, — сказала Дар, — быть может, из-за этого он и ведет себя странно.

— Даргу тоже стала странной, — заметила Нир-ят, бросив на Дар многозначительный взгляд.

Катог-ма смешливо зашипел.

— Но Даргу — вашавоки, а вашавоки все странные.

— А вот я не пожелала бы жить рядом с вонючими козами, — сказала Тир-ят и неприязненно поежилась.

— Ковок-ма говорит, что ему нравится, как они пахнут, — сказал Катог-ма.

Дар не поняла почему, но эти слова Катоба вызвали у Нир-ят приступ шипящего хохота.

На следующий день после полудня Дар разыскала Зна-ята. Он пропалывал всходы на поле. Увидев Дар, он отложил мотыгу и поклонился ей.

— Тава, Даргу. Я удивлен, видя тебя.

— Ты знаешь, что Ковок-ма возвратился домой?

— Хай. Катог-ма сказал мне.

— Он все делает, как мы задумали, — сказала Дар, — он не живет в палате своей мутури.

— Я слышал, что так и есть.

— Зна-ят, я хочу повидаться с ним.

— Прошу, прости меня, Даргу, — сказал Зна-ят, — не дело мне говорить так, но сердце подсказывает, что сказать нужно. Слишком рано видеться с Ковоком.

— Ты не понимаешь! Мне нужно с ним повидаться!

— Я понимаю, но думаю, что тебе следует подождать.

— Я укусила твою шею!

Зна-ят низко поклонился.

— И я буду повиноваться тебе, — он вздохнул, — до палаты клана Ма два дня пути. Мы можем выйти завтра, если таково твое желание.

— Именно таково, — подтвердила Дар, уже взволнованная мыслями о предстоящем походе, — но что мне сказать Зор-ят?

— Что мы идем навестить Ковока.

Дар не хотелось этого делать, но она понимала, что лгать глупо. Ложь была присуща вашавоки. На миг у нее мелькнула мысль о том, что визит в клан Ма стоит отложить до лучших времен — или лучше признаться Зор-ят в том, какие чувства она питает к Ковоку, но Дар отказалась и от того и от другого.

— Мы придем туда ненадолго, — сказала она, — к тому же неблагословленные матери часто путешествуют.

— Хай. Чтобы навестить родню или найти мужа.

— Зор-ят знает, что я странствовала вместе с Ковоком. Ей не покажется странным то, что я хочу повидать его.

— Возможно, — сказал Зна-ят.

— Я поговорю с ней нынче вечером, — сказала Дар.

Еще немного поговорив со Зна-ятом, Дар ушла, охваченная радостным волнением. Вернувшись в кухню, она встретила там Гар-ят.

— Верховная мать хочет видеть тебя, — сказала повариха, — она ждет тебя в Большом зале.

Дар отправилась в Большой зал. Мут-ят сидела на табурете у подножия трона. Дар не успела поклониться ей, а Мут-ят уже встала.

— Даргу, пройдемся со мной, — сказала Мут-ят.

Дар молча пошла за Мут-ят по многочисленным комнатам и коридорам. Наконец они вышли в заброшенный внутренний двор. Посреди двора возвышался невысокий каменный купол. Таких древних камней Дар еще не видела нигде в палате. Мут-ят пробралась к куполу через заросли высоких сорняков и открыла разошедшуюся, потрескавшуюся дверь. Она велела Дар спуститься по короткой лестнице, затем закрыла дверь и последовала за девушкой. Дар обвела взглядом комнату, свет в которую проникал только через отверстие в сводчатом потолке. Пол был усыпан сухими листьями, посередине лежал большой круглый камень. Мут-ят уселась на него.

— Сядь рядом со мной, — сказала она.

Дар повиновалась.

— Это священное место, — сказала Мут-ят, — здесь к уркзиммути вернулся дух Фатма.

— Я не слышала такого предания, — призналась Дар.

— И теперь не услышишь. Я не затем тебя сюда привела. Тут велика сила Мут ла. Ты чувствуешь ее присутствие?

— Думаю, да.

— Мы с тобой похожи. Мы обе матери. У нас обеих бывают видения, — Мут-ят помедлила, — у меня было видение, касающееся тебя.

Дар испугалась, что открылись ее чувства к Ковоку. Она взволнованно спросила:

— Ты расскажешь о нем?

— Ты явилась передо мной и спросила: «Почему я не рождена?» Смысл этого видения я познала, сверившись с древними писаниями.

— Ты скажешь мне, в чем смысл этого видения?

— Когда ваш род впервые возник перед нами, мы называли их уркзимди — «вторые сыновья» — и приветствовали, как младших братьев и сестер. Некоторые жили вместе с нами, и у них дух был отчасти как у уркзимди, а отчасти — как у уркзиммути. Одним из них был Веласа-па. Даргу, я думаю, что у тебя, как и у него, смешанный дух.

— В сердце у меня все перемешалось, — призналась Дар.

— Тебе по нраву та часть, которая принадлежит вашавоки? — спросила Мут-ят.

— Тва.

— В этом ты тоже похожа на Веласа-па. Вот почему он переродился.

— Я не понимаю, как может случиться перерождение, — проговорила Дар.

— Когда ты была младенцем, твое тело было иным, но все же ты была Даргу. Если ты потеряешь руку или ногу, твое тело станет иным, но ты останешься Даргу. Когда ты умрешь, твой дух покинет тело. Тело на вид не изменится, но оно уже не будет Даргу. Дух, а не тело служит вместилищем твоей сути. С помощью волшебства Веласа-па изгнал из себя дух вашавоки, чтобы остался только дух уркзиммути. Другие тоже проходили через этот ритуал. Я познала это древнее волшебство. Вашавоки со смешанным духом может переродиться.

От этой неожиданной новости у Дар замерло сердце.

— Значит, я могу стать уркзиммути?

— Хай, — ответила Мут-ят, — если подвергнешься этому волшебству.

— И я стану выглядеть как уркзиммути?

— Ты останешься уродливой, но ты получишь татуировку клана Ят, чтобы все знали о том, что ты перерожденная.

— Если так, то я очень хочу переродиться.

— Я должна тебя предупредить. Это волшебство очень тяжело пережить. Родиться — это всегда нелегко.

— Я привыкла к трудностям.

— Кроме того, это опасно, — сказала Мут-ят, — не все младенцы выживают.

— Если бы Мут ла хотела, чтобы я умерла, я бы уже была мертва.

— Что ж, если ты готова подвергнуться этому волшебству, я помогу тебе. И Зор-ят тоже.

— Веласа-па сказал, чтобы я слушала свое сердце, — сказала Дар, — я так и сделаю. Я готова переродиться.

— Значит, так тому и быть, — сказала Мут-ят, — ни с кем не говори об этом. Ничего не ешь. Приходи сюда ночью, как только взойдет луна. Ничего не надевай на себя. И тогда это начнется.

— Это все? — спросила Дар.

— Это все, что тебе пока можно знать. А теперь ты должна уйти.

Мут-ят осталась сидеть на камне. Дар ушла и отправилась к Зна-яту, чтобы сказать ему о том, что она передумала и не пойдет к Ковоку. Дар не стала объяснять почему, а Зна-ят не стал спрашивать. Потом она бродила между ступенчатыми полями, охваченная сильнейшим волнением. Мир был полон обещаний. Дар казалось, что она наконец поняла, в чем состоит смысл всего выпавшего на ее долю. Впервые за все время цели, преследуемые Мут ла, и собственная цель Дар гармонично слились воедино.

23

Дар не вернулась в ханмути. Когда начало смеркаться, она возвратилась в заросший двор, чтобы там дожидаться ночи и восхода луны. Двор напомнил ей о Таратанке. Его, как и покинутый город, постепенно завоевывала природа. Цветы пышных растений наполняли воздух благоуханием. Дар показалось, что в какое-то мгновение с этим ароматом слился ее атур.

Небо потемнело. Появились звезды. Дар ждала. Наконец над горизонтом поднялась луна. Дар пробралась к двери, ведущей внутрь каменного купола, разделась и спустилась вниз по ступеням. В круглой комнате царил почти непроницаемый мрак, но после того, как глаза Дар привыкли к темноте, она смогла видеть. После того как она побывала здесь с Мут-ят, в комнате кое-что изменилось. С пола исчезли опавшие листья, круглый камень был отодвинут в сторону. Оказалось, что он закрывал круглое отверстие в полу — достаточно широкое, чтобы Дар могла туда провалиться, и до краев заполненное водой. В темноте Дар не могла понять — то ли это неглубокая впадина, то ли целый колодец.

Дверь захлопнулась. Комната погрузилась почти в полную тьму. Дар услышала звук задвигаемого засова.

— Тава! — крикнула она, — кто здесь?

Безмолвие. Дар ждала, что кто-то объяснит ей, что происходит. Сверху донесся едва слышимый шелест. Дар запрокинула голову. Сквозь отверстие в куполе был виден клочок сине-черного неба. На глазах у Дар этот клочок исчез. Она осталась одна в непроницаемом мраке.

Дар старалась сохранять спокойствие, но положение, в котором она оказалась, пугало ее. Она понимала, что перерождение будет мучительным, но ожидала, что ей расскажут, что именно с ней произойдет, с чем предстоит столкнуться. Загадочность грядущего пугала ее сильнее, чем темнота. Она не могла удержаться от безумных объяснений происходящего.

«Знает ли хоть кто-нибудь, что я здесь, кроме Мут-ят?» — в страхе гадала Дар.

Насколько она понимала, ее заперли, замуровали под каменным куполом.

— Тва, — произнесла она вслух, — это волшебство, а не убийство.

И все же у нее остались сомнения.

Дар легла на каменный пол и попыталась расслабиться, но не смогла, потому что

лежать на камнях было неудобно. Она села и стала думать о Ковоке. Она представляла себе, как он себя поведет, узнав о ее перерождении, и погрузилась в приятные мечтания. Ее мысли начали блуждать. Дар заново переживала свое прошлое и воображала будущее. Ее голова упала на грудь, она сама не заметила, как заснула. Потом проснулась и стала ждать, когда же хоть что-нибудь произойдет. Но ничего не происходило.

Дар захотелось справить нужду, но она думала о том, что заниматься подобным в священном месте негоже.

— Надо подождать, — сказала она вслух, гадая: «Но сколько мне придется ждать?»

Она и так уже не знала, сколько времени провела здесь, в полной темноте. Через некоторое время терпеть уже не было сил. Дар стала на четвереньках передвигаться по каменному полу и ощупывать его. Вскоре она обнаружила дырочку в полу около стены, размером с ладонь с расставленными пальцами. Ощупав отверстие, Дар решила, что оно сгодится в качестве уборной. Потом она стала гадать, для этого ли на самом деле предназначено отверстие. Если так, то это могло означать, что в темной комнате ее могли продержат сколь угодно долго.

Потом Дар захотелось пить. Она снова стала ощупывать пол и наконец нашла колодец посередине комнаты. Дар наклонилась, и ее губы коснулись воды. Вода припахивала землей. Дар сделала только один глоток и больше пить не стала. Колодец напугал ее. Он был невидим. Кроме того, он мог быть глубоким. Дар представила себе, как падает в этот колодец и тонет.

— Но как это может случиться? — проговорила она, и разум с готовностью подсказал ей ответ: «Потеряю рассудок и споткнусь в темноте».

Это показалось ей не таким уж невозможным. Дар поползла на четвереньках подальше от колодца. Наконец она наткнулась на стену, села и судорожно прижалась к ней.

Время шло. Дар засыпала и просыпалась, пила из колодца и пользовалась отверстием у стены. Она проголодалась. Вскоре голод стал поистине мучительным. Очень долго — быть может, несколько дней — она не могла думать ни о чем, кроме еды. Потом голод отступил — и Дар стала забывать о своем опустошенном теле. Оно стало невидимым.

В непроницаемой тьме время утратило свое значение. Сны и мысли при пробуждении стали неотличимы друг от друга. Дар уже верила в то, что ступила на Темную тропу, что ее дух возвращается к Карм или к Мут ла — к кому из них двоих, она не могла понять. Потом она то дрожала от холода, то пылала от жара. Наконец Дар без сил опустилась на каменный пол и слилась воедино с крошечным мраком.

Огонек был совсем крошечный, но Дар он показался невероятно ярким. Она смотрела на него, не испытывая никаких чувств, в том числе и страха. Огонек просто был. Звучали какие-то голоса, но слов Дар не разбирала. Чьи-то руки приподняли ее, и она встала на колени. Кто-то поднес чашу к ее губам и наклонил так, что в ее рот полилась белая сладковатая жидкость. Дар сделала несколько глотков. Остальное пролилось на подбородок и грудь. Дар отпила еще. В голове немного просветлело, но если бы ее отпустили, она бы рухнула на пол.

Крошечный огонек переместился в сторону, появилось еще несколько огоньков. Тьма еще более развеялась, и Дар увидела, что комната наполнилась матерями. Они что-то говорили нараспев, но Дар была слишком сонная, слов песнопения она не понимала. Одна из матерей шагнула к отверстию в полу, подняла подол невы и села на корточки. Вторая мать провела лезвием ножа по бедрам присевшей матери. Появились темные линии выступившей крови. В полутьме они казались черными. В воду полилась кровь.

Дар подняли на ноги. Ее ступни прикоснулись к окровавленной воде. Затем ее медленно опустили в эту воду. Дар не шевелилась и молчала. Она безвольно смотрела на то, как вода поднималась и растеклась по каменному полу. Когда вода оказалась на уровне талии Дар, она встретила взглядом с матерью, сидевшей на корточках. Ее лицо показалось Дар знакомым. Но вот руки той матери, что поддерживала Дар, разжались, и она погрузилась в

воду.

Вода была теплой, как кровь. Слишком слабая для того, чтобы сопротивляться, Дар начала тонуть — бесконечно, непрерывно. Она запрокинула голову, посмотрела вверх. Маленькие огоньки удалялись. Кровь окрасила их в алый цвет. Стало больно в груди. Дар сделала вдох. Вода заполнила ее и растворила.

Дар почувствовала, что ее кто-то держит. Она открыла глаза и увидела Зор-ят. Место крошечных огоньков заняли факелы, комната ярко осветилась. Дар и Зор-ят окружили матери, они стирали с тела Дар розоватую жидкость, а Зор-ят нежно покачивала ее, как малого ребенка.

— Ее глаза открыты, — сообщила Зор-ят остальным матерям, — Даргу-ят, — проворковала она, — я — твоя мутури.

Принесли большой кусок белого полотна. Зор-ят обернула Дар этой тканью и встала, без усилий держа Дар на руках.

— Это мое дитя, — громко возвестила Зор-ят, — скажите всему клану о том, что родилась новая мать. Ее имя — Даргу-ят.

Затем Зор-ят понесла Дар дальше по коридору, а остальные матери последовали за ней, вознося хвалу Мут ла. Дар плакала, как ребенок, но плакала она от радости.

Дар провела три дня в спальне Зор-ят. Постепенно к ней возвращались силы. Ее мутури кормила ее молоком и одела в новые одежды. В эти первые дни сюда заходили только самые близкие родственники. Они приветствовали Дар как новорожденную, произносили свои имена, а Дар называли «младшей сестрой». Потом весь клан выразил ей свое почтение. Каждый посетитель подробно описывал родственную связь между ними. Зачастую звучали слова, каких Дар прежде не слышала. После того как посетители уходили, Зор-ят объясняла Дар значение незнакомых слов, но Дар сомневалась, что когда-нибудь поймет их точный смысл.

Волшебство не изменило тела Дар. Она не стала выглядеть иначе. Ее зрение и обоняние не стали острее. Однако она была уверена в том, что превратилась в уркзиммути, потому что обращались с ней именно так. В этом смысле сила волшебства все переменяла. Когда Дар вернулась в свою комнату, Нир-ят и Тир-ят стали ее старшими сестрами. Они теперь говорили с ней не таким почтением, но с большей любовью, и никакие разговоры уже не казались слишком личными.

— Ничего себе новорожденная, — с улыбкой сказала Тир-ят, — с такими грудями у тебя крови начнутся еще до следующей луны.

— Повезло тебе, — блаженно вздохнула Тир-ят, — мне было четырнадцать зим, и только тогда я получила дар Мут ла.

Дар, которая никогда не считала месячные даром, была озадачена.

— Почему мне повезло?

— Ты станешь взрослой, — ответила Нир-ят.

— И получишь татуировку.

— Это будет больно? — спросила Дар.

— Мутури говорит, что не больше родов, — ответила Нир-ят.

— Но и не лучше, — сказала Тир-ят, — о-о-о-й! Каку меня лицо распухло!

Нир-ят весело зашипела.

— Она была похожа на большую ягоду.

— Зато теперь я сладкая и сочная, — сказала Тир-ят.

— Только в своих мечтах, — фыркнула Нир-ят, — ни один из сыновей пока не дарил тебе любовь.

— Это ты так думаешь, — дерзко проговорила Тир-ят, — а ты помнишь, как мы весной ходили в гости к брату мутури?

— Хай, — ответила Нир-ят, — и я видела, как ты удалилась с тем сыном. Но потом я

совсем не чуяла атура.

— Он мне не понравился, — буркнула Тир-ят.

— Значит, никакого дарения любви не было, — заключила Нир-ят и посмотрела на Дар, — не бойся, Даргу. Этот сын был не Ковок-ма.

— Почему ты говоришь о нашем двоюродном брате? — осведомилась Тир-ят.

— Расскажите мне побольше о татуировках, — поспешно сменила тему Дар, протянула руку и прикоснулась к подбородку Нир-ят.

Черные линии орнамента на ощупь были слегка выпуклыми. Каждый клан имел свою, особенную татуировку, которую сыновья и матери получали, достигнув зрелости.

— После того как ты получишь дар, мутури отведет тебя к лататх, — сказала Нир-ят, — лататх нанесет тебе знак клана. Это занимает целый день. Ты должна показать свою крепость и терпение. Лежи тихо и не кричи.

— Лататх зовут Жвар-ят, — добавила Тир-ят, — она очень умелая.

Дар стала более внимательно разглядывать орнамент на подбородках своих сестер и залюбовалась искусством Жвар-ят. Татуировки представляли собой сочетание завитков, уходящих вниз от прямой линии, идущей вдоль нижней губы. Орнамент напоминал водопад. Несмотря на сложность рисунка, обе татуировки выглядели совершенно одинаково.

Дар получила клановую татуировку через неделю после своего перерождения. Отчасти это являлось ритуалом, в котором приняли участие Мут-ят, Зор-ят и члены ее семейства. Они распевали молитвы, прося Мут ла о долгой и счастливой жизни для Дар. Дар лежала под открытым небом на деревянной скамье, а Жвар-ят наносила символ клана Ят на ее подбородок с помощью шипов какого-то колючего растения. Шипы она окунала в густую черную краску. Она нанесла не меньше тысячи уколов в нижнюю губу и подбородок Дар, и каждый раз было очень больно. К закату нижнюю часть лица у Дар словно бы жгли огнем.

Вечером Дар была вынуждена есть жидкую кашу, всасывая ее через трубочку. Лицо у нее слишком сильно распухло, жевать она бы не смогла при всем желании. Потом она лежала в темноте и не могла заснуть. Нир-ят пыталась утешить ее.

— Ты будешь радоваться тому, что носишь этот знак, — прошептала она, — когда увидишься со своим велазулом.

— Нзззню, — пробормотала Дар.

— Я знаю, каковы твои чувства. Мы навестим его.

— Ккккго?

— Скоро поговорим.

24

Когда с лица Дар сошла припухлость, ей захотелось взглянуть на себя. Орки не пользовались зеркалами, поэтому Дар пришлось искать какой-нибудь широкий неглубокий сосуд с водой, чтобы увидеть в ней свое отражение. Она нашла чашу из темного базальта. Дар наклонилась над чашей. Увиденное потрясло ее.

На нее смотрело уродливое лицо. Черты не обладали привычным равновесием — лоб выглядел слишком нежным и маленьким, переносица не была тонкой, подбородок был слишком округлым. Хуже всего выглядели карие глаза, они напоминали крысиные. Дар прижала руку к щеке, чтобы убедиться, что странное существо, отражающееся в воде, — это и есть она. Оказалось — действительно она. Только черные зубы и выглядели как надо, и их красоту подчеркивала чудесная татуировка. Дар провела кончиками пальцев по линиям орнамента, представляя, что это делает Ковок-ма.

«Он любит меня, как бы я ни выглядела».

Как бы то ни было, украшенное татуировкой лицо Дар очень понравилось.

— Так я и думала, что найду тебя здесь, — прозвучал чей-то голос.

Дар обернулась и увидела Нир-ят.

— Я часто сюда приходила после того, как мне сделали татуировку, — сказала Нир-ят,

принюхалась и улыбнулась, — ты думаешь о своем велазуле?

Первым порывом Дар было отрицать, что у нее есть возлюбленный, но она сдержалась и спросила:

— Откуда ты знаешь?

— У меня есть нос. И потом — ты сама мне сказала.

— Я сказала?

— Фалфхисси развязывает язык, — объяснила Нир-ят.

— Значит, и мутури тоже знает?

— Я в этом сомневаюсь, младшая сестренка.

— Надо мне с ней поговорить, — сказала Дар, — я хочу стать благословленной.

— Ты торопишься. Ковок-ма — твой первый велазул?

Дар вспомнила о своих горских ухажерах. Ни одного из них она не назвала бы возлюбленным. Единственным мужчиной, который целовал ее, был Севрен, и было это всего один раз.

— Хай, — сказала она, — ковок-ма — первый.

— Он дарил тебе любовь?

— Хай.

— Это не причина думать о благословении, — сказала Нир-ят, — не говори пока с мутури. Лучше повидайся с Ковоком. Я часто бываю в их палате. Возьму тебя с собой.

— Когда?

— Как только пожелаешь.

— Завтра?

Нир-ят насмешливо зашипела.

— Да тебе и вправду невтерпеж!

На следующий день Дар и Нир-ят отправились в гости в палату клана Ма. Подобные визиты происходили часто, и никто не удивился, когда Нир-ят сообщила, что берет с собой новую младшую сестру. Захватив кое-что из одежды на смену и немного еды, сестры тронулись в путь с утра.

По пути Нир-ят обрушила на Дар просто-таки лавину сплетен и слухов. Дар узнала о таинственной болезни королевы, которую в силах исцелить только колдун-вашавоки, и о том, как весь клан страдает из-за отсутствия королевы. Она узнала о том, почему королева поддержала свою старшую сестру, когда проходили выборы верховной матери клана. Нир-ят поведала ей, кто жует слишком много вашутхахи; кто счастлив в супружестве, а кто нет; кто из сыновей отправился на войну во имя королевы и какие сыновья погибли на войне; кто кому дарит любовь; кого почитают, а кого презирают. Дар выслушала историю Харц-ят — матери, ставшей твадой и уже пятьдесят зим живущей в полном одиночестве. Дар узнала о том, что Жвар-ят достигла такого умения в нанесении татуировок, потому что упражнялась на поросятах, усыпленных с помощью фалфхисси. Еще Нир-ят рассказала ей о том, что когда Гар-ят отказалась благословить велазулу своего сына, тот поступил на службу в оркский полк и погиб в бою.

Нир-ят не только сплетничала. Порой она говорила с Дар как старшая сестра.

— Ковок-ма — твой первый велазул, — сказала она, — слишком рано пока думать о благословении.

— Только Ковок-ма будет так заботиться обо мне, — возразила Дар, — без него я останусь совсем одна.

— Тебе не надо знать будущее.

— Я знаю, что без него мое сердце опустеет.

— Ну так будь ему рада, но к его мутури не ходи.

— Но...

— Так ты сможешь с ним видаться. Но как только дело дойдет до Кат-ма, она положит конец вашим встречам.

— Почему она запретит нам встречаться?

Ведь я теперь уркзиммути.

— Мутури желают иметь внучек, — ответила Нир-ят.

Дар изменилась в лице.

— Я об этом не подумала.

— Возможно, тут ничего сложного нет, — сказала Нир-ят, — просто я ничего не знаю про волшебство. Может быть, если ты переродилась, вы сможете иметь детей.

Дар в этом сомневалась. На самом деле мысль о возможной беременности ее испугала.

— Не грусти, Даргу. Пока не дойдет до серьезного, мутури смотрят в разные стороны. Пока цветут цветы, не думай о зиме.

Дар решила последовать совету сестры, и это у нее довольно легко получилось, поскольку идти вперед было приятно. Дорога вилась между зелеными горами, вершины которых были покрыты багряными и золотыми красками осени. Было так хорошо дышать чистым горным воздухом. Дар и Нир-ят проделали большой путь, прежде чем остановились на ночлег в палате дальней родственницы. Она слышала о перерождении Дар и была рада познакомиться с ней. Вечером Дар поведала обитателям палаты свою историю. Все слушали как зачарованные. Дар очень помогало то, что теперь все принимали ее как равную.

Во второй половине следующего дня Дар и Нир-ят ступили на земли клана Ма. Владения клана занимали южный склон горы, увенчанной несколькими грядами холмов. Вершины холмов занимали ступенчатые поля, ниже паслись овцы и козы.

— Слушай, — сказала Нир-ят, когда они подошли к подножию горы, — слышишь, колокольчики звучат по-разному?

Дар прислушалась.

— Кажется, да.

— У каждого стада — свой звук, — Нир-ят старательно прислушалась, — это колокольчики моего двоюродного брата Ковока, — она указала на низину в левой стороне, — сегодня он пасет своих коз вон там.

Дар поспешила в ту сторону.

— Пойдем скорее!

Нир-ят с усмешкой устремилась за Дар, с трудом поспевая за ней. Склон был крутым, вскоре Дар пришлось замедлить шаг.

— Тут место только для коз, — запыхавшись, проговорила она.

— И для сыновей, которые их пасут, — добавила Нир-ят, обвела взглядом травянистую ложину и что-то заметила, — спрячься, Даргу! — шепнула она, — быстрее! — После того как Дар спряталась за кустом, Нир-ят крикнула: — Тава, двоюродный брат Ковок!

Сидя на корточках за кустом, Дар услышала звук шагов и голос Ковока:

— Тава, дочь сестры отца. Зачем ты пришла сюда?

— У мутури родилась новая дочь.

— Еще одна? Мут ла благословила ее.

— Я привела ее сюда, чтобы показать тебе.

— Слишком долгое странствие для такой малютки.

Нир-ят усмехнулась.

— Она большая для своего возраста. Хочешь поглядеть на нее? Она за кустом.

Не в силах более сдерживаться, Дар вышла из своего укрытия. Ковок-ма замер в неподвижности.

— Даргу?

— Теперь меня зовут Даргу-ят. Я переродилась.

Ковок-ма торопливо сбежал по склону и остановился перед Дар.

— Но как это возможно?

— Это было волшебство, — ответила Дар, взяла Ковока за руку и прижала ее к своей груди, — я стала уркзиммути.

Ковок-ма протянул другую руку, осторожно прикоснулся к линиям татуировки на

подбородке Дар. Правда, она представляла себе, что прикосновение будет иным. Похоже, Ковок-ма не верил собственным глазам, и ему хотелось потрогать Дар, чтобы удостовериться в том, что это чудо действительно свершилось.

— Наверняка это деяние Мут ла, — благоговейно произнес Ковок-ма.

— Хай, — ответила Дар.

Не дав ей вымолвить больше ни слова, Ковок-ма обнял ее, оторвал от земли и сделал глубокий вдох. Дар обхватила руками его шею, дав ему насладиться исходящим от нее запахом.

— Даргу. Даргу. Даргу, — произносил Ковок-ма тихим голосом, в котором смешались радость и изумление, — ты изменилась, но осталась такой же. Я не понимаю.

— Ты всегда все понимал, — отозвалась Дар, — ты увидел во мне уркзиммути раньше всех остальных. Если бы во мне не было уркзиммути, волшебство ничего бы не дало.

Ковок-ма улыбнулся.

— Я рад, что был так мудр.

Придерживая одной рукой спину Дар, он завел другую руку ей под колени и поднял ее. Дар рассмеялась, когда он начал неловко, по-оркски целовать ее лицо и шею.

Но тут вмешалась Нир-ят.

— Двоюродный брат мой Ковок, — сказала она, — Даргу шла два дня, чтобы повидаться с тобой. До твоей хижины она сумеет дойти. Я пригляжу за твоими козами.

Ковок-ма опустил Дар, поклонился двоюродной сестре и повел Дар в свою хижину. Она стояла в небольшой ложине с крутыми склонами, образующими естественный загон для овец. Вход в ложину закрывала высокая изгородь, сплетенная из ветвей, а в дальнем конце стояла деревянная овчарня. Хижина Ковока стояла рядом с ней — маленький каменный домик без окон, с дверным проемом, занавешенным овечьей шкурой. На вид домик был не больше тростникового шалаша, который Ковок-ма носил с собой в ту пору, когда служил в войске короля. Похоже, жилище овец было просторнее и удобнее.

Дар прошла по земле, утопанной овечьими копытцами, и вошла в хижину. Дверь была низкая, ей пришлось пригнуться. Внутри хижины все было на редкость скромно. Тростниковая циновка на глинобитном полу, несколько вбитых в стены колышков, небольшой очаг. Когда в комнатушку вошел Ковок-ма, свободного места почти не осталось. Но Дар этого не заметила. Она наконец встретилась со своим возлюбленным, только это и было важно для нее.

К тому времени, как влюбленные удовлетворили свою страсть, успело сесть солнце. Дар оделась и обвела глазами тенистую ложину. Козы съели всю траву на склонах. Пахло овечьим пометом.

— Так вот где ты живешь?

— Хай.

— Совсем один?

— У меня есть мои козы.

— Кто же подает тебе еду?

— Я должен подавать себе еду сам.

— Я останусь и буду подавать тебе пищу.

— Это место не подходит матери, — ответил Ковок-ма.

— Мне случалось спать и в местах похуже.

— Но теперь ты уркзиммути, — сказал Ковок-ма, — наши матери живут в палатах. Разве ты видела палаты хоть в одном из наших лагерей? Даже в Тайбене их нет.

— Это не важно, — сказала Дар, — лишь бы ты был здесь.

— Это важно, Даргу-ят, потому что это не все равно для моей мутури.

В голосе Ковока прозвучала такая обреченность, что это взволновало Дар. Это напомнило ей тот день, когда она предупредила его о засаде в Сосновой ложине.

«Он знает, что впереди нас ждут беды, и он бессилен, он ничего не может с этим

поделать».

Нир-ят оказалась неважной пастушкой. Когда Ковок-ма разыскал ее, козы успели разбежаться по всему горному склону. Тем не менее он поблагодарил свою двоюродную сестру, а потом поспешно ушел, чтобы согнать коз в стадо. Дар провожала его взглядом, любуясь его силой и ловкостью.

— Наверное, ты неплохо провела время, — заметила Нир-ят, — атуром пахнет крепче, чем козами.

Дар улыбнулась.

— Спасибо, что приглядела за козами.

— Пожалуйста, — ответила Нир-ят, — но если бы я знала, что они такие упрямые, я бы еще подумала, прежде чем согласиться. Это было, как если бы кто-то согнал в стадо много мутури. Кстати, о мутури. Тебе надо выкупаться перед встречей с нашей теткой.

По дороге к палате они остановились у горной речушки. Пока Дар старательно мылась в ледяной воде, Нир-ят рассказывала ей о цели их путешествия. Клан Ма обитал в нескольких палатах, разбросанных по склонам горы. Та палата, в которой жила Кат-ма, имела только одну ханмути.

— Нас поприветствует Тер-ма, — сказала Нир-ят, — она младшая сестра Кат-ма.

— Если Кат-ма старшая, почему же это не ее ханмути?

— У Кат-ма двое сыновей, а у Тер-ма две дочери, — ответила Нир-ят таким тоном, словно этим все объяснялось.

Начато смеркаться, когда Дар и Нир-ят вошли в скромную палату, где жили родители Ковока. Тер-ма сидела в ханмути. Она торжественно приветствовала гостей.

— Добро пожаловать, дочери сестры мужа, — сказала она.

Дар и Нир-ят ответили на ее приветствие. Затем началось представление Дар всему семейству по порядку старшинства. Первым делом с ней познакомились дочери Терма, затем — Кат-ма, у которой, как и у ее сына, были зеленые глаза. Затем Дар была представлена тем, кто занимал более низкое положение по сравнению с ней, — муж Тер-ма и мужья дочерей Тер-ма, затем — Джавак-ят — супруг Кат-ма, и, наконец, — дети дочерей Тер-ят. Когда с представлением было покончено, Тер-ма пригласила гостей на трапезу.

После трапезы Дар и Нир-ят ушли в комнату Кат-ма и ее супруга. Их тетка и ее муж с нетерпением ждали новостей. Особенно их интересовало перерождение Дар. Джавак-ят, похоже, радовался тому, что у него появилась новая племянница, а насчет Кат-ма сказать было труднее. Она объяснила мужу:

— Твои сестры в большой милости у Мут ла. Зета-ят стала королевой. Зой-ят стала верховной матерью клана. А Зор-ят, у которой уже пятеро дочерей, теперь имеет шестерых!

— Мут ла и к тебе милостива, Мать, — сказала Дар, — мало кому удалось уцелеть в боях, а твой сын остался в живых.

Кат-ма фыркнула:

— Остался в живых? Толку-то. Я его совсем не вижу.

— И брата его мы тоже почти не видим, — возразил Джавак-ят, — но это не значит, что он потерян для нас.

— Кадар живет в палате своей жены! — сердито проговорила Кат-ма, — у него уже есть дочь. А Ковок живет со своими козами!

— Война — тяжелое бремя, — сказала Дар, — даже у уцелевших сыновей дух может быть ранен. Дайте ему время исцелиться.

— Даргу-ят, — сказал Джавак-ят, — ты была на войне с нашим сыном. Не расскажешь ли о нем?

Дар сильно смутилась. У нее было сильнейшее искушение рассказать родителям Ковока о своих чувствах, но она не осмелилась сделать этого. Она начала не слишком связно говорить о храбрости Ковока, но тут вмешалась Нир-ят:

— Моей сестре война тоже далась нелегко. Ей больно говорить об этом.

— Прости меня, Даргу-ят, — извинился Джавак-ят, — я не подумал, прося тебя говорить про это.

Дар вежливо кивнула.

— Ты так же учтив, как твой сын.

Кат-ма с интересом посмотрела на Дар, но ее взгляд тут же стал раздраженным.

— Что ж, Даргу-ят, путь война принесла тебе боль, но она сделала тебя матерью уркзиммути. А Ковок стал не лучше козла.

На следующее утро Джавак-ят ушел, чтобы заняться приготовлением сыра. Кат-ма осталась в ханмути, чтобы приглядеть за тем, как пройдет самут. Дар мысленно разделила это слово на две половины. Получилось «видеть» и «мать», и это как нельзя лучше отражало смысл самута. Неблагословленные сыновья приходили, чтобы представиться, поухаживать за неблагословленными матерями и надеяться на то, что произведут на них благоприятное впечатление. Нир-ят бывала на многих самутах и знала всех пришедших сыновей. Она была в своей стихии, чувствовала себя в высшей степени удобно и вела себя непринужденно. Дар увидела свою новую сестру кокетливой, игривой, остроумной и порой довольно развязной.

Если бы не было Дар, в ханмути явились бы только те сыновья, которых жаловала Нир-ят. Но вести о приходе новой неблагословленной матери быстро разлетелись по клану, и на самут пришли почти все неблагословленные сыновья из этого поселения. У всех Дар вызывала одинаковые чувства — любопытство и разочарование. Общаться с орками ей зачастую было трудно, потому что, попадая в неловкое положение, орки не умели разыгрывать притворную вежливость. Многие сыновья сочли Дар забавной, но всем она показалась уродливой. Свое мнение они выражали открыто — порой более учтиво, порой — менее. Самут продлился и на протяжении дневной трапезы, и еще несколько часов потом. Все это время Дар и тосковала по Ковоку, и боялась, что он может прийти. Однако он не пришел.

После того как ушел последний гость, Нир-ят шепнула Дар:

— Первый самут всегда труден. Все сыновья до одного являются. В следующий раз придут только те, кому ты понравилась.

— Значит, ко мне никто не придет, — прошептала в ответ Дар.

— Не думай так! Сыновей привлекает не только внешность. Жвар-ят страшна, как коза, но все же она благословлена.

Дар улыбнулась, но задумалась о том, не нарочно ли Нир-ят выбрала сравнение с козой.

25

Дар и Нир-ят ушли на следующее утро в сопровождении двух матерей, пожелавших навестить палату клана Ят. Из-за того, что они с Нир-ят уходили не одни, Дар не смогла еще раз заглянуть на пастбище к Ковоку. Она побоялась, что об этом могут донести Кат-ма. Дар уже боялась того, что мутури Ковока может стать для нее преградой на пути к счастью. Из-за этой тревоги Дар покидала клан Ма с еще более тяжелым сердцем.

Погода выдалась под стать настроению Дар. Сырой туман пеленой занавесил дорогу, спрятав горы. Ближе к полудню начался моросящий дождь. Все шли молча, и это вполне устраивало Дар, потому что у нее вовсе не было желания болтать. Четыре матери устроились на ночлег под выступом скалы и не смогли разжечь костер. На следующий день морось сменилась проливным дождем. Домой Дар пришла вымокшей до нитки.

Тепло и еда согрели тело Дар, но не ее душу. Короткая встреча с Ковоком только усилила боль разлуки. Тоска и желание стали такими же ощутимыми, как голод или жажда, и столь же нуждающимися в удовлетворении. Но Дар понимала, что в скором времени ждать счастья невозможно.

Дар скрывала свои чувства как только могла. Ее немного утешало то, что у несчастья

нет запаха. Каждый день она не покладая рук трудилась в кухне, надеясь, что от тяжелой работы хоть немного уймется сердечная боль. Готовить она стала лучше, но на душе по-прежнему было уныло. Она думала, что никто не замечает ее настроения, пока ее не призвала к себе верховная мать.

Войдя в Большой зал, Дар застала там Мут-ят, стоящую у окна. Небо было серое, коричневые вершины гор припорошил первый снег. Верховная мать обернулась и улыбнулась.

— Даргу-ят, я рада видеть тебя, — она подошла и прикоснулась к татуировке на подбородке Дар. — Жвар-ят славно потрудились.

Дар улыбнулась в ответ и поклонилась Мут-ят.

— Мне очень нравится эта татуировка, Мать.

— Так и должно быть. А нравится ли тебе быть уркзиммути?

— Очень.

— Я понимаю почему: мне довелось пожить среди вашавоки, — сказала Мут-ят, — когда моя мутури была королевой, я часто посещала их. Тогда правил старый король-вашавоки. Он был не такой, как его сын.

— Я слышала об этом, — сказала Дар.

— У вашавоки нет Фатмы, — сказала Мут-ят, — вот почему королем теперь стал сын, хотя он жесток и у него странные желания.

— Он любит убивать, — сказала Дар, — я сама это видела.

— Без Фатмы у нас тоже были бы такие же жестокие и странные королевы.

— Я слышала о Фатме, — сказала Дар, — но не уверена, правильно ли понимаю, что это такое.

— Фатма — это особый дух, — сказала Мут-ят, — мут ла сотворила его в незапамятные времена и даровала его самой первой королеве. Этот дух включал в себя мудрость, сострадание и крепость. Перед смертью королева передала Фатму той матери, которая лучше всех смогла бы править уркзиммути. Если бы старый король-вашавоки был наделен Фатмой, он бы передал этот дух своему недостойному сыну и теперь вашавоки имели бы хорошего короля.

— Стало быть, Фатма не переходит от матери к дочери? — спросила Дар.

— Иногда так бывает, но часто — нет. Мут ла управляет королевой перед ее смертью.

— Когда ты отвела меня в то место, где я переродилась, ты упоминала о Фатме. Ты сказала, что именно там этот дух вернулся к уркзиммути.

— Я рада, что ты помнишь об этом, — сказала Мут-ят, — фатма передается тогда, когда королева близка к смерти. Когда вашавоки разрушили Таратанк, они убили королеву и всех ее приближенных. Фатма была утрачена, и у нас не стало королевы. Воцарился хаос. Многие погибли, многие потерялись.

— А как вернулась Фатма? — спросила Дар.

— Родилось дитя, наделенное этим духом. Эта мать выросла и стала королевой, — Мут-ят взяла Дар за руку и наклонилась ближе, — если уркзиммути снова потеряют Фатму, страшные времена вернуться. Я говорю тебе об этом, потому что боюсь этого больше всего на свете, — лицо Мут-ят стало печальным, — когда Фатма перешла к моей сестре, она стала королевой. Теперь она живет среди вашавоки в Тайбене. Там больше нет ни одной матери уркзиммути, только сыновья. Она больна. Она может умереть.

Дар видела колдуна, который якобы лечил королеву от ее странной хвори. Ей показалось, что этот человек не способен на милосердие.

«Скорее всего, он и наделил ее этой болезнью», — подумала Дар.

— Сыновья должны увести королеву оттуда, — сказала Дар.

— Я согласна с этим, — сказала Мут-ят, — но сыновья повинуются королеве, а не мне.

— Она желает оставаться там?

— Она так говорит.

— Почему?

— Этого я не знаю.

Хотя Дар неловко было давать верховной матери совет, она решила, что стоит это сделать.

— Я думаю, — сказала она, — тебе следовало бы навестить королеву и узнать правду.

— Колдун запретил это делать.

— Уркзиммути не повинуются этому колдуну.

— Ему повинуются королева, — ответила Мут-ят, — матерей туда не пускают. Уже пять зим, как никто не видел королеву. Даргу, я так думаю, что этот злодей околдовал нашу королеву и взял власть над нею.

Дар подумала о том, что это возможно, но она была озадачена тем, что Мут-ят говорит с ней о таких вещах. Казалось бы, о таком положено говорить на Совете матриархов, а не с кем-то вроде нее. Но тут Дар вдруг поняла, к чему ведет этот разговор, и от волнения у нее засосало под ложечкой.

Мут-ят учуяла страх Дар, но продолжала:

— Даргу-ят, ты мать уркзиммути, ты дочь сестры королевы. Но вашавоки глупы. Они этого не увидят. Ты могла бы отправиться в Тайбен. Ты могла бы увидеть королеву и узнать, что с ней стряслось.

Ожидая ответа, Мут-ят почувствовала, что страх Дар стал еще сильнее.

— Мать, — проговорила Дар дрожащим голосом, — ты мудро говоришь, что вашавоки не увидят во мне уркзиммути. Они станут обращаться со мной как с матерью из их рода. Это клеймо у меня на лбу означает, что всякий, кто убьет меня, получит награду за мою голову. Но хотя я боюсь смерти, еще больше я боюсь другого. Имея дух уркзиммути, я буду принуждена жить как вашавоки, — по щекам Дар потекли слезы, — это ужасная жизнь, в ней нет места достоинству и покою. В нашей речи нет слов для описания жестокости, с которой вашавоки обращаются с матерями, — Дар упала на колени перед Мут-ят, — пожалуйста, Мать, не проси меня идти туда! У меня сердце разорвется.

Мут-ят погладила волосы Дар, словно перед ней был ребенок.

— Даргу-ят, Даргу-ят, — проговорила она негромко, — я не стану просить тебя делать что-то, чего не желает твое сердце. Ты — дочь моей сестры. Оставайся в нашей палате и будь счастлива. Я найду другой способ.

Дар утерла слезы, ощущая облегчение пополам со стыдом.

— Шашав, Мать.

Мут-ят улыбнулась.

— Возвращайся в кухню. И не думай больше ни о королевах, ни о колдунах.

Мут-ят вернулась к окну. В зал вошла ее сестра.

— Скоро начнутся большие снега, — сказала Зор-ят, — Даргу должна уйти до тех пор, пока видна дорога.

— Даргу никуда не пойдет, — сказала Мут-ят.

— Как же это?

— Она боится, — ответила Мут-ят, — и я не виню ее. Ты знаешь, как вашавоки обращаются с матерями.

— Даргу была вашавоки. Она привыкла к такому.

— Теперь она уркзиммути.

— А это значит, что она должна повиноваться тебе, — возразила Зор-ят.

— Я думаю, она должна отправиться в Тайбен по своей воле. Иначе страх приведет ее к смерти.

— И что? Она так и так умрет.

— Если мы хотим, чтобы она сделала то, что нужно нам, она должна сделать это так, чтобы ее сердце было полно желания совершить этот подвиг, — сказала Мут-ят.

— Но ты говоришь, что все не так, — проговорила Зор-ят, не скрывая раздражения, — все наши старания без толку. А ведь она живет в моей ханмути, а не в твоей. Мне приходится

называть ее дочерью и есть ее жуткую стряпню.

Мут-ят улыбнулась.

— Гар-ят говорит, что дела мало-помалу идут на лад.

— Ну, так подавай эту еду в своей ханмути! — буркнула Зор-ят и вздохнула, — сестра, мы говорили будто вашавоки — и что нам дали наши бессмысленные слова? Мы приняли Даргу, но это нам ничего не дало.

— Пока не дало, — согласилась Мут-ят, — но мы еще не вывели тайну Дар. Когда выведем, все может измениться.

— Время поджигает, — сказала Зор-ят, — я слышала, что наша сестра призывает новых сыновей на войну на стороне короля-вашавоки.

— Хай. Она хочет, чтобы они пришли в Тайбен до наступления зимы.

— Снова сыновья будут погибать! Какое безумие!

— Как бы то ни было, мы должны покоряться, — сказала Мут-ят, — зор, узнай тайну Даргу. Когда сыновья отправятся в Тайбен, я хочу, чтобы Даргу пошла вместе с ними.

26

Дар мешала похлебку в котле и вдруг обернулась. Ее окружили солдаты-вашавоки. Они держали миски, ожидая, что она нальет им похлебки.

— Уходите, — сказала им Дар, — я теперь уркзиммути.

Солдаты шагнули ближе.

— Ты не страхолюдина, — заявил один из них.

— Нет, я уркзиммути. Я переродилась.

Дар вытянула руки, чтобы показать солдатам когти, но ее ногти оказались ровными и плоскими. Она озадаченно уставилась на собственные руки.

— Мы тебя не боимся.

Один из солдат сунул свою миску под нос Дар.

— Наливай давай.

Дар огляделась по сторонам, но вокруг были только вашавоки. Как только она наполнила миску первого солдата, остальные протянули ей свои. Дар разливала похлебку, гадая, откуда здесь взялись вашавоки. Они подходили к ней все ближе, замыкали кольцо. Дар орудовала половником так быстро, как только могла, но толпа солдат все не редела. Но вот один солдат протолкался вперед и проговорил гортанным голосом:

— Ты украла мой кинжал.

Еще не видя его, Дар поняла, что это Муут. Он уставился на нее мертвыми остекленевшими глазами. У него на шее лиловел кровоподтек.

— Ты воровка!

— Тебе он больше не был нужен, — сказала Дар.

— Отдай мне его!

Муут бросился к Дар. Она вылила ему в лицо полный половник похлебки.

— Подай еду этому парню, — прозвучал чей-то голос, — и на этот раз постарайся не пролить мимо миски.

Дар запустила половник в котел. Муут исчез. На его месте оказался мердант Коль. Он холодно усмехнулся.

— Ты по-прежнему моя женщина, — заявил он, протягивая Дар миску, — делай, как тебе велено.

Дар поспешила повиноваться, но, когда она подняла половник, миска мерданта Коля развернулась, будто змея, и превратилась в хлыст.

Дар проснулась. Она была вся мокрая от пота. В окно струился лунный свет, озарял крепко спящих Нир-ят и Тир-ят. Мало-помалу Дар немного успокоилась. От сновидения остался неприятный осадок, тревога, которую Дар никак не могла прогнать. У нее возникло такое чувство, что, несмотря на все случившееся, она все еще служила в полку.

Прошло немало времени, и наконец Дар снова заснула. Ей снились тревожные сны. Наутро она не могла их вспомнить, но ей еще сильнее захотелось повидаться с Ковоком.

«Когда снег укроет пастбища, — думала Дар, — ковок-ма уйдет зимовать к своей мутури».

А Дар так хотелось хотя бы еще раз побыть с ним наедине. Подталкиваемая этой мыслью, Дар пошла к Зор-ят, чтобы сказать той, что она снова пойдет в гости в клан Ма. Зор-ят удивилась.

— Нир ничего об этом не говорила.

— Она не знает, — сказала Дар, — я иду одна.

— Ты знаешь дорогу?

— Хай, мутури.

Зор-ят поинтересовалась:

— Ты хочешь повидать какого-то сына?

Дар не ответила.

— Будет тебе, Даргу. Ты хочешь увидеть не моего брата. И не Кат-ма.

— Я хочу увидеть их сына, — тихо ответила Дар, — мы нравимся друг другу.

Зор-ят улыбнулась.

— Конечно! Ведь вы же странствовали вместе, — она сделала вид, будто принохивается, — мой нос не был мудрым. Совсем не мудрым он был! — Она прищурилась, — и давно ты хранишь эту тайну?

У Дар словно гора упала с плеч.

— С тех пор, как пришла к вам.

— Понятно, — сказала Зор-ят, раздраженная тем, что ничего не заметила раньше. Но она тут же догадалась, почему не обращала внимания на некоторые знаки: ей просто в голову не приходило, что сын уркзиммути может питать любовные чувства к вашавоки.

— Мутури, я хочу стать благословленной.

— Благословленной! Так вот как все серьезно! Кто-то из вас двоих говорил с Кат-ма?

— Еще нет.

Зор-ят задумалась.

— Думаю, это было мудро. С Кат-ма порой бывает трудно говорить. Лучше сначала я с ней поговорю, как мутури с мутури.

— Ты это сделаешь?

— Конечно. Ты моя дочь, и Ковок-ма — это хороший выбор.

Лицо Дар озарилось радостной улыбкой.

— Не могу дождаться, когда можно будет сказать Ковоку!

— О, тебе не стоит видеться с ним, пока я не поговорю с его мутури. А потом он сможет навестить тебя здесь. Так будет более прилично.

Радость Дар угасла, и это было видно. Зор-ят обняла ее.

— Трудно ждать, когда чувства сильны.

— Хай, мутури.

— Тогда я сегодня же отправлюсь в дорогу, чтобы поговорить с Кат-ма. Если все пойдет хорошо, скоро твой велазул будет здесь.

Через два дня, к вечеру, Зор-ят пришла в палату, где жила Кат-ма. Все очень удивились, увидев ее, потому что она редко бывала здесь. Когда Зор-ят стряхнула мокрый снег с накидки, ее приветствовала сестра Кат-ма.

— Добро пожаловать, сестра мужа сестры. Наверное, у тебя какое-то срочное дело, если ты пришла к нам в такую погоду.

Зор-ят невесело улыбнулась.

— Чего только мы, мутури, не сделаем ради наших детей! Я почти окоченела, — она склонила голову перед Кат-ма. — Жена брата, я рада видеть тебя, — после того как Кат-ма ответила на ее приветствие, Зор-ят спросила: — Где твой сын?

Кат-ма наморщила нос.
— Все еще со своими козами.
Зор-ят эта новость порадовала, но сказала она вот что:
— Как жаль, ведь я пришла из-за него.
— Правда? — спросила Кат-ма.
Зор-ят посмотрела на своего брата.
— Ты оставишь нас наедине, Джавак? Этот разговор только для мутури.
Кат-ма провела гостью в свою комнату, они сели рядом.
— Что это за дело, Зор-ят? — спросила Кат-ма.
— После того как моя дочь побывала здесь, она сказала мне о своих чувствах к твоему сыну. Она сильно влюблена в него.
Кат-ма просияла.
— Нир-ят и мой Ковок? Они будут хорошей парой.
— Не Нир-ят. Даргу-ят.
Кат-ма сразу помрачнела.
— Твоя дочка-вашавоки?
— Она не вашавоки. Она переродилась.
— Переродился ее дух, — возразила Кат-ма, — но не ее тело. Козу с бараном не скрестишь.
— Как бы то ни было, твоего сына влечет к ней. Он стал ее велазулом уже несколько лун назад.
— Откуда тебе это известно?
— Даргу сказала мне. Она навещает его в его пастушьей хижине.
— И она хочет моего благословения?
— Даргу-ят никогда не будет рожать дочерей, у нее не будет собственной ханмути, но ее сестры будут заботиться о ней. Если ты дашь свое благословение, у Ковока будет хорошая жизнь.
— Хорошая? Ха! Спроси своего брата, каково это: не иметь дочерей! Мои племянницы выше меня по положению. А придет день — и их дочери станут выше меня.
— Так что же мне сказать Даргу? — спросила Зор-ят.
— Скажи ей, что Ковоку запрещено видаться с ней.
— Твой ответ меня не удивляет, но я боюсь, что из-за этого кое-что может случиться.
— Что может случиться?
— Перерожденные наделены особым даром. Даргу, как и Веласа-па, владеет силой волшебства. Как еще такая уродливая мать могла привлечь твоего сына? Если ты оторвешь его от нее, она разобьет ему сердце.
— Так что же мне делать?
— Пошли твоего сына в Тайбен, и Даргу забудет его. Когда он вернется, у нее уже будет другой велазул.
— Ты уверена?
— Она моя дочь. Я про нее много знаю.
Кат-ма нахмурилась.
— Ты принесла дурные вести. Какой выбор я ни сделаю — все плохо.
— Все может закончиться хорошо, — успокоила ее Зор-ят, — подумай о том, что я тебе сказала. Если ты пошлешь Ковока в Тайбен, дай нам знать об этом, чтобы Даргу стала забывать его.

Пока Зор-ят не было, настроение Дар менялось от радости до отчаяния. Она не чувствовала себя такой беспомощной с того времени, как ее заклеямили и отправили служить в оркский полк. Казалось, судьба совсем не повинует ей; она могла только ждать решения Кат-ма.

Порой у Дар почти кружилась голова от ожидания благословения. Порой она пыталась

подготовиться к худшему и представить себе, как она будет жить без Ковока. Она чувствовала, что необычность их встречи и вспыхнувшей между ними любви может оказаться неповторимой.

«Если Кат-ма не благословит нас, я проживу всю жизнь одна», — с тоской думала Дар.

Она слышала о женщинах, которые посвящали свою жизнь Карм, жили отшельницами, молились и занимались тяжким трудом, пока не наступал час уйти по Темной тропе. Когда-то Дар завидовала такой жизни, но после того, как Ковок-ма пробудил в ней страсть, такая жизнь стала казаться ей ужасной. Ей не хотелось состариться без любви.

На четвертый день после ухода Зор-ят Дар так волновалась, что Гар-ят прогнала ее из кухни, чтобы она не испортила очередное блюдо. До позднего вечера Дар стояла за воротами и смотрела на дорогу — не появится ли ее мутури. Было уже почти совсем темно, когда Дар разглядела вдалеке Зор-ят, которая шла под холодным ветром одна, плотно запахнув накидку. Дар бросилась вниз по извилистой тропе и встретила свою мутури у подножия горы.

— Какие вести, мутури?

— Более хорошие, чем я надеялась, Даргу.

— Она благословит меня?

— Пока нет, — ответила Зор-ят, — но она позволит Ковоку видаться с тобой. Не огорчайся. Если все будет так, то есть надежда.

— Но мне нужна не только надежда.

— То, о чем я рассказала, удивило Кат-ма, и ей нужно время подумать. А когда она подумает, мне кажется, она увидит, что в этом союзе есть мудрость. Жди Ковока. Скоро он придет.

Дар обняла Зор-ят.

— Шашав, мутури.

Зор-ят пошла вверх по склону, радуясь, что в темноте Дар не видит ее лица. Она сама чувствовала, что делает что-то нехорошее, неестественное, и боялась, что лицо может выдать ее чувства.

«От бессмысленных слов остается дурной привкус», — подумала Зор-ят.

Однако она верила, что если ее замысел удастся, Мут ла простит ее.

27

Новость, которую принесла Зор-ят, обрадовала Дар, но настоящую уверенность ей мог дать только приход Ковока. Дар теперь ждала этого с еще большим волнением. Ее настроение скоро заразило всех обитателей ханмути, и все сестры Дар стали посматривать на дорогу в ожидании путников. Через пять дней после возвращения Зор-ят в кухню зашла Нир-ят. Дар встретила ее весело, но тут же обратила внимание на то, что взгляд Нир-ят грустен.

— Даргу, пришел Джавак-ят, принес вести.

У Дар похолодело под ложечкой.

— Какие вести?

— Лучше будет, если ты услышишь их от него.

Дар поспешила в ханмути. Джавак-ят сидел там со своей сестрой и пил горячий травяной настой. Ожидая самого худшего, Дар прервала их разговор.

— Дядя, где Ковок-ма?

Джавака, казалось, удивило волнение Дар.

— Он ушел в Тайбен.

— В Тайбен?

— Хай. Все кланы должны посылать сыновей воевать на стороне вашавоки. Наша королева...

— Это моя вина, — сказала Дар, — вы отослали его из-за меня.

Она разрыдалась.

Джавак-ят изумленно уставился на Дар.

— Сестра, — спросил он у Зор-ят, — почему твоя новая дочь издает такие странные звуки?

— Думаю, она захворала, — ответила Зор-ят, строго глядя на Дар, — Даргу, ступай к себе, приляг, отдохни.

Джавак-ят проводил взглядом поспешно удалившуюся Дар и устремил на сестру подозрительный взгляд.

— Зачем ты приходила к Кат-ма?

— По делами мутури, — сказала Зор-ят, — если Кат-ма тебе не сказала, и я не скажу.

Нир-ят ждала Дар в комнате. Дар вбежала и, рыдая, бросилась на постель. Ее плач изумил Нир-ят не меньше, чем ее дядю, но она догадалась, чем это вызвано.

— Мне так жаль, Даргу.

Усилием воли Дар уняла рыдания, но ничто не могло избавить ее от отчаяния.

— Кат-ма не понимает, — сказала она.

— Чего не понимает?

— Она послала Ковока на смерть.

— Ни одна мутури так не поступит.

— Ни одна мутури не видела того, что повидала я. Королю-вашавоки все равно, сколько сыновей погибнет.

— Наша королева ни за что бы не позволила...

— Она тоже ничего не понимает, — простонала Дар и отвернулась лицом к стене.

Через некоторое время Дар услышала, как Нир-ят вышла из комнаты. Дар лежала на постели, охваченная отчаянием. Прежде она опасалась, что Ковоку не позволят с ней видеться. Весть, принесенная Джаваком, заставила ее страшиться того, что Ковок погибнет. Его смерть казалась ей возможной, даже неизбежной, и она чувствовала себя ответственной за это.

«Он едва уцелел в первый раз», — думала Дар, вспоминая последнее жестокое побоище.

Перед ее мысленным взором каждый орк становился Ковоком.

Дар все еще лежала на постели, когда вошла Зор-ят.

— Даргу, это не твоя вина. Все кланы обязаны посылать сыновей в Тайбен.

Дар отвернулась от своей мутури.

— Ковок-ма только что возвратился с войны. Почему же он снова должен идти убивать?

— Только неблагословленных сыновей призывают. После этого лета их останется совсем мало.

— Он не пошел бы на смерть, если бы Кат-ма благословила нас.

— Благословение сразу не дается, — объяснила Зор-ят, — она сделает это, когда он вернется.

— Так сказал твой брат?

— Хай, но тебе об этом знать не полагается. Не говори с ним об этом.

— Значит, Ковок-ма ушел не из-за меня.

— Конечно нет. Он ушел из-за нашей королевы. Таков ее приказ. Будь терпелива. Ты будешь благословлена.

— Тва, не буду, — с тоской ответила Дар, — я сердцем это чувствую.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что Ковок-ма не вернется.

— У тебя было видение? — с тревогой спросила Зор-ят.

— Тва, но я повидала войну.

— Приказ королевы принес горе многим матерям, не только тебе.

Дар промолчала, но ее глаза наполнились слезами. Зор-ят, которая жила среди вашавоки, понимала, что такое слезы. Она внимательно следила за Дар — не выдаст ли та

себя чем-то еще. А Дар так терзалась, что не замечала, что за ней наблюдают. Она думала о том, что желание ее сердца может сбыться, но только в том случае, если она пойдет на смертельно опасный риск.

Зор-ят терпеливо ждала. Она сказала все, что могла. Только время могло сказать, подействовали ли ее слова как надо. Чуть погодя она уловила запах страха. Этот запах постепенно нарастал и наконец заполнил комнату.

Дар проговорила:

— Мут-ят была права.

Зор-ят притворилась удивленной.

— Насчет чего права?

— Я должна пойти в Тайбен.

— В Тайбен? Зачем же?

— Повидать нашу королеву и узнать, почему она приказывает сыновьям убивать. Если повезет, я смогу увидеться с Ковоком.

— Как же ты это сделаешь?

— Не знаю, но сердце подсказывает мне, что я должна попытаться.

После разговора с Зор-ят Дар позвала к себе Мут-ят. Верховная мать клана обрадовалась решению Дар.

— Я уверена: это Мут ла подсказала тебе, как поступить, — сказала она, — зор-ят должна гордиться тобой. Ты достойная дочь.

Дар ответила на похвалу поклоном. Затем Мут-ят удивила ее, велев принести одежду вашавоки.

— Это понадобится тебе для твоего путешествия, — сказала верховная мать.

Поношенную накидку и платье явно тщательно выбирали, потому что именно такую одежду носили женщины, служившие в оркских полках. Дар решила, что одежда слишком чистая, но в остальном вполне подходящая.

— Даргу, — сказала Мут-ят, — я не знаю, что ты там найдешь, я мало что могу тебе посоветовать. Я велю сыновьям из нашего клана помогать тебе, но полагайся на свою мудрость. Будут сомнения — слушай свое сердце.

Дар поблагодарила верховную мать. Повисла неловкая пауза. Наконец Мут-ят велела Дар подготовиться к путешествию. Дар ушла с узелком одежды, гадая, не обманули ли ее, не управляют ли ею. Как бы то ни было, она твердо решила идти в Тайбен. Только там она могла раскрыть предательство короля Креганта, только там она могла оказаться рядом с Ковоком.

Дар не вернулась в ханмути Зор-ят. Она решила сначала выпачкать одежду вашавоки, которую ей дала Мут-ят. Ступенчатые поля выглядели такими же покинутыми, как дальние горы. Дар поежилась — не столько от холода, сколько от мыслей о том, что ждет ее впереди. Она бросила одежду на землю и принялась ее топтать.

Подошел Зна-ят.

— Я слышал, что мы идем в Тайбен.

Дар оторвалась от своего занятия.

— Наш клан посылает тебя убивать?

— Тва. Разве ты забыла, что на моей шее — твой укус?

— Ты не должен идти.

— Если ты так думаешь, ты ошибаешься. Моя жизнь связана с твоей.

— Мне не понадобится твоя защита. Там будет Ковок-ма.

— Как ты можешь знать это наверняка?

— А почему ему не быть там?

— Никогда раньше сыновей не призывали в Тайбен в это время года, — ответил Зна-ят, — вашавоки любят убивать, когда тепло. Происходит что-то странное.

— Что?

— Не знаю, но думаю, тебе не стоит туда ходить.
— Я должна идти, Зна-ят. Только я могу сделать то, что нужно.
— Наша мутури и ее сестра это придумали?
— Хай. Ты сомневаешься в их мудрости?
— Они мудры, — сказала Зна-ят, — но то, что лучше для клана, может быть вовсе не хорошо для тебя.

— Я испугана, но я все решила. Не пугай меня сильнее.

Зна-ят склонил голову и промолчал, хотя Дар почувствовала, что он готов сказать ей что-то еще. Вскоре Зна-ят ушел, и Дар осталась одна. Еще какое-то время она продолжала старательно пачкать одежду вашавоки.

Зна-яту нужно было обзавестись доспехами и тростниковым шалашом, и из-за этого уход Дар задержался на день. Она думала, что путь до Тайбена будет долгим, и очень удивилась, когда узнала, что до столицы короля Креганта они доберутся всего за пару дней при хорошей погоде. Ранним утром, когда они тронулись в путь, было морозно и небо грозило снегопадом. Зна-ят пошел рядом с Дар. Он облачился в доспехи. Срывавшиеся с его губ облачка пара превращались в иней на краях его шлема. Кроме Зна-ята в Тайбен отправились еще семеро орков — такое число новобранцев требовалось от клана. Прощание прошло в палате, в тепле, а Нир-ят и Тир-ят еще и помахали Дар руками, встав у окна. Дар махала рукой им в ответ, пока могла их видеть.

Дорога называлась Новой, хотя была проложена еще в годы правления деда короля Креганта. Построенная как торговый путь, дорога пересекала крутой горный гребень, который прежде служил оркам защитой. Теперь этой дорогой пользовались не так часто, как в былые дни, но она неплохо сохранилась. Конный гонец мог добраться от Тайбена до клана Ят за сутки, но уже много лет такого не случалось. В годы правления последнего короля по этой дороге ходили по большей части орки, и намного больше орков уходило в Тайбен, чем возвращалось.

Из-за холода Дар ушла из клана в оркской одежде. Ее кефс и нева были сшиты из толстой теплой шерсти, как и накидка с капюшоном. Ей дали сапожки, прежде принадлежавшие кому-то из оркских детей. Носы сапожек были широкими и выпуклыми, чтобы там помещались когти. В такой одежде и обуви Дар было тепло и удобно шагать рядом с сородичами. По пути они не переговаривались, потому что все думали о предстоящих сражениях. Только Дар и Зна-ят видели войну своими глазами, но остальные слыхали невеселые рассказы.

На ночлег остановились в узком ущелье. Хотя это место было самым высоким на всем протяжении дороги, стены ущелья позволяли укрыться от ветра. Дар легла спать, завернувшись в теплую накидку. К вечеру следующего дня путники увидели с вершины холма Тайбен и остановились, чтобы посмотреть на город. Тайбен занимал единственное возвышение на раскинувшейся внизу равнине. Крепостные стены, казалось, стискивают стоящие внутри них в странном беспорядке дома. Королевский дворец заметно выделялся на фоне других построек — крепость внутри крепости. Высокие стены дворца венчали стройные башни.

Зна-ят указал на оркский гарнизон. Гарнизон располагался за пределами города и был окружен отдельной стеной. Дар ожидала, что эта стена будет круглой, но это оказалось не так.

— Где же «Объятия Мут ла»? — спросила она.

— Каждая казарма — это «Объятия Мут ла», — ответил Зна-ят.

Дар обратила внимание на то, что большинство построек внутри окружавшей гарнизон стены — круглые. Таких построек было несколько десятков, они выстроились длинными рядами.

— А солдаты-вашавоки там ходят?

— Хай, но живут они в Тайбене. В лагере живут только матери-вашавоки.

«Они там заперты», — подумала Дар и более внимательно присмотрелась к гарнизону, к стене, к воротам.

По стене вышагивали люди-дозорные. Даже издалека гарнизон напоминал тюрьму.

28

Зна-ят внес Дар в гарнизон на спине. Она спряталась внутри скатанного в рулон тростникового шалаша. Она ничего не видела, так что полагалась на остальные органы чувств. По всей видимости, у ворот Зна-ят остановился, и Дар услышала голос человека:

— Какой клан вы? — спросил мужчина по-оркски, совершенно безграмотно.

— Ят, — ответил Зна-ят.

— Еще приходить? — спросил голос.

— Тва, — ответил Зна-ят.

— Идти за этим. Показать вам дом, — произнес голос и переключился на человеческую речь, — мердант, отведи страхолюдин в восемнадцатую казарму. Пусть женщины принесут им ужин.

Дар услышала, как заскрипели петли ворот. Зна-ят снова зашагал вперед. Пройдя какое-то расстояние, он остановился и снял с плеч скатанный в рулон шалаш. Дар не стала вылезать оттуда, пока орки обустранивались на новом месте. Потом она услышала, как Зна-ят громко проговорил:

— Соберитесь вокруг! Я кое-кого принес с собой.

С этими словами он раскатал тростниковый шалаш. Дар села и обвела глазами комнату. На нее смотрели больше двух десятков изумленных орков. Дар встала, чтобы поприветствовать их и утвердить свое положение.

— Меня зовут Даргу-ят, — проговорила она по-оркски, — я переродилась в уркзиммути благодаря древнему волшебству. Моя мутури — Зор-ят, сестра королевы.

Затем слово взял Зна-ят.

— Меня зовут Зна-ят, я ее брат, — он указал на своих спутников, — эти сыновья — сородичи Даргу-ят, мы из одного клана.

Трудно сказать, что сыграло роль — горделивая осанка Дар, татуировка на ее подбородке, то, что она бегло говорила по-оркски, присутствие ее сородичей или все это, вместе взятое, — но незнакомые орки отнеслись к ней с почтением. Они поклонились и стали отвечать на приветствие. Однако с ритуалом знакомства пришлось повременить: Зна-ят, вставший на страже, предупредил остальных о том, что приближаются вашавоки. Только Дар успела спрятаться, как кто-то приподнял шкуру, занавешивавшую дверной проем, и в казарму вошли две женщины, чтобы подать кашу новобранцам. После того как женщины ушли, Дар вышла из укрытия и объяснила незнакомым оркам свое поведение.

— Я спряталась, потому что вашавоки очень глупые, — сказала она, — они не поймут, что я уркзиммути. Они будут пытаться помешать мне встретиться с моей теткой, хотя воля Мут ла в том, чтобы мы повидались и поговорили.

Один из орков низко поклонился Дар.

— Прости меня, Даргу-ят, но наша королева желает разговаривать только с сыновьями.

— Ее сестры думают, что королева одурманена злыми чарами и из-за этого так говорит. Меня послали узнать, так ли это.

— Как же ты это сделаешь? — спросил другой орк.

— Пока не знаю.

— Одно мы точно знаем, — сказал Зна-ят, — ни один вашавоки не должен увидеть Даргу-ят.

— Но они повсюду, — возразил кто-то из орков.

— Они заходят в эту комнату? — спросила Дар.

— Только их жен-счины. Они приносят еду и дрова.

— Выставьте дозор, — сказала Дар, — всякий раз предупреждайте меня об их

приближении.

Орк, судя по покрою колпака старший в казарме, поклонился Дар и поставил у двери часового.

«Пожалуй, мне тут будет безопасно», — думала Дар, рассматривая комнату.

Места в казарме хватало ровно для того, чтобы здесь поместилось три десятка орков, их доспехи, оружие и переносные шалаши. Хотя это здание выстроили мужчины, оно напоминало ханмути. Круглые стены обозначали «Объятия Мут ла», в центре располагался очаг. Поскольку орки спали сидя, поперечник казармы составлял всего двенадцать шагов, и почти все свободное место занимали ее массивные обитатели. Не самое просторное убежище.

Снаружи стояло еще много таких казарм, и в них могло поместиться много сотен орков. Казармы окружала высокая стена с прочными воротами, которые охраняли солдаты-вашавоки. У Дар снова возникло чувство, будто она в тюрьме, и она пожалела о том, что пришла сюда. Казалось, выполнить стоящую перед ней задачу невозможно.

«Какая же я была дура, — думала Дар, — как я смогу увидеть королеву?»

Теперь ей казалось, что даже с Ковоком она повидаться не сумеет. Ведь стоит ей покинуть казарму, как ее тут же схватят солдаты. Она чувствовала себя угодившей в капкан и была близка к панике.

Зна-ят, видимо, уловил запах ее страха. Он подошел к ней.

— Даргу, все сыновья, которые живут здесь, помогут тебе.

Слова Зна-ята напомнили Дар о том, что ей не нужно все делать самой.

«Я — мать. Я могу командовать, и я окружена силой и верностью».

Как только она вспомнила об этом, у нее сразу стало легче на сердце.

— Завтра Расскажи уркзиммути о том, что я здесь, — сказала Дар Зна-яту, — и разыщи Ковока.

— Я все сделаю, — сказал Зна-ят, — теперь ты рада, что я пошел с тобой?

Дар едва заметно улыбнулась, показав зубы, которые уже начали белеть.

— Я мудро поступила, укусив твою шею.

На следующее утро Дар поговорила с Магта-джаном. Он носил колпак старшего, потому что ему уже довелось воевать.

— Ты воевал этим летом? — спросила Дар, — участвовал в сражении в Сосновой лошине?

Магта-джан неприязненно поморщился.

— Хай, я был там.

— Я тоже была.

Магта-джан изумленно уставился на Дар. Он словно бы только теперь узнал ее.

— Ты была Матерью-Велаваш! Ты благословляла сыновей перед боем.

— Верно.

— Это ты благословила сыновей перед сражением в Сосновой лошине?

— Хай. А потом я отвела их домой.

Магта-джан жестом изобразил дерево.

— Мать, я так рад, что Мут ла послала тебя сюда. Я хочу возвратиться домой и больше никого не убивать.

— Магта-джан, я не знаю, куда теперь тропа приведет меня. Но я надеюсь, что твое желание может быть исполнено.

Из разговора с Магта-джаном Дар узнала, что случилось после того, как она дезертировала. Магта-джан рассказал, как он сам уцелел, попав в засаду, как пробился к выходу из ущелья. Там он помог людям короля Креганта отразить несколько атак. В этих стычках обе стороны понесли немалые потери. Наконец враги отступили, и все, кто уцелел в войске Креганта, пошли назад. Магта-джан думал, что их ведут домой, но войско неожиданно изменило направление, и оркам было приказано атаковать «священное место

вашавоки». Несмотря на то что орков осталось немного, они легко захватили город. После того как солдаты «наполнили множество повозок», войско направилось к Тайбену.

Но когда Магта-джан оказался в Тайбене, его не отпустили домой. Вместо этого королева приказала всем оркам оставаться в гарнизоне. Сначала здесь было почти пусто, потому что очень немногие остались в живых после похода. С тех пор гарнизон начал мало-помалу пополняться сыновьями, которых присылали из разных кланов. Орков начали сбивать в новые полки, и некоторым шилдронам уже довелось побывать в бою. Магта-джан знал, что за время этих вылазок было убито несколько вашавоки, но больше он ничего не мог рассказать.

Дар удалось узнать совсем немного о том, чем занимаются солдаты короля, потому что Магта-джан всеми силами избегал встреч с вашавоки. Когда он находился в гарнизоне, он встречался только с клейменными женщинами, подававшими оркам еду и приносившими дрова для очага. Магта-джан сказал что время от времени орки ходят водворен, чтобы там получать приказы от королевы, носам он во дворце не бывал ни разу. Мало кому выпадало на долю повидаться с королевой, и встречи с ней всегда бывали редкими и краткими. Помимо этих визитов к королеве, ни один орк никогда не заглядывал в Тайбен. Да и пределы гарнизона они покидали только тогда, когда их отправляли сражаться.

Поговорив с Магта-джаном, Дар встревожилась. Получалось, что орки не смогут оказаться настолько полезными, насколько она рассчитывала. Король Крегант, судя по всему, очень старался отделить орков от их королевы, да и от себя держать подальше. В этом ему помогала неприязнь орков к вашавоки. И снова Дар показалась невыполнимой стоящая перед ней задача.

— Я нашел Ковока, — сообщил вернувшийся Зна-ят.

У Дар радостно забилося сердце.

— Где он? Ты говорил с ним?

— Очень коротко. Я сказал ему, что ты здесь. Он спрашивает, повидаешься ли ты с ним.

— Хай! Хай! Хай! Я пойду к нему прямо сейчас.

— Это будет небезопасно. Вашавоки повсюду.

— Но как же тогда нам с ним встретиться?

— Он сказал: нужно подождать до ночи. После того как вашавоки запирают своих женщин в палате, большинство из них уходят. Поблизости есть пустая казарма. Он будет ждать тебя там.

После того как Зна-ят объяснил Дар, как пройти к пустой казарме, ей оставалось одно — ждать. Весь вечер она просидела одна, потому что орки ушли упражняться во владении оружием. Большинство новичков никогда не брали в руки меч и боевой топор, и их следовало обучить навыкам боя. Дар спряталась в куче переносных шалашей. Оттуда же она потом наблюдала за тем, как испуганные женщины подают оркам кашу. Все женщины, похоже, были клеймены недавно, и никого из них Дар не узнала. Она поела после того, как женщины ушли, и стала ждать наступления темноты.

Когда наконец стемнело, Дар крадучись вышла из казармы. Луна еще не взошла. Дар переоделась в платье вашавоки, спрятала под ним кинжал и с неохотой рассталась с теплыми оркскими сапожками. Ступая босыми ступнями по холодной земле, она опасливо оглядывалась по сторонам. Казармы стояли черными рядами и были едва различимы в темноте. Дар осторожно пробиралась к той казарме, где ее ожидал Ковок-ма. Стояла тишина, казалось, в гарнизоне никого нет. У Дар было именно такое ощущение, пока она не заметила, как кто-то прошел по стене.

«Часовой, — догадалась Дар и подумала: — А зачем тут нужны часовые? От чего он охраняет гарнизон? От нападения врагов? От побега орков? От того и другого сразу?»

Как бы то ни было, часовой был всего один, и, пожалуй, бояться его не стоило.

Дар подошла к пустой казарме. Дверной проем зиял чернотой. Она шагнула в пустую

комнату и сразу увидела бледное свечение зеленых глаз. Она поспешила к этому свету.

— Ковок? — прошептала она.

— Хай.

Дар вытянула руку и прикоснулась к железным латам. Ковок-ма был в доспехах. Дар нащупала его руку и потянула ее к себе, чтобы приложить к груди. Но рука Ковока не поддавалась.

— Ковок?

— Тебе не следовало приходить.

Холодность его голоса поразила Дар.

— Ты сам попросил меня прийти.

— Тебе не нужно было приходить в Тайбен. Ты должна уйти.

— С каких это пор сыновья приказывают матерям и говорят, что матери должны делать? — спросила Дар, стараясь, чтобы вопрос прозвучал игриво.

— Такова мудрость моей мутури.

— Ты говоришь о той самой мутури, которая благословит нас?

— Почему ты говоришь так глупо? — спросил Ковок-ма, — она никогда не благословит нас.

— Я о таком не слышала.

— Разве моя мутури говорила с тобой?

— Тва, но...

— А со мной говорила. Она сказала, что когда кто-то дарит любовь, у него мутнеет рассудок. Вот почему только мутури решают, кого благословить, а кого нет.

Дар снова потянула к себе руку Ковока. Он оставался непреклонен.

— Прикоснись ко мне.

— Это запрещено.

— Почему?

— Мутури так сказала.

Дар было обидно, что она не видит Ковока, а он прекрасно видит ее. Казалось, он прячется от нее.

— Я здесь из-за тебя!

— Я не просил тебя приходить. Уйди и забудь меня.

— Не так это просто. Я не смогу забыть тебя.

— Мутури говорит — забудешь.

— Она ошибается.

— Даргу-ят, ты теперь — мать уркзиммути. Как же ты можешь сомневаться в мудрости мутури?

Дар чувствовал себя брошенной и преданной.

«Одно слово от его мутури — и он отказывается от меня. Как только он мог так скоро перемениться?» И тут у нее мелькнула ужасная мысль.

— Ты ожидал этого! Ты знал, что нас ни за что не благословят!

— Даргу-ят, прошу тебя, прости меня.

— Ты знал! Ты знал!

Даргу замахнулась и ударила по зеленым глазам, но удар пришелся по подбородку Ковока. Ковок-ма не шевельнулся. Дар ударила его еще раз.

Ярость и отчаяние сражались в ее душе.

— Кусок вашавоки! — выкрикнула Дар.

Это было самое обидное прозвище, какое только пришло ей на ум. В следующее мгновение она выбежала из казармы. Ее глаза были залиты слезами. Она бежала, сама не понимая куда, и вдруг кто-то вышел из ночной тени и загородил ей дорогу. Дар была готова метнуться в сторону, но к ее шее прижался кончик лезвия меча.

— Ну и кто же это тут у нас? — спросил солдат, — пташечка пытается улизнуть?

Страх наполнил сердце Дар злостью и тоской. Она знала, что случилось с женщинами-дезертирами.

— Ну ты и храбрая. Думала, удерешь от меня?

— Я не удирала, — отозвалась Дар, — он сказал: если я с ним встречусь, он даст мне туфли.

Солдат уставился на босые ноги Дар.

— Кто?

— Не знаю, как его звать. Я новенькая.

Не опуская меч, солдат шагнул ближе и пригляделся к ее лбу.

— Клеймо-то не новенькое.

— Меня орки привели. Я у них в плену сидела после сражения в Сосновой лощине. Погляди на мой подбородок. Вот как они метят женщин.

— Так ты у орков была?

— Да, и уж ты мне поверь, здесь лучше.

— Ну и где ж ты должна была с тем малым покувыркаться, чтобы туфли себе раздобыть?

— Он насчет покувыркаться ничего не говорил.

Солдат расхохотался.

— Значит, ты еще глупее, чем я подумал.

Дар ждала, что солдат попытается изнасиловать ее. Ее мысли отчаянно метались, она пыталась понять, как ей быть. Она заблудилась, она не знала, в какую сторону бежать. Попытка выхватить кинжал была бы самоубийством. Попытаться уколоть солдата кинжалом она смогла бы, только если бы он попробовал задрать подол ее платья.

«Если я позову на помощь, успеют ли орки добежать до меня вовремя?»

Не уверенная в этом, Дар ждала каких-то действий со стороны солдата. А он удивил ее тем, что убрал меч в ножны.

— Отведу тебя к вашей казарме. Если нас никто не увидит, я тебя не выдам.

— Ох, вот спасибо тебе, — пробормотала Дар.

— Только смотри, больше так не делай. Мужик скорее с тебя чего потребует, чем пару туфель выложит. А тут есть один мердант, так его хлебом не корми — дай бабу выпороть. Пошли. Иди впереди меня.

— Я не знаю, в какую сторону идти.

— Ради Карм! — буркнул солдат, схватил Дар за плечо и развернул лицом к воротам, — топай давай!

Дар зашагала вперед. Солдат спросил:

— А как тебя звать-то, пташка?

— Лела.

— Что ж, Лела, а я Пятипалый, — солдат ткнул в спину Дар кулестей правой руки, — пальцы только на левой руке остались. Потому и торчу здесь.

Дар остановилась перед прямоугольной каменной постройкой с высокими узкими прорезями вместо окон и тяжелой дверью, запертой снаружи на засов. Пятипалый огляделся по сторонам и только потом отодвинул тяжелый железный засов левой рукой. Потом он шепнул Дар:

— Входи, Лела. Скорее!

Дар скользнула в приоткрытую дверь, и дверь за ней закрылась. Она обернулась и услышала звук задвигаемого засова. Комнату освещали только огоньки тлеющих в очаге углей. Пахло дымом, мочой и вшавами. Кто-то тихо плакал. Кто-то храпел, кто-то шевелился во сне, и шуршала солома, толстым слоем лежащая под ногами у Дар, — колючая и влажная. Солома была набросана прямо на каменный пол. Дар присела и стала ощупывать солому. Совсем рядом она наткнулась на лежащую женщину. Она отдернула руку — и тут

же прикоснулась к другой женщине.

Дар легла. Ее затрясло в ознобе. Мир в одночасье изменился. Она лишилась всего, чего успела добиться. Не сразу отступили волны тоски и отчаяния, и Дар успокоилась настолько, что смогла начать оценивать свое нынешнее положение. Она привыкла к тому, что орки честны, поэтому больше всего ее изумляла мысль о том, что кто-то солгал ей — то ли Зор-ят, то ли Кат-ма. Дар было легче думать, что душой покривила мутури Ковока. Она никогда не нравилась Дар.

«Она солгала моей мутури, чтобы избежать шума, а потом использовала против меня то, что сумела разузнать».

Но если солгала Зор-ят, это было намного хуже. Дар не стала задерживаться на этих мыслях, поскольку ей нужно было понять, что делать в ближайшие часы. На рассвете придут солдаты.

«Орки не знают, что я здесь. Если меня разыщут Коль или Тиг, мне ни за что не уйти отсюда живой».

Дар вынула из-под платья кинжал и обвязала веревку, к которой он был подвешен, вокруг талии. Только так она могла подготовиться к утру — это был единственный, отчаянный шаг. Пережить столкновение с мердантами она не смогла бы, но собиралась подороже продать свою жизнь. Дар сожалела о том, что давно не упражнялась с оружием, но о другом она сожалела еще больше.

«Из-за моего промаха погибнут сыновья. Я подвела Мут-ят, мутури и всех уркзиммути».

Как ни расстроило ее расставание с Ковоком, она не могла смириться с мыслью о том, что он погибнет в бою. Но Дар ничего не могла поделать. Ей оставалось только ждать и надеяться на чудо.

Взошла луна. В щели в стенах, служившие окнами и отверстиями для выхода дыма, заструился бледный свет. Дар увидела, что на полу лежат спящие женщины. Их было столько, что хватало для службы в нескольких полках. У дальней стены в очаге мерцали угольки. Там женщины лежали теснее. Только у дыры в полу — отхожего места — было пусто. Плач прекратился. Безмолвная комната стала напоминать поле боя после побоища. Вспомнив о Тви и других погибших подругах, Дар подумала, что эти женщины все равно что мертвы.

«Как и я».

Дар так и не заснула. На рассвете кто-то забарабанил в двери. Поднялась толстуха.

— На кухню! — выкрикнула она и назвала несколько имен. Женщины начали со стонами подниматься, — по дрова! — прокричала толстуха и назвала еще несколько имен, — и остальные тоже подымайтесь. Живо.

— Но, Матта, делать ведь нам нечего, — возразила какая-то женщина.

— Поленицу надо перетаскать на другой конец лагеря.

— Так мы ее вчера перетаскивать закончили.

— Значит, назад перетащите, — буркнула Матта, — лентяек ждет порка.

Все женщины поднялись. Дар затерялась между ними. Она решила попытаться не попадаться на глаза. Двери распахнулись, в комнату вошли несколько солдат. Дар поспешно попятилась назад. Она заметила женщину, стоящую на коленях у отхожего места. Женщину рвало. Дар пристроилась позади нее и сделала вид, будто ее тоже мутит. Солдаты прошли совсем близко. Они отбирали женщин для каких-то работ. Дар продолжала изображать тошноту, покуда солдаты не ушли. Потом она запрокинула голову и поспешно отошла от отвратительно воняющей дыры.

Женщине, которую только что рвало, полегчало. Она распрямилась.

— Дар? — прошептала она, не веря собственным глазам.

Дар обернулась. Сердце у нее ушло в пятки.

— Здравствуй. Нена.

Нена, похоже, собралась что-то сказать, но ее снова начало рвать. Когда приступ тошноты отступил, она простонала:

— Уже две луны я вот так мучаюсь. Помоги мне Карм.

Дар смотрела на свою прежнюю мучительницу и пыталась сообразить, что у той на уме. Однако Дар не почувствовала враждебности. Нена выглядела хворой и несчастной.

— Дар, что с тобой стряслось? Я думала, тебя и в живых-то нет. А кто сделал такое с твоим лицом?

— Орки.

— Как это жестоко!

— Ну я хотя бы жива, — отозвалась Дар.

— Только мы с тобой и уцелели.

Для Дар мелькнул огонек надежды.

— Всех солдат убили?

Взгляд Нены наполнился горечью.

— О, с этими все в порядке! Я хотела сказать, что только мы с тобой уцелели из женщин, — она тяжело вздохнула, — наверно, ты делала то, что было нужно. И я тоже. Ты можешь меня простить?

— Конечно.

— Ты хотя бы не беременна.

— Ребенок от Коля?

Нена скривилась.

— От Тига. Коль швырнул меня ему, как кость собаке.

— И как поживает эта парочка? — поинтересовалась Дар как можно более равнодушно.

— Коль по-прежнему на коне, а Тиг... — Нена невесело усмехнулась, — он мертв.

— Как он погиб?

— Этот выпил бы все, любую гадость, — Нена многозначительно глянула на Дар, — Тарен научила меня кое-чему. Есть такие листья...

— Почему ты рассказываешь мне об этом?

— Мы с тобой будем подругами, — заявила Нена, — я делюсь с тобой моей тайной, чтобы ты знала: ты можешь мне доверять. Ну, так почему же ты вернулась?

Дар сомневалась в искренности Нены, но постаралась своих сомнений не выказывать.

— Орки привели меня сюда.

— Что, ты прискучила своему дружку-страхолюдине?

— Да, и уж больше мне никого не надо.

— И каково это — кувыраться со страхолюдиной?

— Ты не думай, ничего такого не было. Он был нежен и...

— И — что? — с неподдельным интересом поторопила ее Нена.

— Теперь это не важно. А когда должен родиться твой ребенок?

— Не так скоро, чтобы его миновала судьба Фрей.

— Но Фрей отдала хорошим людям, — возразила Дар.

— Нет, не отдала. Коль утопил ее. Он смеялся, когда рассказывал мне об этом.

— Кусок вашавоки! Фас Мут ла так мат фат! — выругалась Дар по-оркски. («Грязный вашавоки! Пусть Мут ла погубит его душу!»)

Нена ошарашенно уставилась на Дар.

— Что ты только что сказала?

— Пусть Карм убьет его грязную душу!

— Да нет у него никакой души, — вздохнула Нена, — уж это я на своей шкуре узнала. Пойдем, нам пора. В казарме почти никого не осталось.

Дар поспешила за Неной. Когда они вышли из казармы, Нена заметила кинжал на поясе у Дар.

— Избавься от него поскорее! Если увидит кто из солдат, тебя сразу выпорют!

Дар порвала веревку, к которой был подвешен кинжал, и лихорадочно огляделась по сторонам в поисках места, где бы спрятать оружие.

— Загороди меня, я его закопаю, — шепнула она.

Дар думала, что Нена побоится рисковать, но та исполнила ее просьбу. Дар вырыла кинжалом небольшую ямку, уложила его туда и присыпала землей.

Нена облегченно вздохнула.

— Вот и хорошо, — сказала она, — выпороли бы тебя — одно это было бы плохо. Но что хуже — Коля узнал бы, что ты тут. Он ненавидит тебя, Дар! На этот раз у тебя нет орка, который тебя спасет!

Дар решила не говорить Нене о Зна-яте и других орках. «Это будет моей тайной», — решила она.

— Как же мне укрыться от него?

— Он сюда не так часто наведывается, — сказала Нена. — Жизнь в лагере — не то что на марше. Порядки строже, и солдаты не докучают нам, пока мы делами заняты.

Дар и Нена присоединились к женщинам, которые встали в цепочку к большой пленнице. Все утро они перетаскивали дрова с одной стороны лагеря на другую. Когда выпадала минутка поговорить, они говорили.

Нена зимовала в Тайбене в прошлом году, и она рассказала Дар о том, чего тут можно ждать. Солдаты приглядывали за женщинами днем, но в остальном не докучали.

— Человек Королевы терпеть не может брюхатых баб, — сказала Нена, — поэтому дал приказ на ночь запирают нас. Покувыркаешься с кем — тебя могут выпороть, — Нена думала, что Дар может какое-то время остаться незамеченной для Коля, но не так уж долго, — клеймо у тебя старое, а тех, кто давно служит, ставят старшими над новыми паленками. Значит, придется встречаться с мердантами.

Чем больше узнавала Дар, тем больше уверялась в том, что обречена. Она подумала, не спрятаться ли среди орков, но этим она могла спасти себя только на время. Впервые за все время орков призвали в войско посреди зимы. Рано или поздно орков должны были отправить воевать, и тогда Дар уж точно негде было бы спрятаться.

— Я знаю безопасное место для тебя, — сказала Нена, когда они отнесли к новой пленнице по очередной охапке дров.

— Где?

— В Тайбене.

Дар фыркнула.

— Ну уж конечно. Прямо сейчас и пойду.

— У тебя же есть знакомый — тот гвардеец, что брал тебя на работу в королевскую кухню.

— Он, наверное, погиб.

— А может, нет.

— Жив он или нет, все равно. Он ни за что не узнает, что я здесь.

— Я знаю кое-кого, кто может передать весточку.

— Нена, почему ты делаешь это?

— Я ненавижу Коля так же сильно, как он ненавидит тебя. Мне хочется навредить ему.

— Ты поможешь мне и этим навредишь ему?

Нена усмехнулась.

— Да! То, что ему больше всего хотелось бы узнать, я от него скрою.

30

Дар гадала, не произошло ли чудо. Помощь Нены выглядела так же неожиданно, как и то, что она так к ней переменилась.

«Неужели она действительно стала другой? — думала Дар, и ей казалось, что это возможно, — ведь она могла бы предать меня, и я бы никогда об этом не узнала».

Это казалось Дар более веским доказательством того, что Нене можно доверять, чем признание той, что она отравила Тига. Легко было поверить и в то, что Неной движет жажда мести. Это было вполне в ее характере.

И все же Дар вела себя осторожно — в особенности с тем человеком, который, как сказала Нена, мог передать весточку в Тайбен. Этот солдат появился рядом с Дар, когда она несла охапку дров.

— Слыхал, тебе надо что-то кое-кому передать, — негромко проговорил солдат, — не останавливайся и говори.

Дар бросила взгляд на солдата. Ей не очень понравилось его неумытое лицо, но он был ее единственной надеждой.

— Весточка для одного гвардейца, — сказала Дар, — сможешь передать ему мои слова?

Солдат презрительно скривился.

— Красавчик, поди, какой-нибудь? Ну да, знаю я, где они выпивают.

— Он мердант. Светловолосый, высокий. Когда я его видела в последний раз, у него была короткая борода. Его зовут Крон.

— И что мне ему сказать?

— Попроси его передать его земляку, что мать Тви здесь и что ей нужно попасть в Тайбен.

— Это загадка какая-то, а не весточка. Кто это его земляк?

— Крон поймет. А тебе этого знать не надо.

— Ну, как хочешь, — пожал плечами солдат, развернулся и зашагал прочь.

Как только появилась надежда покинуть лагерь, Дар стала сильнее бояться того, что ее узнают. Только работа помогала ей хоть немного унять волнение. Конечно, ее весточка могла добраться до Севрена — если вообще доберется — за несколько дней, и нужно было просто ждать, но Дар решила как можно лучше подготовиться к возможному побегу. Когда настало время нести еду оркам, Дар выбрала ту казарму, где жил Зна-ят. Как только принесли кашу, она убедила паленка, что справится сама. Девушки ушли. Дар проговорила:

— Еда — это дар Мут ла. Сегодня вы возьмете еду сами. Мне нужно поговорить с моим братом о нашей королеве.

Потом они со Зна-ятом поговорили наедине.

— Почему ты не вернулась? — спросил Зна-ят.

— Ты говорил с Ковоком?

— Хай. Он сказал, что ты убежала.

— Он сказал тебе почему?

— Хай, Даргу. У меня тяжело на сердце.

— У меня тоже. Но я нашла способ, как повидаться с нашей королевой. Мне нужно какое-то время пожить среди вашавоки.

— Это не опасно?

— Опасно везде. Но я думаю, таков мой путь.

Зна-ят поклонился Дар.

— Чем я могу помочь тебе?

— Жди от меня вестей. Может быть, вести будет передавать вашавоки.

— Жен-счина?

— Может быть, волосатолицый.

— Я буду ждать и сделаю все, что ты скажешь.

Дар была готова встать и уйти, но еще немного задержалась.

— Зна, может случиться так, что я больше никогда тебя не увижу. Если выйдет так, то ты помни... — она провела рукой по щеке Зна-ята, и у нее на глаза навернулись слезы, — помни, что я была рада и горда называться твоей сестрой.

Дар лежала на устланном соломой полу в женской казарме. Хотя она сильно устала

после целого дня переноски дров, ей не спалось — она слишком сильно волновалась. Жить среди женщин было небезопасно, но если она ждала помощи от Севрена, она должна была находиться там, где он сможет разыскать ее. Сомнения мучили ее, несмотря на то что она вроде все делала правильно.

«Может быть, Севрен погиб или живет где-то еще. Если он жив, если он здесь, может быть, у него есть женщина».

Дар удивилась тому, почему эта мысль не пришла ей в голову раньше.

«И вообще: с какой стати он захочет помогать мне? Из-за того, что я его один разок поцеловала? Какая же я глупая. К тому же я его так долго отталкивала, не давала ему никаких надежд. А если он согласится мне помочь, чего он может потребовать за свою услугу?»

Ответ напрашивался сам собой.

«Нет-нет, — уговаривала себя Дар, — Севрен — это не мердант Коль. Он не станет брать меня силой».

Но все равно у нее оставались сомнения.

«Как я могу быть настолько уверенной?»

И Дар осознала, что ни в чем не уверена. Как в игре, она бросила кости. Только время покажет, как они лягут.

Следующий день был наполнен тяжким трудом и волнениями, но ничего особенного не произошло. Дар старалась держаться подальше от чужих глаз и не вызывать подозрений, но опасалась, что татуировка у нее на подбородке привлекает внимание. Вечером она не подавала еду оркам. Дар чистила большие котлы для варки каши, радуясь, что, когда она отскребает горелую корку изнутри, никто не видит ее лицо.

Третье утро жизни Дар в женской казарме началось точно так же, как два предыдущих. Кто-то забарабанил в дверь. Матта встала и принялась выкрикивать имена женщин, назначая работу на кухне или у костра, а остальным велела снова перетаскивать поленницу. Открылись двери. Снаружи стоял мердант. Позади него — трое гвардейцев, один из них — верхом на коне.

— Слушайте хорошенько! — крикнул мердант, — вот лакомый кусочек для везучих сучек. У этих гвардейцев есть стойла, и эти стойла надо вычистить. Работенка под крышей, с чудесным теплым конским дерьмом. Кого выберут — шевелитесь поскорее.

На коне сидел мердант Крон. Он начал указывать на разных женщин. Казалось бы — без разбора.

Он негромко произносил:

— Вот эта.

И мердант из гарнизона говорил выбранной женщине, чтобы она вышла вперед. Крон отобрал уже дюжину женщин, и Дар начала волноваться, что ее не выберут.

«Может быть, он не видит меня!» — в страхе думала она.

Но тут мердант Крон указал на нее.

— Вот эта.

Дар поспешила к женщинам, собравшимся в кучку позади коня. Нена шепнула:

— Удачи тебе.

Мердант Крон отобрал еще пятерых женщин для чистки конюшен и протянул мерданту из гарнизона мешок. Похоже, в нем звякнули бутылки.

— За твою помощь, — сказал Крон.

Мердант заглянул в мешок и ухмыльнулся.

— Всегда с превеликим удовольствием готов услужить гвардии. На целый день они твои.

Мердант Крон обратился к собравшимся около него женщинам:

— Идите за мной, — с этими словами он тронул с места своего коня и направился к воротам. Часовым Крон вручил еще один мешок. Пока часовые отпирали ворота, Крон сказал женщинам: — Держитесь рядом, потеснее, и чтоб без глупостей. За этими стенами за

голову каждой из вас назначена награда.

Он выехал через открытые ворота. Клейменные женщины последовали за ним. Двое пеших гвардейцев зашагали по обе стороны от женщин, будто собаки около стада овец.

Зна-ят провожал Дар взглядом. Он сидел в пустой казарме и следил за зданием, где жили женщины, с тех пор, как Дар поговорила с ним. Зна-ят был облачен в доспехи, у него на коленях лежал вынутый из ножен палаш. Вид у него был угрожающий, и никто не отваживался приблизиться к нему. Впервые в жизни Зна-ят жалел о том, что не понимает речи вашавоки: знание языка очень помогло бы ему понять то, что он только что увидел.

«Даргу не выглядела напуганной, — размышлял Зна-ят, — быть может, она все так и задумала!»

Он увидел вашавоки в сине-красной форме и вспомнил: «Даргу и Тави раньше ходили к ним. Может быть, они не такие, как остальные вашавоки. Наверное, мой двоюродный брат знает точно».

Зна-ят встал и пошел искать Ковока.

Ковок-ма стоял один посреди плаца и равномерно ударял мечом по вбитой в землю колоде. Звук каждого удара эхом разносился по гарнизону. Он как раз собрался нанести очередной удар, как вдруг услышал, как кто-то сказал:

— Наверное, ты очень зол на эту колоду.

Ковок-ма резко обернулся.

— Сын сестры отца, что привело тебя сюда?

— Вашавоки увели Даргу.

Ковок-ма ударил мечом по колоде с такой силой, что расколол ее надвое.

— Это моя вина! Она пришла сюда из-за меня! Она думала, что нас благословят.

Зна-ят с любопытством посмотрел на двоюродного брата.

— А почему она могла так подумать?

— Не знаю, — ковок-ма опустил плечи, словно его доспехи вдруг стали тяжелее, — я сказал, что она глупая.

— Даргу-ят какая угодно, только не глупая. Я думаю, она сама хотела, чтобы вашавоки увели ее. Они были одеты в красно-синие мундиры.

— Эти солдаты охраняют короля-вашавоки. Зачем Даргу могла пожелать пойти с ними?

— Она хочет увидеть нашу королеву. Не только из-за тебя Даргу пришла в Тайбен. Моя мутури сыграла свою роль.

— Это не важно, — сказал Ковок-ма, — от слов Даргу у меня до сих пор болят уши. Она назвала меня... — он стал еще более несчастным, — я попрошусь на войну. Убью много вашавоки.

— Потому что хочешь погибнуть сам? Помнишь наш разговор в Таратанке? Ты знал, что этот день настанет.

Ковок-ма опустил голову.

— Даргу сказала то же самое.

— В Таратанке ты сказал, что твои чувства — деяние Мут ла. Я думаю, ты говорил мудро. Будь и теперь мудрым. Мут ла не могла так изменить твое сердце, чтобы ты искал смерти.

— С каких пор тебе ведома воля Мут ла?

— Я знаю, что Даргу-ят идет тропой Мут ла. Думаю, что нам с тобой следует идти за ней.

— Но как?

— Оставайся здесь — и узнаешь.

Нена несла охапку дров. Вдруг кто-то подскочил к ней сзади и облапил. Она резко

развернулась и увидела того солдата, который передал от Дар весточку в Тайбен. Солдат похотливо ухмыльнулся.

— Я видел, как твоя подружка-сучка ушла. Хочу получить плату.

— Убери от меня руки! — прошипела Нена, — нас могут увидеть!

— Я слыхал, что у часовых на воротах есть бренди. А мне только покувыркаться полагается?

— Где же я возьму бренди? Бренди гвардеец принес.

— Я полночи этого красавчика искал. А они только ворота открыли.

— Если нас увидят, меня выпорют.

— Будь они трижды прокляты, эти правила! Быть на побегушках, а потом за это получать то, что мне положено иметь даром!

Нена изобразила соблазнительную улыбку.

— Ты будешь рад, что передал эту весточку.

— Ну так поторопись и порадуй меня. Есть одна пустая казарма...

— Сначала ты должен сделать кое-что еще.

— Ты ничего такого не говорила насчет «кое-чего еще»!

— Просто я хочу узнать, что за весточку она передала.

— А может, я забыл.

Нена шагнула ближе к солдату и негромко, со старательно разыгранной страстью проговорила:

— Я сделаю так, что ты будешь очень-очень рад, что не забыл.

— «Передай своему земляку, что мамаша Твит хочет попасть в Тайбен». Кажись, так она сказала.

— И кому нужно было передать эту весточку?

— Мерданту одному. Крон зовут. Скажи, а к чему это все?

— Это мое дело.

— Карм тебя подери! Вот и она так же сказала! Все вы, сучки, заодно. Хитрые, заразы. Клянусь, Нена, а ты — самая хитрющая. Или ты порки не боишься, что готова такое сделать ради подружки?

— Какой еще подружки? — спросила Нена и улыбнулась, — ну где она, эта пустая казарма?

31

Гарнизон располагался недалеко от Тайбена, но и не совсем рядом. Дар и остальные женщины сначала шагали по открытой плоской равнине, а потом дорога круто пошла на подъем по склону холма, на котором стоял обнесенный крепостной стеной город. Тяжелые ворота были открыты, но охранялись, и перед ними выстроились чередой пешие и конные в ожидании, когда их впустят в Тайбен. Мердант Крон подвел своих подопечных прямо к воротам, и часовые сразу их пропустили.

Кроме этого города Дар видела только Таратанк. Столица короля Креганта отличалась от оркского города почти во всем. Главное — Тайбен был живым городом. Мощеные улицы были заполнены народом. На Дар нахлынули волны шума, криков, запахов. Дома в Тайбене стояли беспорядочно — они словно бы росли вдоль улиц, как грибы на упавшем гнилом дереве. Новые здания теснили старые, а многие из старых выглядели так, словно вот-вот рухнут.

Оказавшись за городской стеной, мердант Крон погнал коня быстрее, и женщинам пришлось ускорить шаг, чтобы поспевать за ним. Они старались держаться ближе друг к дружке, боясь того, что кто-то сумеет изловить любую из них, чтобы потом обменять клейменую голову на горстку монет. Дар заметила нескольких мужчин, которые показались ей вполне способными на такое. После недолгого пути по тесным извилистым улочкам Дар увидела впереди еще одну стену — с воротами, обитыми железными шипами. Эти ворота

были заперты, по обе стороны от них стояли часовые-гвардейцы. Процессия остановилась.

— Я — гвардии мердант Крон, со мной женщины, отобранные для чистки конюшен.

Часовые открыли ворота. Дар и остальные женщины прошли коротким туннелем и вышли на площадь. С трех сторон площадь замыкали всевозможные постройки — казармы, склады, мастерские и конюшни. Здания стояли впритирку, как и в городе. С четвертой стороны площади высился дворец — высокий, увенчанный башнями. Снизу он был сложен из дикого камня. В кладке были проделаны узкие бойницы. Но верхние этажи были украшены балконами, террасами и окнами.

Конюшня представляла собой низкую одноэтажную постройку и занимала одну сторону площади почти целиком. Одна из нескольких больших дверей была открыта, к ней и повел женщин мердант Крон. Мердант ничем не выдал, что узнал Дар, ни сначала, ни теперь, когда стал давать женщинам работу. Он повел их по проходу между стойлами и стал распределять по двое или по трое. Наконец осталась одна Дар.

— Иди за мной, — приказал Крон и вошел в помещение, заваленное сеном. На одной из куч сена сидел Севрен, — надеюсь, она стоит всех наших стараний, — сказал Крон.

Севрен поднялся. Он не спускал глаз с Дар. Обычная словоохотливость покинула его, он словно лишился дара речи. Вместо него к Дар обратился Крон:

— Ну, девица, почему ты вернулась?

— Орки меня привели.

— И почему же они так поступили? — осведомился Крон, — его величество снабжает их женщинами.

Дар не знала, как лучше ответить, поэтому промолчала.

— Там, в том лагере, до сражения, тебя называли «оркской шлюхой», — сказал Крон и обратился к Севрену, словно бы продолжая начатый спор, — может, она и есть полковая шлюха.

— Орки не держат при себе шлюх, — возразила Дар.

— Тогда зачем ты пришла?

— Меня привела верность.

— Кому? Нашему королю? Твоему полку? Севрену?

Последнее слово Крон произнес с особенной издевкой.

— Моим товарищам, — ответила Дар и сразу пожалела, что не придержала язык.

Крон улыбнулся и многозначительно посмотрел на Сверена.

— Как я понимаю, ты имеешь в виду орков. Но почему же тогда ты решила покинуть их?

— Чтобы спасти себе жизнь. Тот мердант, которого я когда-то отвергла, служит в гарнизоне. Он поклялся убить меня, и он не шутит. Он уже пытался это сделать.

Наконец Севрен заговорил:

— Дар говорит правду. Я знаю этого человека. Все знают, каков мердант Коль.

— Да, плеткой помахать он любитель, это я слышал, — кивнул Крон, — но, Севрен, сейчас дела не так обстоят, как раньше, и ты это знаешь, — он повернулся к Дар, — я мердант королевской гвардии. Мой долг — служить королю, а ты его собственность. Мои люди не имеют права забирать женщину из королевского полка, даже если она утверждает, что ее жизни грозит опасность.

— Я могу служить королю, как прежде, — сказала Дар, — я умею готовить еду.

— Поваров и поварих у нас хватает.

— Я умею готовить оркские блюда, а у короля гостит королева орков. Я смогла бы готовить ее любимые угощения.

Крон пожал плечами.

— Я поговорю с Давотом. Кто знает? Может, ты ему понадобишься. Но сильно не надейся.

С этими словами он вышел.

— Не обижайся на Крона, — сказал Севрен, — он волнуется, но все же он привел тебя

сюда. Это он придумал привести тебя с еще несколькими женщинами, чтобы не заметили.

— И все же он не одобряет того, что я здесь.

— Он считает, что я совершаю глупость. Может и так, — Севрен шагнул к Дар. Ей показалось, что он хочет обнять ее, но, заметив, как она напряглась, он сдержался, — а что у тебя на подбородке? — спросил он.

— Это татуировка моего клана. Теперь меня зовут Даргу-ят, и у меня есть оркская семья. Мать. Отец. Сестры и братья.

— И муж есть?

— Нет.

Севрена ответ Дар явно порадовал. Он протянул руку и нежно провел кончиками пальцев по линиям орнамента на подбородке Дар. Казалось, он пользуется этим, как предлогом для того, чтобы прикоснуться к Дар.

— Я рад, что ты здесь, — сказал Севрен, — но мне грустно. Приятно было думать, что ты счастлива и свободна.

— Было некоторое время, когда я была и счастлива, и свободна.

— Но ты возвратилась.

— Мне пришлось возвратиться, — дар решила рискнуть и отчасти раскрыть правду, — королева орков — сестра моей матери. Мне надо узнать, здорова ли она.

Севрен вздернул брови.

— На особу королевских кровей ты не очень похожа.

Дар его замечание обидело. Поджав губы, она проговорила:

— Нет, не похожа.

Услышав обиду в голосе Дар, Севрен осознал свою ошибку.

— Я только хотел сказать, что ты так одета... и босая. Так не бывают одеты родственники королевы. Вот и все.

Дар промолчала. Севрен попытался сменить тему разговора.

— Я сдержал свою клятву, — сказал он, — я искал тебя и Тви после боя. Я нашел место погребения Тви и догадался, что ты осталась в живых. Все время с тех пор я гадал, как ты, где ты, что с тобой.

— Я сказала оркам, что отведу их домой. Я так и сделала. Мы добрались до гор Уркхайт, а потом пошли на восток, на их родину.

— Ты вела их?

Дар устало улыбнулась. Удивление Севрена позабавило ее.

— Орки не такие, как люди. Они слушаются женщин.

— Что ж, они мудро себя повели, что слушались тебя, — сказал Севрен, — и как тебе после возвращения?

— Это оказалось хуже, чем я могла себе представить.

— Я надеялся, что ты вернулась ко мне.

Прямота Севрена удивила Дар, и она ответила осторожно:

— После того сражения я была словно листок на ветру. Вот теперь меня занесло сюда.

Севрен потупился.

— Глупо было надеяться.

— Я никогда не забывала о том, как ты был добр к Тви и ко мне, — призналась Дар, — вот почему я передала тебе весточку.

— Что ж, придется удовольствоваться тем, что ты по-прежнему ко мне хорошо относишься.

Дар улыбнулась. Ей больше понравилась сдержанность Севрена, чем его искренность.

— А что было с тобой после того сражения?

Севрен помрачнел и перешел на шепот:

— Все пошло плохо. Мне не нравится служить в гвардии. Знаешь, король послал орков в храм Карм, чтобы они разрушили и ограбили его.

— Я слышала об этом.

— Эта святыня стояла в королевстве Файстава, но это не оправдание — ведь богиня правит всем миром. Люди винят орков, но приказ-то отдали люди, и люди на этом нажились. Но только не я, — поспешно добавил Севрен, — я держался в стороне и ничего священного не взял. То платье, которое я тебе подарил, — вот и вся моя военная добыча.

— Наверное, остальные повели себя не так набожно.

— Верно. И после их святотатства беды не закончились. Народ недоволен. Крегант натравливает орков на своих подданных.

— Но зачем ему понадобилось такое? Почему он дал приказ ограбить храм?

— Одни говорят — он так поступил из-за жадности, и отчасти они правы. Но я думаю, больше тут виноват Кровавый Ворон.

— Колдун?

— Да. Как только он погадает на костях и скажет, что надо делать, Крегант его слушается, как пес.

Дар похолодела. Она вдруг вспомнила слова Веласа-па: «Есть человек, который гадает на костях. Он — твой враг, но его кости — еще более страшные враги».

Севрен с тревогой смотрел на Дар.

— Ты побледнела, — проговорил он.

Дар ничего не успела ему ответить. Возвратился Крон и привел с собой Давота. Увидев Дар, тот улыбнулся.

— Я тебя помню, — сказал он, — а как твоя маленькая подружка поживает?

— Она умерла, — ответила Дар.

Давот, похоже, огорчился.

— Ох... — покачал он головой, — мне так жаль. Так жаль, — он помедлил, собрался с чувствами, — мердант Крон говорит, ты умеешь готовить оркскую еду.

— Меня научили на их королевской кухне.

— Правда? Как странно. И как удачно. А то ведь оркская королева ничего не ест, — признался Давот, — и это плохо. Правда. Придворный маг очень недоволен, — давот едва заметно пожал плечами, — просто очень недоволен. Может, у нее от оркской еды аппетит лучше станет.

— Ну, так нужна она тебе? — осведомился Крон.

— Пусть девушка попробует, — давот посмотрел на Дар, — имя твое подскажи.

— Дар.

— Что ж, Дар, ты сможешь спать на кухне вместе с посудомойкой.

— Спасибо.

— Ну тогда, считайте, договорились, — кивнул Крон, — а его величеству, получается, и возражать не с руки — ведь Дар, выходит, и теперь будет орков обслуживать.

Давот отвел Дар в постройку с печной трубой на крыше, стоящую рядом с дворцом. Как только он открыл дверь, из кухни, похожей на пещеру, на Дар хлынул теплый воздух, дровяной дым и аппетитные ароматы. К дальней стене кухни были пристроены очаги такого размера, что в каждом из них могли бы встать несколько человек. Над одним очагом висела на вертеле туша кабана, две женщины старательно поворачивали вертел. Кроме очагов в кухне стояли печи, сложенные из кирпича, и металлические плиты, но большую часть свободного места занимали столы. Возле них стояли повара-мужчины и готовили изысканные блюда. На долю женщин отводилась работа попроще.

— Здесь мы готовим для всех, кто живет во дворце, — сказал Давот, — все — от каши до жареных павлинов.

— А как насчет муттуфы, камбега и жареного паши? — спросила Дар.

— Никогда про такое не слышал.

— Это все оркские блюда.

— Понятно, — рассеянно кивнул Давот.

Кухня была его царством, он отвечал за все, что тут делалось. Обведя кухню взглядом, он сразу увидел, что нужно доделать, а что — сделать иначе. Он тут же принялся

расхаживать по своим владениям и отдавать приказания. Дар держалась позади него. Давот так увлекся своим делом, что, похоже, забыл про нее. Не сразу он снова обратился к ней.

— Что тебе надо, чтобы начать готовить? — спросил королевский повар.

— Кастрюля и продукты, — ответила Дар, — но я знаю только, как они называются по-орски. Кажется, это...

— Вина! — гаркнул Давот. К нему поспешно подбежала полная пожилая женщина, — вина, это Дар. Она будет готовить для оркской королевы.

— Девчонка будет готовить?

— Только для оркской королевы, — уточнил Давот, — дай ей все, что нужно.

С этими словами он отвернулся и занялся другими делами.

Вина взглянула на клеймо на лбу Дар.

— Слыхала я про таких, как ты, — проворчала она, — может, ты стряпала для орков и солдатни, а тут королевская кухня.

— Кухня королевская, да только здесь не умеют готовить настоящую оркскую еду, — ответила Дар, — вот почему Давот привел меня сюда.

Вина буркнула:

— Он велел мне помочь тебе, и я помогу. Но нос не задирай. Помимо готовки будешь работать как все остальные девушки.

Вина отвела Дар в кладовую. Там Дар нашла кое-какие продукты, которые могли ей пригодиться. Белым корнем здесь называли паши, а брак называли земляным орехом. Некоторые специи годились для приготовления оркских блюд. Дар отобрала продукты, чтобы приготовить брак, обжаренный в масле со специями. Она поджарила это блюдо на одном из очагов, там же запекла паши.

Когда наступило время ужина, слуга забрал приготовленную Дар еду, и она смогла заняться другой работой. Надев синий фартук поверх платья, она помогла слугам относить еду в пиршественный зал. Слуги ходили во дворец особым путем — по хитросплетению узких коридоров и лестниц, помогавших им передвигаться так, что их не видел никто из придворных. Коридоры были освещены тускло, поэтому, когда Дар вошла в пиршественный зал, яркий свет ее почти ослепил. Она поставила большой серебряный поднос с фруктами, пропитанными вином, на сервировочный стол и изумленно огляделась по сторонам.

Большой, украшенный резьбой и лепниной зал был наполнен шумно переговаривающимися людьми. Здесь из-за какой-нибудь сплетни или того, что кто-то занял не свое место за столом, могла круто перемениться жизнь человека. Похоже, поглощая угощения и напитки, все держали нос по ветру. В этой обстановке Дар ничего не значила и потому была как бы невидима.

Главный стол стоял на возвышении у дальней стены зала. Все, кто находился за этим столом, сидели лицом к остальным. Посередине восседал на троне король Крегант. По одну сторону от него сидела королева, по другую — придворный маг. Рядом с королевой сидел мальчик зим восьми от роду. Кроме них за королевским столом сидело с десяток мужчин в богатых одеждах. Ниже, под прямым углом к королевскому, стояли три длинных стола. За ними сидели люди, одетые попроще, и блюда на этих столах стояли не такие роскошные. По залу сновали слуги в синих ливреях, они разносили яства и подливали гостям вино. Один из слуг заметил, что Дар стоит с раскрытым ртом, и стукнул ее половником.

— А ну ступай! — рявкнул слуга, — нужно еще другие блюда принести!

Дар поспешно направилась к двери, но, когда слуга отвернулся, она оглянулась и снова устремила взгляд на королевский стол. Больше всего ее интересовал один человек — маг.

«Вот мой враг», — подумала Дар.

Даже отсюда, с другого конца зала, старик колдун выглядел зловеще. Он явно действовал угнетающе на тех, кто находился рядом с ним. У короля вид был невеселый, а королева казалась напуганной. Дар еще немного задержалась — до тех пор, пока колдун не поднял голову так, словно его потревожил неожиданный шум, и не посмотрел в ее сторону. Дар торопливо попятилась и ушла по полутемному коридору.

Когда Дар вернулась в кухню, Вина велела ей вымыть котлы и кастрюли. Дар принялась за работу. Мало-помалу в кухне становилось все тише и тише. Работники расходились. Приготовив последнее угощение, уходили повара. Вскоре слуги принесли из дворца грязные тарелки и блюда. Остатки еды откладывали или отдавали работникам на ужин. Дар поела, потом снова принялась за мытье посуды. Через какое-то время на кухне остались только Дар и посудомойка Би — оборванка, похожая на полоумную: она всегда была неестественно весела. Усмехаясь, она помогла Дар перевернуть большие котлы, чтобы они как следует просохли.

— Вيني говорит, что ты будешь спать со мной.

Дар это предложение не слишком порадовало, потому что от Би неприятно пахло.

— Тебе не обязательно делить со мной постель. Я найду себе другое место.

— Так я же не против. Правда! Тоути спит со мной. Он ловит и ест крыс.

Дар хотелось верить, что Тоути — кот. Она услышала, как со звоном упала сковорода.

— Это Тоути. Вот он, Тоути, — пробормотала Би и указала на серого кота, трущегося о ее ногу.

Дар обвела кухню взглядом. На ночь здесь погасили все лампы, кроме одной. Да еще тлели угли в очагах. Кругом лежали тени, и одна из теней вдруг задвигалась. Заметив ее, Би попятилась в угол. Дар не тронулась с места.

— Кто здесь? — громко спросила она.

— Это я, не бойся.

— Севрен? Что ты тут делаешь?

Тень превратилась в гвардейца. Он держал в руках пару туфель.

— Хочу дать тебе туфли.

— Зачем?

— Во дворце холодный пол.

— И что ты хочешь взамен?

— Я пришел не затем, чтобы торговаться. Это подарок.

Дар растерялась, но взяла туфли. Они были совсем новые.

— Спасибо.

Севрен улыбнулся.

— Примерь их, они не кусаются.

Дар надела туфли. Сшитые из мягкой кожи, они подошли ей по размеру.

— Ты не доверяешь мужчинам, — сказал Севрен.

— Это трудно после всего, что мне довелось пережить.

— Этому можно научиться, если у тебя будет хороший учитель. Ты доверилась мне настолько, что передала весточку.

— Верно.

— А где ты спишь? — спросил Севрен.

— У посудомойки есть матрас. Мы ляжем на нем вдвоем.

— Не стоит ее беспокоить. Я поговорю с Давотом. Тебе не обязательно спать здесь.

— Предлагаешь мне свою постель? Нет уж, спасибо.

— Ты можешь спать на ней одна.

— Нет!

— Почему ты хочешь поверить мне еще раз? Никто тебя не тронет. Ты будешь в безопасности.

— Я и здесь в безопасности.

— Если передумаешь, казарма гвардейцев стоит на площади, по соседству с кухней. Моя комната на втором этаже.

— Не передумаю.

Тут Дар почувствовала, что ведет себя неблагодарно. Севрен заставил ее чувствовать себя неловко, но он не пугал ее.

«Он никогда не давал мне повода не доверять ему», — подумала Дар, порывисто чмокнула Севрена в губы и поспешно ушла.

Этот поцелуй удивил ее саму не меньше, чем Севрена.

Королева Гирта постучала в дверь покоев мужа. Она знала, что король пьян. Он мог разозлиться и повести себя с ней жестоко, но когда он был пьян, то становился болтливей. Гирта рискнула обратить на себя его ярость только потому, что была в отчаянии.

— Кто там? — проворчал король. Увидев жену, он прищурился, — чего тебе?

Гирта произнесла самым робким тоном, на какой только была способна:

— Милорд, ходят слухи, что в башню к Отару отвели еще одного ребенка.

— И что?

— Пропал сын леди Ровены, — сказала Гирта.

Она увидела, как побледнел ее супруг, и ужас охватил ее. «Он знает, что произошло!» — догадалась она. Гирта огромным усилием сдержалась и проговорила:

— Вы думаете, что Отар... Неужели он мог...

— Откуда мне знать? — рявкнул Крегант.

— Но, милорд, он ваш придворный маг.

— Мой? — Король горько рассмеялся, — ты королева. Сама спроси его.

— Не могу. Я боюсь его.

Крегант наполнил опустевший кубок и выпил вино залпом, словно его мучила жажда. Он уставился на жену осоловелыми глазами.

— Когда-то я думал, что он мой слуга. В травах целебных что-то понимает. И все. А потом... — лицо короля исказила гримаса отчаяния, — эти проклятые кости!

— Они изменили его, — тихо произнесла Гирта, — и не только его лицо. От него теперь исходит холод — словно ветер дует с Темной тропы.

— Думаешь, я этого не замечаю? Я теперь к ужину одеваюсь в меха. Этот человек холоден как лед — если он еще человек.

— Избавьтесь от него, милорд!

Крегант поежился.

— Не могу.

— Потому что он отравил вашего отца по вашей просьбе? — Об этом Гирта только догадывалась, но ей хотелось услышать, что ответит ее супруг.

Крегант был слишком сильно пьян, чтобы уловить издевку в вопросе жены.

— Слишком поздно меня в этом обвинять. Теперь я король.

— Так почему тогда ты не можешь избавиться от него?

— Слишком опасно. Он может встать на сторону моих врагов.

— Не сможет, если будет мертв.

Король Крегант снова подлил себе вина.

— Кости предупредят его. К тому же он мне нужен. Есть опасность. Мой заклятый враг вернулся.

— Какой враг?

Крегант тупо уставился на жену.

— Какой враг, спрашиваешь? Пока непонятно. Отар его ищет. Но ему нужна кровь. Жутко много крови.

Голова короля упала на грудь, и он заснул.

Гирта с отвращением смотрела на своего пьяного супруга. Она не любила его, королевские браки не имеют ничего общего с любовью. Этот союз устраивал отца Гирты, а она, выйдя за Креганта, получила корону. Выходя замуж, Гирта думала, что корона — это не более чем груз на голове. Со временем она узнала, что этот груз гораздо более тяжок. Только сын стал для нее светом в окошке, только он не огорчал ее. Сына Гирта любила страстно, и

всякий враг короля в ее понимании грозил также и принцу. Да, Гирта была уверена в том, что человек, который вызывал у нее такое отвращение и которого она так боялась, убил сына ее лучшей подруги, но ей хотелось надеяться, что смерть этого несчастного мальчика не была напрасной. Если с помощью своего колдовства маг сумел найти врага короля, это благо для принца. Эта надежда проливали хоть какой-то свет на мучительный вопрос, стоящий перед королем: даже от демонов бывает какая-то польза.

33

Дар спала на краю матраса Би, когда ее пришел будить Давот. Он улыбался от уха до уха.

— Все до кусочка! — воскликнул он, — она съела до последнего кусочка все, что ты приготовила!

Дар сонно заморгала. За окнами еще было темно.

— Это хорошо, — проговорила она.

— К пирогу с дичью, к винным ягодам даже не притронулась — ничего не стала кушать с королевского стола. А твоя еда ей по вкусу пришлась. Нахваливала. Так что я тебе завидую.

— Ничего особенного я не сделала.

— Может, и так, но теперь ты, считай, принята на работу. Будешь стряпать для оркской королевы и сама будешь подавать ей еду.

— Подавать еду королеве? Но сначала мне нужно будет выкупаться.

— Да. Я про это знаю. Для мытья у нас есть особая комната. И свежая одежда найдется. Она же тут давно уже.

Дар обрадовалась и решила воспользоваться хорошим настроением Давота.

— Мне нужно больше оркских специй. Это поможет мне готовить более вкусные блюда для королевы.

Давот нахмурился.

— А где же мне взять эти специи?

— В гарнизоне есть орк, который принесет мне эти специи, если я попрошу его.

— Оркам нельзя приходить в город без разрешения короля.

— Мы могли бы встретиться за воротами. Но нужно, чтобы меня кто-то проводил.

Давот понимающе улыбнулся.

— Может, Севрен?

— Он подойдет.

— Я все устрою. А пока подумай, что приготовить ей на обед.

Давот поспешно удалился. Дар встала, надела новые туфли и позавтракала остатками хлеба. За едой она гадала, куда приведет ее все, что случилось в последние дни. У нее возникло неприятное ощущение — казалось, ее приход в Тайбен был заранее предreshен.

«Зачем бы иначе Веласа-па стал предупреждать меня насчет колдуна?»

Дар до сих пор не понимала, почему Веласа-па особо упомянул гадальные кости.

«Я слышала рассказы о разных колдовских амулетах. Но как такие предметы могут быть чьими-то врагами?»

Дар ничего не знала об особо сильной магии. Мысль о том, что такая магия может быть направлена против нее, пугала ее не на шутку.

Севрен пришел, когда Дар готовила муттуфу. До полудня еще оставалась пара часов.

— Давот сказал мне, что у тебя есть какое-то поручение.

— Скажи, ты смог бы сходить в оркский гарнизон?

— Гвардеец может ходить куда угодно по королевским делам.

— Это и есть королевское дело. Мне нужно, чтобы ты передал весточку орку.

Севрен растерялся.

— А что нужно сказать?

— Этого орка зовут Зна-ят, он живет в семнадцатой казарме. Он не говорит по-нашему, поэтому тебе придется запомнить все, что я скажу.

Севрен растерялся еще сильнее.

— Не очень я люблю говорить то, чего не понимаю. А что, если я обижу его?

— Зна-ят ждет от меня вестей. Он не сделает ничего такого, что меня огорчило бы.

Севрен усмехнулся.

— А если он мне по шее даст, это тебя огорчит?

Дар на его шутку не ответила.

— Скажи так: «Даргу-ят вак па ала Зна-ят». Это означает: «У Даргу есть весточка для Зна-ята».

Севрен повторял эту фразу до тех пор, пока Дар не осталась довольна его произношением. Затем она сказала:

— Когда орк заговорит с тобой, спроси у него, Зна-ят ли он. Скажи: «На та Зна-ят?» «Хай» значит «да», «тва» значит «нет».

— А если он ответит «нет»?

— Тогда повторяй мои первые слова до тех пор, пока не появится Зна-ят. А когда он придет, скажи: «Сутат. Та па-хат та Даргу-ят». Это означает: «Пойдем. Ты поговоришь с Даргу-ят». Неплохо поклониться перед тем, как ты произнесешь эти слова. Отведи его в то место, которое сам выберешь для нашей встречи, а потом скажи: «Геемат». Это значит — «жди». Потом отведи меня туда.

— Как я понимаю, не повредит еще разок поклониться.

— Вежливость еще никому не вредила.

Севрен отвесил Дар шутливый поклон и попросил ее еще раз повторить все фразы, которые он должен заучить. Запомнив все слова, он ушел — и вернулся только после полудня. К этому времени муттуфа уже закипала. Дар оставила блюдо на попечение одной из кухарок, и Севрен отвел ее на место встречи. Место он выбрал за воротами, но так, что оно было хорошо видно часовым. Врагам негде было укрыться на подходах к городу, и между крепостной стеной и гарнизоном стояла только небольшая караульная будка. Дар чувствовала себя не слишком уверенно, встречаясь со Зна-ятом на глазах у часовых. Зна-ят поклонился ей и растянул губы в улыбке.

— Даргу, ты уже успела научить вашавоки учтивости, — сказал он по-оркски.

— Только этого вашавоки, — ответила Дар на том же языке.

— Чем я могу помочь тебе?

— Мне нужны специи из палаты клана. Но есть и дело поважнее: передай верховной матери, что сегодня вечером я увижу королеву и теперь смогу видаться с ней каждый вечер. Когда ты вернешься, у меня, быть может, появятся и другие вести, — дар протянула Зна-яту металлическую бляху, которую ей дал Севрен, — король вашавоки дает такие бляхи уркзиммути, которые доставляют его указы и вести. Когда возвратишься, сумей связаться со мной.

Зна-ят низко поклонился.

— Велика твоя мудрость, Мать. Скажи мне, какие специи тебе нужны и что мне надо делать, когда я вернусь с ними.

Когда Дар закончила разговор с орком, Севрен проводил ее до кухни.

— Я видел, как закаленные воины трепетали при виде орков, — сказал он, — признаюсь, у меня у самого поджилки тряслись. Но ты... Я слышал, что этот орк говорил с тобой почтительно, хотя я и не понял ни слова.

— Он уважает меня и слушается, потому что я укусила его в шею.

— Что ты сделала? — оторопело спросил Севрен.

— Долго рассказывать.

Севрен устремил на Дар взгляд, полный благоговения.

— Пожалуй, это тебе я должен был поклониться, а не орку.

Чем меньше времени оставалось до ужина, тем сильнее волновалась Дар. Она не знала, чего ожидать, но не сомневалась в том, что вечер будет наполнен событиями. Давот привел женщину, которая должна была показать Дар дорогу до покоев королевы орков. Главный повар посмотрел на приготовленное Дар блюдо. Он не стал пробовать похлебку, но зачем-то вылил в нее содержимое небольшого пузырька и старательно перемешал.

— Это целительное снадобье, — сказал он, — так что ты эту еду больше не пробуй.

— А кто приготовил это снадобье?

— Придворный маг.

— А королева знает, что к ее еде что-то подмешивают?

— Я повар. Целительство — не моя забота. И не твоя.

Давот поспешил к другим столам, чтобы присмотреть за приготовлением угощений для вечернего пиршества. Дар осталась с Фертой, бывшей служанкой королевы. Ферта была ужасно рада тому, что ее освободили от этой повинности.

— К ее покоям долго подниматься по лестницам, — сообщила она Дар, — по пути нужно самой зажигать факелы, а перед тем, как понесешь еду в покои, нужно вымыться и переодеться. Для купания есть комната рядом с покоями.

— Что ты можешь мне рассказать о королеве?

— Она же орк, что тут рассказывать? Я-то бы лучше собакам еду подавала, но ты, видать, к оркам привычная.

Дар покраснела, но ответила спокойно:

— Да, мне не привыкать. А когда нужно подавать ужин?

— Не раньше, чем король сядет пировать. Как только начнется пиршество, я покажу тебе дорогу.

В скором времени Дар уже поднималась по винтовой лестнице с плетеной корзиной, в которой она несла ужин для королевы орков. Ферта шла впереди. Покои королевы располагались на шестом этаже. Добравшись дотуда, Ферта повела Дар по длинному коридору к небольшой комнатке. Факел, вставленный в скобу на стене, освещал медный таз, наполненный водой, синие платья, висящие на крючках, и две двери.

— Левая дверь ведет в покои королевы. Ты и раньше служила оркам, так что знаешь, что надо помыться и переодеться. Пока она будет есть, ты можешь подождать тут, потом заberi посуду и возвращайся. По дороге гаси факелы.

Дав Дар эти наставления, Ферта поспешила удалиться.

Вода для купания была настояна не на травах, а на лепестках цветов. Она была холодная, но все же Дар вымылась очень старательно, затем надела одно из синих платьев, вдохнула поглубже и вошла в покои королевы орков.

Дверь открылась бесшумно. Туфли Дар оставила в комнате для купания. Поэтому она вошла так тихо, что королева ее не заметила. Она смотрела в окно на горы Уркхайт. Хотя за окном уже сгущались сумерки, комнату не освещали ни лампа, ни факел. Но Дар все же сумела разглядеть красивую лепнину и роспись на стенах. А в остальном комната была обставлена так же просто и безыскусно, как ханмути. Табурет, подстилка на полу и пара комодов — вот и вся мебель. На полу был нарисован круг, обозначающий «Объятия Мут ла». Королева сидела на табурете посередине круга, спиной к Дар. На ней было длинное нарядное платье — вроде тех, которые носили придворные дамы. Ее голову венчал тонкий золотой обруч.

Дар поставила корзину на пол и низко поклонилась.

— Тава, Мут Маук, — произнесла она. («Приветствую тебя, Великая Мать».)

Королева продолжала смотреть в окно, но ответила вялым, приглушенным голосом:

— Га пахак Памути («Он говорит по-оркски»).

— Мер нав уркзиммути, — сказала Дар. («Я орк».)

Услышав ответ Дар, королева обернулась, и Дар ахнула от изумления.

— Мут Маук, — проговорила она по-оркски, — я видела тебя раньше.

Королева отозвалась на том же языке:

— Мой разум наполнен туманом. Я не помню.

— Ты явилась мне в видении. Была Нуф Бахи, и я была в самом начале странствия. Ты спросила меня, где я.

Королева неуверенно поднялась. Дар заметила, что она похожа на Мут-ят и Зор-ят, но вид у нее был растерянный и изможденный. Она шаркающей походкой подошла к Дар и прикоснулась к ее подбородку.

— Ты не похожа на уркзиммути, но этот знак...

— Я переродилась. Меня зовут Даргу-ят. Зор-ят — моя мутури.

Дар ждала, что королева обрадуется, услышав имя сестры, но Мут Маук только немного встревожилась.

— Туман, — растерянно выговорила она, — кругом туман.

— Зор-ят — твоя сестра.

— Сестра? У меня есть сестра?

— У тебя две сестры, Великая Мать. Они волнуются за тебя. Ты не помнишь их?

— Я чувствую запах муттуфы, — сказала королева, — этот запах я помню.

Она шагнула к корзине с ужином.

Дар проворно схватила корзину и низко поклонилась королеве.

— Не ешь муттуфу, Мать. Поешь лучше вареных клубней.

Выражение лица королевы стало капризным.

— Почему?

— Я думаю, еда отравлена. Вот почему твоя голова наполнена туманом.

— Отравлена?

Королева словно бы пыталась что-то вспомнить. Она долго молчала, потом спросила:

— Ты вправду уркзиммути?

— Хай, Мать. Волшебство превратило меня в уркзиммути.

Королева прищурилась.

— Какое волшебство?

— Волшебство твоих сестер Зор-ят и Мут-ят.

— Зачем ты здесь?

С неожиданной ясностью Дар поняла, как следует ответить на этот вопрос.

— Мут ла послала меня спасти тебя.

34

Когда Дар вернулась из покоев Мут Маук, в кухне было темно. Дар вылила нетронутую муттуфу в ведро с помоями, гадая, не отравятся ли королевские свиньи. Вымыв посуду, она улеглась рядом с Би, но сон к ней не шел. Дар лежала и думала, как быть. Разговор с одинокой королевой очень огорчил ее. Мут Маук большей частью говорила бессвязно. Казалось, она совершенно одурманена, но все же иногда у нее появлялись проблески здравого смысла. Когда такое случалось, она словно бы пыталась бороться с ядом, завладевшим ее разумом. Эти краткие мгновения просветления выглядели еще более тоскливо, когда возвращался дурман.

Из-за плачевного состояния королевы Дар слишком мало узнала из разговора с ней. Мут Маук почти ничего не помнила о том, как оказалась во дворце и почему остается здесь, но уйти отсюда она явно боялась. Похоже, она верила, что король воюет на стороне орков, а не наоборот. Дар боялась, что рассудок королевы поврежден навсегда, но она надеялась, что он все же немного прояснится, если она перестанет принимать колдовское зелье. Дар уже придумала, как сделать так, чтобы яд перестал попадать в пищу королевы.

У мерданта Коля в Тайбене имелась комната. Нена оглядывалась по сторонам и удивлялась простой, даже бедной обстановке. На стенах, забранных темными деревянными

панелями, не было ни ковров, ни украшений, да и мебели было совсем мало — грубо сработанные кровать, стол, два табурета и шкаф. Нена решила, что обстановка вполне соответствует жестокости обитателя этой комнаты, сидящего за столом и смотрящего на нее. В его холодных голубых глазах было едва заметно удивление.

— Ну, Нена, я исполнил твою просьбу. Ты в городе. Но не забывай: в лагерь может вернуться и одна твоя голова.

— Отрубленная голова говорить не умеет.

— Мне всегда казалось, что это и есть главная добродетель отрубленных голов.

— Ты захочешь услышать то, что я расскажу тебе.

— Сомневаюсь. Что мне толку от бабьих сплетен?

— Дар жива, — сообщила Нена, — я ее видела, — она с удовольствием заметила, что взгляд мерданта Коля стал напряженным, хотя он и старался сохранить равнодушное выражение лица, — она одурачила тебя. И до сих пор дурачит.

— Говори, где она.

— Я хочу кое-что взамен.

— Что?

— Я брюхата и не хочу судьбы Лораль. Я все тебе скажу, если смогу остаться в Тайбене.

Коль усмехнулся.

— Это все?

— Мне этого хватит. Устрой так, чтобы меня снова не погнали в поход, и я скажу тебе, где прячется Дар.

— Это легко устроить.

— Тогда поклянись. Поклянись именем Карм и дай слово старшего мерданта.

— Клянусь именем Карм, что, если ты расскажешь мне, где Дар, ты до конца своих дней останешься в Тайбене. Даю тебе слово старшего мерданта.

Коль изобразил знак равновесия, чтобы подкрепить свою клятву.

Нену это удовлетворило.

— Орки привели Дар в гарнизон несколько дней назад. Ей удалось передать весточку одному гвардейцу, какому-то мерданту по имени Крон. Весточка была вот такая: «Скажи своему земляку, что мать Тви хочет попасть в Тайбен». На следующий день мердант отобрал несколько женщин, чтобы они чистили королевские конюшни. Дар пошла с ними, но назад не вернулась.

— Это все? — спросил Коль, — так ведь она может быть где угодно.

— У Дар клеймо на лбу, так что из города она никак выйти не может. Теперь ты знаешь, что она тут, так что отыскать ее будет просто.

Коль кивнул.

— Ты права. Ну что, Нена, хотелось бы тебе работать во дворце? У меня тут есть кое-какие связи. Можно пристроить тебя горничной. После всего, что выпало на твою долю, эта работа будет для тебя легкой.

— Мне бы подошла такая работа.

— Стало быть, договорились. Завтра же поговорю с одним моим приятелем, — Коль встал, открыл дверцу шкафа и достал бутылку и кубок, — стоит это отпраздновать. Мы оба получим то, что хотели, — он сел и щедро плеснул бренди в кубок, — боюсь, кубок у меня только один. Можешь выпить первой. Как мне помнится, ты Дар тоже не очень жаловала.

Нена ухмыльнулась.

— Я не в обиде. Если на то пошло, выходит, это она помогла мне горничной стать, — Нена подняла кубок, — за Дар.

Она выпила бренди тремя глотками. Коль взял кубок и снова наполнил его, но пить не стал. Вместо того чтобы произнести тост, он уставился на Нену с улыбочкой, которая ей не очень понравилась.

— Ты что, сам пить не будешь? — спросила она.

— Я разборчивее Тига, — сказал Коль.

Упоминание о Тиге встревожило Нену. Она пыталась придумать, что бы такое невинное сказать в ответ, но тут тепло, согревшее ее желудок, сменилось жжением. Пекло все сильнее и сильнее, и наконец она застонала и согнулась от боли. У нее закружилась голова, она упала с табурета на пол и не смогла пошевелиться. Нена видела только сапоги поднявшегося из-за стола Коля. Мердант подошел к ней и, поддев ее мыском сапога, перевернул на спину. Нена с трудом пошевелила губами:

— Зач-ч-ч...

— За что? А ты вправду думала, что я не догадался? А я взял да и сберег то бренди, которое ты отравила, — придержал до лучших времен, так сказать...

— Но...

— Но я дал клятву? — Коль осклабился, — а я ее сдержал. Ты до конца своих дней останешься в Тайбене.

Губы Нены задрожали, но она не могла вымолвить ни звука. Коль стоял и смотрел, как сходят с лица Нены все краски. Вскоре в ее взгляде застыли боль и изумление. Тогда он обнажил меч и выволок тело Нены в проулок.

На следующий день Дар снова приготовила муттуфу, но на этот раз она сварила похлебку в двух котелках. Один котелок она повесила над очагом, который ей выделил Давот. Второй котелок Дар поставила в духовку кирпичной печи. Никто в кухне этого не заметил — все были, как обычно, слишком заняты. Ближе к ужину Давот вылил зелье из пузырька в котелок, висевший над очагом, а после того, как он ушел, Дар подменила котелок тем, что стоял в духовке.

Когда Дар принесла королеве ужин, ей показалось, что Мут Маук не так уж сильно изменилась. Пожалуй, вид у нее стал еще более плачевный. Однако после того, как Мут Маук поела, ее взгляд стал яснее.

— Кажется, восходит солнце, — проговорила она, — туман рассеивается, — она впервые улыбнулась Дар, — зор-ят всегда была самой умной. И ты говоришь, что ты ее дочь? Расскажи мне, как это получилось.

Дар рассказала королеве о своем перерождении, но ей казалось, что королева ее почти не слушает. Когда Дар закончила рассказ, Мут Маук долго смотрела в окно и только потом заговорила.

— Мне трудно думать, — призналась она, — быть может, завтра будет легче. А пока я не уверена.

— В чем ты не уверена, Великая Мать?

— Во многом, — королева улыбнулась, — называй меня тетушкой и говори со мной о моей родине. Так приятно снова слышать речь матерей.

Дар возвратилась в кухню в приподнятом настроении. Похоже, власть колдовского зелья над королевой начала ослабевать.

«Быть может, через несколько дней, — подумала Дар, — я смогу рассказать ей о том, что натворил король».

Дар казалось, что пока еще слишком рано говорить Мут Маук о коварном предательстве короля Креганта — она сомневалась, что королева что-то поймет. Но для того, чтобы Дар смогла спасти королеву, очень важно было, чтобы та все осознала. Путь, который ведет к этому осознанию, представлялся Дар таким же зыбким, как здоровье Мут Маук. Только в одном Дар была уверена: любая ошибка может стать смертельно опасной.

Дар мыла посуду. Закончилось дневное дежурство королевских гвардейцев. Севрен вернулся в свою комнату, но большинство его товарищей отправились по кабакам. Мердант Коль тоже начал обходить кабаки, но пивал он немного. Получив награду за голову Нены, он собирался истратить эти деньги на угощение для гвардейцев, надеясь, что, когда они хорошенько выпьют, у них развяжутся языки. Со временем он непременно должен был

узнать, что за человек — земляк мерданта Крона. Это помогло бы ему выследить Дар. Город большой, но уйти из него Дар никак не может. Рано или поздно он должен найти ее. Коль прибавил шагу. Охота началась.

35

Больше всего Дар заботило здоровье королевы орков. От этого зависело все. Пока колдовское зелье затуманивало рассудок королевы, Дар оставалась пленницей: она ни за что не уйдет из Тайбена без Мут Маук. Королева говорила все более разумно с каждым днем, но происходили и другие перемены. Ее рассудок становился яснее, однако при этом ее тело слабело, старело и сморщивалось на глазах. Дар боялась того, что яд — это что-то вроде пожара, который, угасая, истребляет все на своем пути. Мут Маук заметила тревогу Дар и попыталась приободрить ее.

— Представляй меня высыхающим плодом, — сказала она с улыбкой, — я уменьшаюсь в размерах, но то, что остается, становится крепче.

И все же Дар думала о том, что королева выглядит очень хрупкой.

Помимо этих тревог, жизнь Дар потекла привычным чередом. Когда она не стряпала и не подавала еду королеве, она помогала Би мыть посуду и чистить котлы. Дар предпочитала иметь дело с вечно веселой дурочкой Би, чем с другими слугами, которые насмехались над ее клеймом и разговаривали с ней свысока. Освободившись от службы, часто заходил Севрен. Он всегда появлялся, когда Дар была в кухне и занималась мытьем посуды, и всегда приносил цукаты для Би. Би принималась уплетать сласти, а Севрен разговаривал с Дар.

Севрен волновался о безопасности Дар, но приходил он не поэтому. Дар не умела улавливать аромат любви, как другие матери-уркзиммути, но она видела любовь в поведении Севрена. При ней он робел, переживал и радовался, а его почтительность можно было сравнить с оркской. Тем не менее он время от времени дерзал и снова предлагал Дар перебраться в его комнату. Всякий раз Дар отказывалась, а Севрен смирялся с ее решением. Как-то вечером он принес Дар синее платье — такое, какие носили служанки во дворце. Дар приняла подарок, потому что платье могло помочь ей быть не слишком заметной во дворце, а еще потому, что, даря ей это платье — как прежде туфли, — Севрен ничего от нее не требовал взамен.

Дар понимала, что Севрен ухаживает за ней. Она не поощряла его ухаживаний, но и не отвергала их. Ей могла понадобиться его помощь, а быть с ним рядом ей было приятно. Все горские ухажеры Дар вели себя грубо и похотливо, а в Севрене не было ни того ни другого. Но, несмотря на внимание Севрена, Дар продолжала тосковать о Ковоке. Она уже простила его, понимая: он должен повиноваться своей мутури. Она осознавала, что они расстались навсегда, и из-за этого у нее разрывалось сердце. Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, Дар старалась всеми силами помогать королеве.

Когда Дар принесла ей еду на восьмой вечер, Мут Маук ожидала ее у двери. Стоило Дар увидеть королеву, как она сразу поняла, что рассудок правительницы орков окончательно прояснился. Мут Маук посмотрела на корзину.

— Там муттуфа?

— Хай, тетушка. Она настаивалась весь день.

Королева села, и Дар налила ей немного похлебки.

— Пища — дар Мут ла, — почтительно произнесла Дар.

— Шашав Мут ла, — отозвалась королева, попробовала муттуфу и укоризненно покачала головой, — у тебя дух уркзиммути, но язык и нос как у вашавоки. Видно по твоей стряпне.

Дар поклонилась королеве.

— Я не слишком опытная повариха.

— Хай, но Мут ла тебя сюда не стряпать послала. Я неважно помню нашу первую встречу, но одно помню ясно: ты сказала, что пришла, чтобы спасти меня.

— Я так и сказала, тетушка.

— Расскажи мне свою историю, Даргу-ят. Ничего не утаивай от меня. Я должна знать все.

Дар рассказала королеве о своем детстве и о том, как попала в оркский полк. Она поведала Мут Маук о том, как ей досаждали мужчины, как ее приютил Ковок-ма. Она описала свои первые видения, и попытку Зна-ята утопить ее, и то, как ее спасло дерево. Дар рассказала о сражении в Сосновой ложине, обо всех ужасах боя. Рассказала о своем странствии с орками и о том, как вышло, что она укусила шею Зна-ята. Во всех подробностях она поведала королеве о своей встрече с Веласа-па, а вот о том, что произошло у бассейна в Таратанке, рассказывать постеснялась, но все же рассказала, когда королева мягко и учтиво уговорила ее. Свой рассказ Дар закончила поздно ночью.

Желтые глаза Мут Маук смотрели на Дар неотрывно, проникновенно.

— Даргу-ят, — сказала королева, — я верю, что Мут ла приготовила для тебя дорогу, но ты сама решила пойти по ней. Мут ла всегда так делает. А тот, кому нужно сделать выбор, должен выбрать добро, а не зло. Я горда тем, что ты моя племянница.

— Шашав, тетушка.

— Теперь пробил мой час делать выбор. Если ты сумеешь увести меня из этого дворца, я пойду с тобой.

На следующий день пришел стражник и принес весточку для Давота.

— У ворот двое страхолудин, они что-то тебе принесли, — сказал стражник, — просят, чтобы пришла девушка и взяла то, что они принесли.

Давот позвал Дар и отправил ее со стражником на встречу с орками. Дар предпочла бы, чтобы ее проводил Севрен, но решила, что не стоит упоминать его имени при стражнике. Это вызвало бы у него любопытство, потому что служанки всегда делают так, как им велят.

Стражник вывел Дар за городские ворота, где ее ожидали орки. Одним из них был Зна-ят, вторым — Ковок-ма. Стоило Дар увидеть его — и у нее заныло сердце. Она заметила, что он тоже чувствует себя неловко. Дар обратилась к Зна-яту по-оркски:

— Почему он здесь?

— Он умеет говорить с вашавоки, а я нет.

Дар заговорила по-оркски с Ковоком:

— Скажи этому вашавоки, что Зна-ят хочет показать мне, что он принес.

Ковок-ма стал объяснять стражнику, что сейчас сделает Зна-ят, а Дар шепнула Зна-яту:

— Показывай мне специи, а сам продолжай говорить со мной.

Зна-ят развязал веревку на горловине мешка и принялся указывать на разные травы, связанные в пучки.

— Какие у тебя вести для меня?

— Черный Вашавоки отравил королеву. Ее мысли не были ясными, но я исцелила ее. Я уведу ее из города.

— Когда?

— Не знаю. Надеюсь, скоро. Пока скажу одно: следите за городом по ночам. Когда королева появится, нужно будет, чтобы ее защитили сыновья.

— Но мы заперты в стенах гарнизона.

— Скажите вашавоки, что у вас опасная хворь. Скажите, что вам нужно выйти за стену, иначе вы заразите всех.

Как и надеялась Дар, Зна-ят догадался, для чего нужна эта ложь.

— А когда я увижу королеву, что тогда?

— Имейте при себе оружие, только хорошенько спрячьте его. Убейте часовых и откройте ворота. Сыновья должны быть наготове.

— Они будут наготове, — зна-ят посмотрел на Дар с братской заботой, — Даргу, у тебя большое сердце.

Дар устало улыбнулась.

— Хочешь сказать, что чуешь мой страх? Завяжи мешок. Мне пора.

Стражник, державшийся на некотором отдалении от орков, подошел к Дар, как только она забросила за спину мешок с травами.

— Вот не слыхал, чтобы кто-то со страхолудинами на ихнем наречии болтал, — признался стражник и уставился на клеймо на лбу Дар, — так ты из оркского полка, что ли?

— Я там служила.

— А теперь, значит, во дворце прислуживаешь, — с ухмылкой проговорил стражник, — и с кем же ты за такое повышение покувыркалась?

Дар пронзила стражника ледяным взглядом.

— Кое с кем получше тебя.

Дар больше не тревожилась за рассудок королевы, но здоровье Мут Маук по-прежнему не улучшалось, и это волновало Дар. Главная надежда на выздоровление Мут Маук была в том, чтобы она оказалась в родном клане Ят, где жила известная своим искусством целительница. Чтобы попасть к ней, королева должна была покинуть Тайбен, и мысли об этом стали главной заботой Дар. Она не находила себе покоя. Она могла бы ночью провести королеву по коридору для слуг, но и дворцовые, и городские ворота на ночь запирались. Дар не могла придумать, как обойти эти препоны.

Эти мысли так отвлекли Дар, что муттуфа, которую она готовила для королевы, подгорела, и Дар не успела разделить похлебку на две порции и одну из них спрятать. Когда она принялась поспешно готовить муттуфу заново, пришел Давот — на этот раз он появился раньше обычного — и принес пузырек с зельем от мага.

— Похлебка не готова! — воскликнула Дар.

— Это ничего, — отозвался Давот и вынул пробку из стеклянного пузырька, — снадобье еду не испортит и само не испортится.

Дар выхватила большую ложку из котелка с кипящей похлебкой и задела ложкой руку Давота, готового вылить зелье в котелок. Горячая ложка обожгла кожу повара, он выронил пузырек, и он, упав на каменный пол, разбился вдребезги.

— О, господин, простите меня! Пожалуйста, извините меня за мою неловкость!

Дар вздрогнула и втянула голову в плечи, приготовившись к тому, что Давот ударит ее, но Давот этого не сделал. Он уставился на пролитое зелье и побледнел от ужаса.

— Спаси меня Карм! — прошептал он, — только не это! Придется мне... — он не договорил и вдруг стал спокойнее, — нет, это тебе придется пойти и взять еще снадобья.

Дар вдруг поняла, чего так испугался Давот. Она спросила, куда надо пойти, страшась ответа повара.

— Тебе придется сходить к магу, — ответил ей Давот, — ты найдешь его в башне.

— Что мне сказать ему? Или он сам догадается? Говорят, он умеет читать чужие мысли.

— Я про такое тоже слыхал. Скажи, что пузырек упал, только не говори, кто уронил.

Дар понимала, что, если колдун сможет прочесть ее мысли, он поймет не только то, что склянку уронил Давот, но и то, что он сделал это из-за нее. Колдун мог догадаться, почему это случилось.

«Как же я глупо поступила! — в отчаянии думала Дар, — ведь я могла просто не дать никакой еды королеве! А теперь я все испортила!»

Однако она не видела выбора. Она должна была сделать так, как велел Давот, и пойти на риск, что бы ей это ни сулило.

Давоту не терпелось, чтобы Дар поскорее ушла. Он с волнением наблюдал за тем, как она заканчивает приготовление похлебки. После того как она бросила в котелок последние приправы, он рассказал ей, как найти дорогу к магу, и отослал ее. Перед тем как покинуть кухню, Дар взяла из очага остывшую головешку. Уйдя подальше от кухни, она замазала сажей татуировку на подбородке и хорошенько испачкала щеки и лоб. Затем Дар вошла во дворец, преследовала по коридору для слуг и поднялась по лестнице до седьмого этажа. Там

она пошла по коридору с окнами, заложенными камнями. Единственный факел горел в самом конце коридора и тускло освещал железную дверь. Со страхом и трепетом Дар приблизилась к этой двери. Ее никто не охранял. Башню колдуна стерег страх.

На двери висел молоток. Дар постучала им в дверь. Громкий звук эхом разнесся по коридору. Давот велел Дар не ждать ответа. Когда эхо утихло, Дар потянула дверь на себя, скользнула за нее и оказалась перед каменным лестничным пролетом. Внутри башни тьма словно бы была плотнее — это походило скорее на сгустившийся дым, а не на отсутствие света. Дар поднималась по ступеням. Воздух становился все холоднее, и наконец Дар увидела облачка пара, срывающиеся с ее губ. Часто дыша от усталости, Дар остановилась перед второй железной дверью.

— Входи, — прозвучал голос из-за двери.

Дар отворила дверь и вошла в комнату. Здесь горело много свечей, но было не светлее, чем на лестнице. Бледный свет отражался от полированного дерева и гобеленов, сотканых с золотой нитью, но богатая обстановка только усиливала мрачность этой комнаты. Маг сидел на стуле, который был красив, как королевский трон, и читал пыльный свиток. Он поднял голову.

— Ну?

Дар склонила голову. Она попыталась разыграть страх и не удивилась тому, что это получилось без труда.

— Господин, меня послали из кухни, чтобы получить целебное снадобье для королевы орков.

— Смотри мне в глаза! — рявкнул колдун.

Дар повиновалась. Лицо у мага было молодое, но его избороздили злобные морщины. Его темные глаза сверлили Дар. Казалось, в них совсем нет жизни, но при этом их нельзя было назвать незрячими. Дар стало страшно. Эти глаза казались ей бездонным колодцами, способными втянуть в себя ее дух, забрать его навсегда.

— Для сегодняшнего вечера была приготовлена склянка, — проговорил маг ледяным голосом, — говори, девчонка, что стряслось с этой склянкой?

— Ее уронили.

— Кто уронил? — спокойнее, но еще более зловеще осведомился маг.

Дар попыталась сглотнуть слюну, но у нее пересохло во рту.

— Кухарка. Не знаю, как ее звать. Ее забили до бесчувствия и вместо нее прислали меня.

Дар ожидала, что от мага не укроется правда и что он ужасно накажет ее. Однако она смотрела ему в глаза. Едва заметная улыбка тронула губы Отара.

— Кто бы ни отлупил эту девку, ей повезло. Пойдем со мной. Ты сможешь помочь мне приготовить новое снадобье.

— Я смогу помочь кому-то вроде вашей милости?

Отар зловеще ухмыльнулся.

— Да. Как хворостина помогает огню. Пойдем, — маг поднялся, взял канделябр и открыл дверь, ведущую в соседнюю комнату, — иди за мной. Ничего не трогай.

Дар вошла в комнату без окон. Пахло кровью, и было еще холоднее и темнее, чем в первой комнате. Свечи канделябра струили бледный, водянистый свет, лишенный тепла. Дар обвела комнату взглядом. На стенах висели полки с множеством коробочек и сосудов — больших и маленьких. Посередине стоял каменный стол с вырезанной в нем чашей. Глаза Дар понемногу привыкли к темноте, и она разглядела красноватый круг, нарисованный на полу, увидела черный каменный помост в самой темной части комнаты. На помосте лежал черный холщовый мешочек. Дар почувствовала: что бы ни лежало внутри этого мешочка, именно от него исходит гнетущий дух этой комнаты.

«Кости?» — в ужасе подумала Дар и шагнула к мешочку, чтобы лучше разглядеть его.

Маг схватил ее за руку.

— То, что лежит в этом мешке, может опалить твое грязное лицо хуже раскаленного

железа. Хочешь стать такой, как я? — Маг пронзительно смотрел на нее, не отпуская ее руку, — а ведь мы уже встречались.

Дар опустила глаза.

— Я приношу еду в пиршественный зал.

— И что же клейменная девка делает во дворце?

— Я... У меня есть любовник, господин. Он раздобыл мне это местечко.

Отар подтащил Дар к каменному столу и, вытянув ее руку над железной чашей, схватил костяной нож и рассек вену. Дар отвернулась, не в силах смотреть, как капает в чашу ее кровь.

— Кровь шлюхи сгодится для этого снадобья, — сказал Отар, — тебе еще повезло, что крови мне нужно не так много.

Дар показалось, что прошла целая вечность, прежде чем маг отпустил ее руку.

— Сядь, — приказал маг, — будешь ждать, пока я не закончу.

Дар села на каменный пол. Пол был ужасно холодный, она задрожала. Маг что-то добавлял к ее крови. Он зажег огонь и некоторое время варил зелье. Затем он взял холщовую тряпицу и, процедив жидкость, перелил ее в железный узкогорлый кувшин. Из кувшина он вылил зелье в несколько пузырьков, и один из них протянул Дар. Пузырек оказался холодным на ощупь.

— Отнеси его на кухню, — распорядился маг, — и скажи Давоту: если кто-то из стряпух разобьет еще одну склянку, пусть он поджарит ее сердце и сам подаст его мне.

Дар низко-низко поклонилась колдуну.

— Хорошо, господин.

С этими словами она поспешила прочь и, только покинув башню, остановилась, чтобы отдышаться. Она была очень рада, потому что уверилась в двух важных вещах: гадальные кости лежат в черном мешочке и маг не умеет читать мысли.

Выливая зелье в похлебку, приготовленную для королевы орков, Давот не догадывался, что в снадобье есть частица крови Дар. Он был слишком сильно обрадован, чтобы что-то заметить.

— Сказал, значит, чтобы я чье-то сердце поджарил, говоришь? Ох, он меня заставит мое собственное сердце поджарить... — он уставился на большой синяк, разлившийся вокруг вскрытой колдуном вены Дар, — а ты храбрая девушка, уж это точно. Не все возвращаются из этой башни.

36

Мут Маук, обладающая, как все орки, острым чутьем, по запаху определила примесь крови Дар в похлебке — и велела ей рассказать о встрече с матом. Потом королева поведала Дар о том, как маг сделал ее пленницей, когда она гостила у прежнего короля, отца Креганта.

— Я захворала, и все из моей свиты тоже. Черный Вашавоки был великим целителем. Тогда зло еще не исказило его лица. Он всем давал снадобья, но в живых осталась только я. Любая из матерей, приходивших навестить меня, заболела и умирала. Чтобы избавить других от гибели, я удалилась в эти покои. Потом старый король умер — и моя голова наполнилась туманом. Я не могла отличить сны от яви. Черный Вашавоки давал мне слова, и я их произносила, — мут Маук огорченно проговорила: — Вот так я навлекла беду на сыновей и матерей.

— Злодеи могут извращать доброту ради своих целей. Тетушка, не вини себя.

— Я должна восстать против зла, которое я вызвала. Даргу, когда мы сможем уйти отсюда?

— Не знаю. Я пока еще не придумала, как это сделать.

— Ты должна поспешить.

Тревога Мут Маук передалась Дар.

«Как же я смогу преодолеть железные ворота, каменные стены и такое могущественное

колдовство?»

Но она не стала делиться своими сомнениями с королевой, не стала лгать ей.

— Я постараюсь, — сказала Дар.

Отар сидел в темноте. Вдруг ему явилась мысль: «Ты должен был убить эту девчонку». Маг сказал мраку:

— Я бы убил ее, но она была нужна мне, чтобы отнести склянку, — проговорил Отар и задумался: «Мудро ли я поступил? Наверное, надо было спросить у костей».

Но тогда потребовалась бы еще одна жертва, а он сомневался, что дело стоит того. Кости снова стали говорить туманно. Когда он высыпал их из мешочка, кости всегда двигались так, словно на них дуют неземные ветра, но последнее время эти ветра превратились в вихри, в смерчи, оставляющие после себя сущий хаос. Маг чувствовал себя так, словно сам оказался в самой середине урагана или — что более вероятно — какой-то борьбы. Хотя большая часть из того, что говорили кости, была туманна, но одно было ясно, яснее некуда: «Угроза близка. Очень близка».

— Да, надо было убить девчонку, — произнес маг вслух, — завтра я сделаю это. Пошлю за ней и завершу мое дело.

Отар улыбнулся. Он давно не убивал женщин — и предвкушал приятные моменты.

Было уже очень поздно, когда Дар возвратилась в кухню. Масло в светильнике выгорело. Только угольки, тлеющие в очагах, освещали кухню да бледный свет луны за окнами. Дар поставила на стол корзину. Она слишком сильно устала, у нее не было сил мыть посуду. Она на ощупь нашла дорогу к матрасу Би. Вдруг ее остановил тихий шорох.

— Севрен?

Тишина.

«Наверное, это Тоути», — подумала Дар, остановилась около матраса, осторожно села, чтобы не разбудить Би, и сняла туфли.

Она уже собралась лечь, как вдруг ее рука прикоснулась к чему-то влажному и липкому. Дар поднесла руку ближе к глазам, чтобы рассмотреть ее в тусклом свете, лившемся от ближайшего очага.

«Кровь!»

Дар принялась трясти за плечи неподвижно лежавшую посудомойку.

— Би? Би?

Но тело девушки уже окоченело. Дар услышала шаги. На фоне окна появился силуэт мужчины. Человек был совсем близко.

— Твоя подружка повела себя не слишком умно, зато оказалась разговорчивой.

— Коль?!

— Все еще узнаешь мой голос? Я тронут.

Дар приподнялась, хотела встать, но прямо у нее над головой щелкнул бич.

— Сидеть!

Дар опустилась на матрас.

— Я промахнулся нарочно, так что без глупостей.

Дар пожалела о том, что при ней нет ни кинжала, зарытого в гарнизоне, ни даже кухонного ножа — ножи лежали на столе у другой стены. Стараясь потянуть время, она спросила:

— Как ты разыскал меня?

Коль хмыкнул:

— Никогда не доверяй бабам.

— Нена?

— Это она пустила меня по твоему следу. Гвардейцы оказались не слишком болтливыми, а вот привратник тебя выдал. Остальное было просто.

— Чего ты хочешь?

— Исполнить свой долг, — в тишине зашуршала невидимая плеть. И снова послышался громкий щелчок. Дар вздрогнула. Коль расхохотался, — ты дезертир. Новеньким паленкам нужен хороший урок.

— Тогда зачем хлестать меня здесь?

Бич снова щелкнул. Дар втянула голову в плечи.

— А я здесь только начну. Пораню тебя хорошенько. Глаза выколю. А уж в лагере прикончу у всех на виду.

Дар лихорадочно оглядывалась по сторонам в поисках какого-нибудь оружия. Над ближайшим очагом висел на крючьях вертел. Пару часов назад на нем зажарили целого кабана. Острием этого вертела можно было запросто пронзить человека. Готовясь броситься за вертелом, Дар пыталась придумать, чем бы отвлечь своего заклятого врага.

— Только тронь меня, — сказала она, — и орки разорвут тебя на куски.

Мердант Коль молчал. В наступившей тишине Дар бросилась к очагу. Она успела сделать три больших шага, но тут щелкнул бич, обвился кольцами вокруг ее лодыжек, и она упала рядом с очагом. Горячая зола и угли обожгли ее вытянутые руки. Коль рванул бич к себе, чтобы нанести новый удар, но бич крепко зацепился за лодыжки Дар. Коль наклонился, чтобы распутать бич, и только тут Дар наконец увидела его лицо. Глаза Коля сверкали безумным блеском. Дар схватила пригоршню углей и швырнула в него.

Пыль и искры полетели в лицо мерданта. Коль взревел от ярости и боли. Он выронил бич. Дар обрела свободу. Она быстро поползла по полу под столами. Впервые после начала схватки у нее появилось преимущество. Темнота укрыла ее, но она знала дорогу. Ослепленный Коль шарил руками по воздуху, а Дар бесшумно подползла к двери и выскочила из кухни. Ее проводил яростный вопль Коля.

Дар бросилась к соседнему дому. Зная, что Севрен живет на втором этаже, она взлетела вверх по лестнице и выбежала в темный коридор.

— Севрен! — крикнула Дар.

Открылось несколько дверей, из-за них выглянули мужчины. Один из них кинулся к ней.

— Дар!

— Коль гонится за мной!

Севрен схватил Дар за руку и потащил к своей комнате.

— Ребята, — прокричал он, — не впускайте незнакомых! А еще лучше — гоните прочь.

Когда Дар вошла в его комнату, Севрен плотно закрыл дверь.

— Тихо, — прошептал он и взял саблю.

Потом он задул свечу и застыл в боевой стойке. За дверью загрохотали по половицам сапоги. Мало-помалу их стук стих вдали.

Прошло немало времени, и наконец из-за закрытой двери донесся голос:

— Севрен, он ушел.

Севрен опустил саблю, подошел к кровати, на которой сидела Дар, и прислонил саблю к стене.

— Обними меня, — проговорила Дар, и ее слова прозвучали ласковым приказом. Севрен сел рядом с ней и обвил ее руками. Дар едва заметно дрожала, — спасибо тебе, — прошептала она.

— Сыновья защищают матерей, — сказал Севрен.

— Где ты этому научился?

— Я разговаривал с торговцем песчаным льдом, который часто приходит к оркам. Он говорит на их языке и любит с ними поболтать.

— Но зачем тебе это понадобилось?

— Как — зачем? Видишь ли, я люблю женщину из племени орков. Должен же я научиться, как себя вести с ней.

— И что тебе сказал этот торговец?

— Сказал, что я должен часто мыться. На самом деле ничего дурного в этом нет. Дар принялась.

— Ты чувствуешь мой атур? — спросил Севрен.

— Нет. Я не чувствую запаха любви. Не умею.

— Тогда почему ты попросила, чтобы я обнял тебя?

Дар сменила тему разговора:

— Почему ты любишь меня?

— Не знаю. Наверное, так хочет Мут ла.

— Не шути, когда говоришь о Мут ла!

— Ну, тогда так хочет Карм. Быть может, Мут ла и Карм — это одно и то же. Что-то такое, чего умом не постичь. Я ничего не понимаю, кроме своих чувств.

В объятиях Севрена Дар успокоилась и перестала дрожать. Немного погодя она заговорила снова:

— Севрен, любишь ли ты меня так сильно, что готов спасти меня? Спасти, зная, что потеряешь меня навсегда?

— Горький выбор.

— Я не могу оставаться здесь. Коль поднимет шум.

— Он ничего не сделает тебе. Я позабочусь об этом.

— Самый страшный мой враг — это придворный маг. То, что сделал Коль, выдаст меня.

— Но какое до тебя дело Кровавому Ворону?

— Я пришла сюда, чтобы отвести домой королеву орков.

Севрен вздохнул.

— Понятно, — он немного помолчал, — дар, я бы с радостью жизнью рискнул, чтобы спасти тебя. Но королева орков — это другое дело. Это значит, что нужно восстать против короля.

— Я не уйду без нее. Я дала клятву, которую не в силах нарушить.

— Ты готова умереть, чтобы сдержать эту клятву?

— Да. Да, я скорее умру. Возможно, это случится завтра.

— Дар...

Голос Севрена сорвался.

— Из дворца и города есть выходы, кроме ворот, которые стерегут часовые?

— Да, есть еще ворота для вылазок и другие потайные ходы. Видимо, Коль ушел через один из таких ходов.

— Ты эти ходы знаешь?

— Конечно. Я гвардеец. Но показать кому-то эти ходы — это измена.

— Никто не обязан об этом знать, — сказала Дар, — нас с королевой не хватятся до ужина. А к этому времени мы уже успеем уйти далеко.

— Но маг...

— Он не умеет читать мысли. Это вранье. Я знаю, потому что я солгала ему в глаза и обманула его. Ты вот о чем подумай: если королева спасется бегством, король потеряет свое оркское войско.

Морщины на лбу Севрена разгладились.

— И кто же тогда будет ради него грабить храмы? Не так легко ему будет найти людей для такой грязной работы.

— Ну, так ты мне поможешь?

— Помогу, — ответил Севрен и печально улыбнулся, — Валамар был прав насчет тебя.

— В чем прав?

— Он говорил, что ты приносишь беды.

— Не принесу. Тебе, по крайней мере. Только помоги мне выбраться за городские стены, а все остальное сделают орки, — дар поцеловала Севрена в щеку, — фу нат гаташ мин. Ты — достойный сын.

— Когда ты хочешь уйти?

— Сегодня ночью.

Дар и Севрен дождались восхода луны и прокрались в кухню. Дар надела туфли, захватила свое старое платье и повела Севрена к покоям королевы. Королева спала сидя. Дар нежно прикоснулась к ее плечу.

— Мут Маук, — негромко проговорила она, — мер нав Даргу-ят, — затем ради Севрена она перешла на речь людей, — этот вашавоки — наш друг. Он поможет нам бежать. Мы должны вести себя тихо. Мы пойдем там, где вашавоки нас не увидят.

Мут Маук встала и удивила Дар, спросив, не для нее ли платье. Дар думала, что ей придется растолковывать королеве, зачем нужно переодеться, но это оказалось лишним. Королева облачилась в старое платье Дар и спрятала свою корону — золотой обруч — в складках юбки. Она так исхудала, что платье Дар свободно болталось на ней. Затем Дар замазала татуировку на подбородке королевы смесью сажи с мукой. Свою татуировку она замазала заранее.

Вняв настояниям Севрена, Дар взяла его кинжал. Больше ничего она с собой не взяла. Время было важнее еды, воды и теплой одежды. Если ей удастся добраться до орков, они обо всем позаботятся — так она думала. Если не удастся — ни еда, ни вода, ни одежда не понадобятся.

37

Королева орков шла словно дряхлая старуха. Медленно спускаясь по лестнице, она опиралась на руку Дар. Дар сдерживалась и не торопила королеву. Потому что знала: та старается как может. Слабость Мут Маук была не так заметна, пока она находилась в своих покоях. Но теперь, когда ее жизнь зависела от того, насколько быстро она сможет идти, действие колдовской отравы бросалось в глаза. Дар боялась, что до городской стены они доберутся не раньше рассвета.

Когда они спустились с лестницы, Мут Маук сумела пойти немного быстрее. Севрен вывел ее и Дар кружным темным путем к конюшне. Наконец они проскользнули в боковую дверь. В конюшне было темно, но Севрен знал дорогу. Он вошел в одно из стойл и сдвинул в сторону ящики, за которыми в стене обнаружилась небольшая дыра.

— Боюсь, нам придется ползти. Справитесь, ваше величество?

— Хай, — ответила королева.

Севрен поклонился Мут Маук и пролез в дыру. Дар услышала, как он отполз на какое-то расстояние, а потом он прошептал:

— Все чисто. Путь свободен.

Дар и королева последовали за ним и вскоре оказались за дворцовыми стенами, во дворе конюшни. Севрен отвел их туда, где лежала ночная тень, потом вернулся и замаскировал отверстия потайного хода.

— Только гвардейцы и их дамы знают этот путь, — сказал он.

Пока Дар гадала, скольких женщин Севрен провел этим ходом, он вошел в сарай и вернулся с двухколесной тележкой для навоза. Затем он поклонился королеве.

— Пахнет не очень хорошо, — извинился он, — но зато в ней можно провезти вас по улицам, ваше величество.

Королева улыбнулась.

— Нынче ночью быстрота важнее благоухания.

Севрен поднял Мут Маук и усадил в тележку, забросал ее соломой, взялся за ручки и пошел вперед, толкая тележку перед собой так быстро, как только мог, но чтобы колеса не слишком тарахтели. Поспешно шагая по извилистым улочкам, Севрен опасливо поглядывал на небо.

— Скоро народ зашевелится, — негромко проговорил он.

Через некоторое время он подошел к проему в толстой городской крепостной стене. Вход вел в узкий туннель. В скобе на стенке горел факел. Севрен подошел к входу сбоку.

— Там кто-то есть, — прошептал он, — не показывайтесь пока. Дар, мне нужен кинжал.

Дар протянула ему кинжал, и Севрен, спрятав его под мундир, нырнул в туннель.

Прижавшись к стене, Дар услышала голос Севрена.

— Эй, часовой! Я королевский гвардеец. Кто-нибудь тут сегодня ночью проходил?

— Мердант верхом на коне, после полуночи.

— Почему ты его не остановил?

— Я его узнал. Он из гарнизона.

— Это не оправдание.

— Да ладно, не серчай. С каких пор мы должны...

Голос часового оборвался, послышался стон и звук упавшего на землю тела. Факел в туннеле погас. Появился Севрен. Он протянул Дар кинжал.

— Можно идти, — сказал он.

Севрен уже открыл дверь на выходе из туннеля. Дар увидела мертвое тело часового.

— Теперь тебе стоит уйти, — сказала она Севрену, — ты и так уже много рисковал.

Севрен растерялся.

— Ступай, — нежно проговорила Дар, — поезжай на юг этой весной. Обзаведись хозяйством и забудь про меня. Мне было нужно только выйти отсюда.

Она обняла Севрена и поцеловала в губы. Когда Дар вывела королеву из туннеля, Севрен запер за ними дверь.

Небо на горизонте немного посветлело, но вокруг все еще было темно и пусто. Дар различала впереди стены гарнизона и холмы за ними, но больше не видела ничего. Если Знаят и поджидал ее и королеву, то он находился слишком далеко, и она не могла рассмотреть его.

— Нужно пройти еще немного, — сказала Дар.

— Хорошо, — отозвалась Мут Маук.

Они отошли на небольшое расстояние от стены, а королева уже стала тяжело дышать. Вскоре у нее появились хрипы и одышка. Небо на востоке порозовело. Дар понимала, что их могут заметить с городской стены и что им остается надеяться только на выручку орков. Она обшаривала горизонт взглядом в поисках хоть какого-нибудь знака, что орки где-то ждут их, но, увы, ничего не замечала. Неожиданно Мут Маук замерла.

— Что случилось? — спросила Дар.

— Вашавоки!

Дар огляделась по сторонам, но ничего не увидела.

— Ты уверена?

— Они выходят из маленького дома. Пятеро бегут. Еще один скачет верхом на лошади.

Дар услышала конский топот и наконец разглядела всадника на коне. Он был еще далеко, но двигался, готовясь отсечь Дар и королеву путь к отступлению, чтобы не дать им вернуться в город. По всей видимости, этот человек понятия не имел о том, что королева едва способна передвигать ноги. Дар подумала, что всадник не кто иной, как мердант Коль. То ли он заметил ее случайно, то ли намеренно выследил — это сейчас не имело никакого значения. Ее судьба была предрешена. Она остановилась. Конская поступь замедлилась. Вскоре Дар увидела на дороге солдат. Они трусцой бежали ей наперерез.

— Не бойся, тетушка, — сказала Дар, — им нужна только я. Тебя они отведут обратно, в твою комнату.

— Тва. Я не вернусь.

— Ты должна вернуться. Ты — наша Великая Мать.

Мут Маук ничего не ответила.

Со страхом и странной решимостью Дар смотрела на приближающихся солдат. Когда

их разделяло не более тридцати шагов, солдаты обнажили мечи.

— Стоять! — гаркнул один из них.

Дар гадала, почему он стал кричать — ведь ни она, ни королева не двигались. А в следующее мгновение мимо нее пулей промчался Севрен с обнаженной саблей. Он налетел на приближающихся солдат, размахивая клинком. Двое упали почти мгновенно. Ярость атаки Севрена, похоже, здорово напугала остальных. Они бились с Севреном так робко, что он взял верх над ними, несмотря на то что они превосходили его числом. Пал еще один солдат, которому Севрен чуть не отрубил ногу. Четвертый бросился наутек, и это заставило последнего солдата начать сражаться с удвоенным отчаянием.

Дар услышала топот копыт, обернулась и увидела мерданта Коля, скачущего верхом на Громе и размахивающего бичом над головой. Казалось, этого человека, несущегося с такой скоростью на могучем жеребце, остановить просто невозможно. Дар хотелось предупредить Севрена, но она решила не отвлекать его от боя. Очень скоро Коль должен был оказаться совсем близко.

«Я должна что-то сделать!» — мелькнула у Дар отчаянная мысль.

На раздумья времени не было, и Дар поступила, повинуясь порыву. Она выхватила кинжал, данный ей Севреном, и метнула его.

Коль мчался так быстро, что Дар сама не поняла, попала в него или нет. Она чуть не угодила под копыта Грома. Но тут рукоятка бича выпала из пальцев Коля, и Гром шархнулся в сторону от Севрена. Поступь коня замедлилась, и Дар увидела, как мердант выдернул из плеча окровавленный кинжал. Он швырнул кинжал на землю и потянулся за мечом. Но он лишь немного выдвинул его из ножен и убрал обратно. Дар догадалась, что брошенный ею кинжал ранил Коля в правую руку. Вместо того чтобы атаковать Севрена, он погнал коня к гарнизону. Последний солдат, с которым бился Севрен, повернул голову и глянул вслед удаляющемуся всаднику. Тем самым он совершил смертельную ошибку.

Севрен вытирал кровь с лезвия сабли, когда Дар подбежала к нему.

— Ты ранен? — с тревогой спросила она.

— Один порез. Неглубокий.

— Уходи! Уходи побыстрее, пока тебя не увидели!

Севрен оглянулся и посмотрел в сторону крепостной стены.

— Уже слишком поздно.

— О, Севрен, тебе ничто не грозило. Зачем же ты...

— Я не мог смотреть, как ты погибнешь.

— Но Коль приведет еще солдат, — в отчаянии проговорила Дар, понимая, что жертва Севрена даст им лишь малый выигрыш во времени. Коль был уже совсем недалеко от ворот гарнизона. При его приближении створки ворот распахнулись.

Конь Коля встал на дыбы. Не солдаты, а орки высыпали из ворот. Возможно, из-за своей раны Коль не сумел удержать своего скакуна. К тому времени, как он развернул Грома, следом за ним уже бросился орк. На глазах у Дар орк нагнал скачущего галопом жеребца и, протянув руку, попытался ухватить всадника за лодыжку. Но тут Гром превзошел самого себя и ушел от преследователя. Городские ворота все еще были закрыты, и мердант Коль направил скакуна к югу. Вскоре и конь, и всадник превратились в крошечную точку вдали.

— Вот это конь, — восхищенно, но при этом разочарованно вымолвил Севрен.

Орки бежали с удивительной скоростью, и вскоре они упали на колени перед своей королевой. Мут Маук была похожа на скрюченное дерево, искалеченное бурей. Казалось, она сияет в розовом свете зари и наполняет силой, исходящей от источника более могущественного, чем ее одряхлевшее тело. Когда она заговорила, ее голос был не громким и не властным, но в его спокойствии крылась великая сила.

— Я вернулась, — произнесла королева по-оркски, — я была опутана злыми чарами. Мой рассудок был затуманен, мои слова были извращены и перевернаны. Даргу-ят спасла меня, — королева сделала паузу, чтобы отдышаться, — я все еще очень слаба после моих

мучений. Даргу-ят будет говорить вместо меня. Повинуйтесь ей, как повиновались бы мне.

Дар с изумлением уставилась на королеву, но, не дав ей вымолвить ни слова, к ней обратился Зна-ят:

— Даргу-ят, скажи, что нам надо делать?

Первым порывом Дар было искать укрытия.

— Нужно вернуться в гарнизон, — сказала она.

«Там, — подумала она, — я смогу дать королеве подобающую одежду и освободить клейменных женщин».

Дар указала на Севрена:

— Этот вашавоки помог освободить королеву. Все остальные солдаты — наши враги, но не убивайте их, если они не станут нападать на вас.

Орки направились к гарнизону. Дар велела двоим из них нести королеву. Севрен спросил у нее, что произошло.

— Королева сказала, что я буду говорить вместо нее, — ответила Дар, — я сказала, чтобы они не делали тебе ничего плохого и возвращались в лагерь.

— Им нельзя оставаться там. При осаде у короля будет преимущество.

— У нас нет желания драться. Мы хотим только, чтобы нас оставили в покое.

— Король не даст вам выбора. Твои орки учинили мятеж. Война уже началась.

38

Дар торопливо шагала к стене, окружающей гарнизон. Севрен говорил с ней о сложившемся положении дел.

— Время на вашей стороне, — сказал он, — но это ненадолго. Король — человек трусливый, поэтому он держит в Тайбене не свои войска, а своих полководцев. Под рукой у него королевская гвардия да еще несколько шилдронов пехоты. Этого недостаточно, чтобы совладать с твоими орками. Королю нужно собрать больше войск.

— Севрен, это не твоя борьба.

— В этой борьбе всего две стороны, а вернуться в Тайбен я не могу.

— Ты можешь не вставать ни на ту, ни на другую сторону и просто уйти.

— На своих двоих? Ну нет, я свой выбор сделал. Я ваш, если ты пожелаешь взять меня.

— Мне пригодились бы твои советы. Я мало понимаю в войне.

Севрен мрачно усмехнулся.

— А я слишком много понимаю. Ты должна понять: гарнизон был выстроен как клетка, а не как укрепление. Там нет колодца с пресной водой, там мало продовольствия. При осаде жажда и голод в гарнизоне помогут атакующим.

— А скоро начнется атака? — спросила Дар.

— Есть пехотный полк, который может добраться сюда ближе к полудню. Конные отряды доберутся быстрее. Их хватит, чтобы запереть вас в гарнизоне до тех пор, пока не соберется достаточно солдат для настоящей осады.

— Значит, нам надо бежать.

— Король не позволит вам уйти просто так. Вместо того чтобы бежать, закрепите позицию на холме. Орки лучше всего сражаются лицом к лицу с врагами. Им больше подойдет самый простой путь ведения боя.

Дар вздохнула.

— Я хотела спасти королеву, а не затевать войну.

— Вы сумеете победить, если орки будут сражаться с преимуществом для них.

Севрен стал разъяснять Дар тактику. Он жестами изображал воюющие войска. Дар пыталась, как могла, следить за его объяснениями, но ей трудно было думать о войне отвлеченно. Она слишком хорошо была знакома с жестокостью боя, чтобы представлять людей и орков фигурами в игре. Может быть, для королей война и была игрой, но они могли наблюдать за сражениями со стороны, пребывая в безопасности, пока другие проливали

кровь. Кроме того, к услугам королей имелись полководцы, руководившие ходом сражений. А к услугам Дар был один-единственный гвардеец. Орки в военной стратегии разбирались и того хуже.

Но несмотря на все опасения, Дар была готова начать отдавать приказы к тому времени, когда орки добрались до гарнизона. Первым делом она велела им остановиться перед воротами.

— Мы задержимся здесь ровно настолько, чтобы подготовиться к походу. Все сыновья, у кого есть колпаки старшинства, пусть придут поговорить со мной, — она обернулась к Зна-яту, — принеси мою одежду уркзиммути для королевы, а потом присоединяйся к сыновьям в колпаках, — затем она сказала Ковоку: — Твоя помощь мне тоже понадобится.

Ковок-ма поклонился ей.

— Хай, Мать.

Дар была готова войти в ворота, когда Севрен положил руку ей на плечо.

— Нужно выставить часовых, — тихо сказал он.

Дар поспешно исправила свою оплошность. Затем она велела оркам отнести королеву в пустую казарму и приказала развести огонь в очаге. Когда в казарме стало теплее, сюда стали собираться вооруженные орки. Среди них оказался Гарга-ток. С тех пор как Дар видела его в последний раз, бахрома на краю его колпака пополнилась новыми ушами убитых врагов. Когда собрались все орки, наделенные колпаками старшинства, Дар обратилась к королеве:

— Великая Мать, есть ли у тебя слова для этих сыновей?

— Слушайте мудрость Даргу-ят, — проговорила Мут Маук и добрела до очага, чтобы согреть дрожащие руки.

Взгляды всех собравшихся обратились к Дар. В первое мгновение она ужасно смутилась. Но все складывалось так, что она вынуждена была говорить.

— Вашавоки будут сражаться с нами. Если мы останемся здесь, положение для нас будет невыгодное. Лучше встать на вершине холма. Скажите, чтобы сыновья, которые пойдут за вами, поспешили. Когда мы выступим в поход, с нами пойдут матери-вашавоки. Относитесь к ним с почтением.

Сыновья, облаченные в колпаки старшинства, удалились. Остались Зна-ят и Ковок-ма.

— Зна-ят, — сказала Дар, — оставайся рядом с Мут Маук и делай все, о чем она тебя попросит. Ковок-ма, пойдем со мной.

Дар зашагала к казарме, где держали женщин.

— Помнишь, как я напугалась, когда впервые увидела тебя? — спросила она.

— Хай, — ответил Ковок-ма.

— Эти матери тоже сильно испугаются. Некоторые — очень сильно. Я хочу, чтобы они поняли, что ты добрый.

— Ты до сих пор считаешь меня добрым? — спросил Ковок-ма, — ты не сердишься?

— Ты поступил как подобает, послушавшись свою мутури. Мне грустно, но я не сержусь.

— Мне тоже грустно.

Дар остановилась перед женской казармой.

— Давай порадуем этих матерей.

Дар отодвинула засов, открыла дверь и вошла в казарму. Ковок-ма вошел следом за ней. Увидев его, женщины сразу притихли. Дар обратилась к женщинам громким голосом:

— Все солдаты ушли. Теперь в лагере командуют орки.

Женщины ответили на ее слова приглушенным ропотом.

— Теперь у вас есть выбор, — продолжала Дар, — у каждой из вас на лбу клеймо, а это значит, что вы — собственность короля. Вы можете бежать к королю, чтобы он сделал с вами, что пожелает, либо вы можете послушать меня. Я давно узнала о том, что орки почитают женщин и защищают их. Скоро орки покинут этот лагерь. Если вы пойдете с ними, вы будете в безопасности и обретете свободу.

Женщины взволнованно загомонили. Одна из них выкрикнула:

— Откуда нам знать, что орки не сожрут нас?

Дар крикнула в ответ:

— Все эти рассказы — ложь! Кто из вас выжил после сражений этим летом?

— Я, — отозвалась одна женщина.

— Расскажи остальным, как все было, — попросила Дар.

— Солдаты бросили нас умирать. Всех моих подруг убили.

Однако спор не умолкал. Наконец Дар крикнула:

— Можете оставаться здесь и ждать, когда явятся солдаты, а можете сейчас, уйти со мной.

Затем она вывела Ковока из казармы и стала ждать. Вышли примерно с десятка женщин, в том числе и та, которая пережила летнюю кампанию. Дар ждала, что выйдут и другие, но остальные предпочли остаться.

Когда Дар поняла, что сумеет спасти только этих немногих женщин, она схватила Ковока за руку.

— Это Ковок-ма, — проговорила она пылко, — он говорит на нашем языке. Он добрый и ласковый. Он позаботится о вас, — она обратилась к Ковоку: — Оставайся с этими матерями и оберегай их, — и добавила по-орски: — Каф та сат терт, реефат пи Тави Ки («Глядя на них, вспоминай Маленькую Птичку»).

Ковок-ма поклонился ей.

— Ма ло, — ответил он. («Так и сделаю».)

Рано утром Дар вывела орков из гарнизона. В выборе направления ей помогала странная пара советников — Севрен и Гарга-ток. Оба предпочли высокий холм, с вершины которого хорошо просматривалась дорога, ведущая к Тайбену. День выдался солнечный, но холодный северный ветер заставлял Дар кутаться в плащ. Плащ был ей слишком велик. До этого утра он принадлежал гарнизонному офицеру. На груди темнело свежее пятно крови, но плащ был теплый, а на горных дорогах лежал снег.

Дар шла во главе строя. Рядом несли на носилках королеву. Ее сопровождали Зна-ят, Гарга-ток и Севрен, а с ними — еще дюжина орков-ветеранов, закаленных в боях. Остальные орки шли так, как привыкли ходить в королевских походах — ровно выстроенными шилдронами. В середине колонны разместили женщин, одетых в солдатские плащи. За ними присматривал Ковок-ма.

В это же время на дороге, ведущей к Тайбену, появилось соединение пехоты. Городские ворота распахнулись, и оттуда выехали гвардейцы-кавалеристы в сопровождении двух шилдронов пехоты. Вскоре они соединились с движущимися к городу пехотинцами. Это войско показалось Дар не таким уж маленьким. Сначала она думала, что враги нападут немедленно, но, похоже, они этого делать не собирались. Солдаты медленно следовали за орками. Дар велела прибавить шаг, и расстояние между орками и людским войском начало расти. Это обрадовало Дар — но ненадолго. Вскоре люди короля изменили направление и двинулись дальше стремительным маршем. Севрен тоже заметил этот маневр. Дар увидела, что он встревожен. И спросила:

— Что случилось?

— Я — полный дурак, — сказал Севрен, — они не станут биться с нами на холме. Они собрались занять проход к горам, отрезать нам дорогу. Нам следует атаковать до того, как они займут эту позицию.

Послышался голос сидящей на носилках королевы:

— Грунат дати? («Сражаться сегодня?»)

— Да, Великая Мать, — ответила Дар по-орски, — этот сын-вашавоки искушен в искусстве боя. Он говорит, что было бы мудро для нас убить вашавоки, когда они не будут готовы дать нам бой.

— Сыновья не должны давать советы матерям, — ответила королева на родном

наречии, — больше никто сегодня не будет убивать. Произойдет нечто более важное.

Дар не могла не повиноваться королеве, хотя засомневалась в том, в здравом ли рассудке Мут Маук.

«Эта битва решит нашу судьбу. Что может быть важнее?»

Дар ничего не приходило на ум. Даже если королева не бредила, ее решение с точки зрения стратегии выглядело ужасно. Дар поневоле вспомнила слова мерданта Тига, а он говорил, что орки проигрывают сражения из-за того, что им недостает сообразительности.

— Что только что сказала королева? — спросил Севрен.

— Мы пойдем на вершину холма, — ответила Дар, — сегодня боя не будет.

— Это страшная глупость! — воскликнул Севрен, — это войско мы можем одолеть, но скоро они получают подкрепление. Проход к горам узкий, и враги, закрепившись там, получают более выгодную позицию. Ты Сосновую лошину помнишь?

— Помню, но королева все решила, — дар добавила шепотом: — Тебе еще не поздно уйти.

— Лучше я останусь с тобой.

— Значит, ты глупец.

Севрен печально улыбнулся.

— Это мне уже говорили.

Орки взойшли на вершину холма за пару часов до полудня. Разложив на земле камни, они обозначили «Объятия Мут ла», а затем поставили внутри круга свои тростниковые шалаши. В лагере воцарилась мирная обстановка. Некоторые из сыновей собрали хвороста, и женщины принялись готовить скудный завтрак. Несколько орков встали дозором, а остальные забрались в свои шалаши. Мут Маук, невзирая на холод, предпочла остаться на солнце.

Но у Дар настроение было далеко не мирное. Спокойное поведение орков выглядело полной противоположностью тому, как вела себя королевская рать. Стоя на вершине холма, Дар видела, как это войско готовится к бою. Сначала армия двигалась по дороге на север. Но прежде чем она скрылась из виду, на дороге появилась кавалерия, скачущая с юга. Эти отряды тоже направились к проходу к горам. Дар догадывалась, что вскоре они соединятся с основным войском.

Глядя на умелые действия королевских войск, Дар чувствовала обреченность. Она не сомневалась, что дорога к дому будет полита кровью, что с каждой минутой надежда на благополучный исход тает. Дар чувствовала, что орки должны атаковать немедленно, и решила подойти к королеве и убедить ее в том, что необходимо действовать. Мут Маук все еще сидела рядом с шалашом. Королеву знобило, ее мучила одышка, но она улыбалась.

— Давно не сидела я под взглядом золотого ока Мут ла, давно не чувствовала ее дыхания, — сказала она.

— У тебя будет для этого много дней, — сказала Дар, — тебе стоит укрыться от ветра и холода.

— Разве Мут ла посылала тебе видения о том, что мне осталось прожить еще много дней?

— Тва, тетушка.

— Я так и думала, — сказала королева, — поэтому уж лучше я наслажусь этим днем.

Дар низко поклонилась королеве.

— Мут Маук, у меня тревожные мысли. Можно мне поделиться ими с тобой?

— Прошу, говори.

— Я думаю, мы сегодня же должны отправиться домой. Мы встретимся в бою с вашавоки, но сейчас их меньше, чем будет потом.

— Это не важно, — ответила королева.

— Прости меня за дерзость, Мут Маук, но как же это может быть не важно? Ты наша Великая Мать. Мут ла послала меня, чтобы я отвела тебя домой. Эти вашавоки будут

пытаться остановить нас.

— И почему же мне нужно вернуться домой?

Этот вопрос ошеломил Дар. Она не сразу ответила.

— Яд отравил тебя. Ты больна. Ты нуждаешься в исцелении.

— Даргу, много зим я пила целительные снадобья, — заметив озадаченность Дар, королева улыбнулась, — черный Вашавоки каждый вечер добавлял снадобья в мою еду.

— Тва. Это была отравка.

— Черный Вашавоки отравил меня давным-давно. С тех пор он давал мне противоядие, чтобы я могла жить. Это снадобье затуманивало мой рассудок, но помогало мне оставаться живой, — Мут Маук посмотрела Дар прямо в глаза, — хай, Даргу. Я скоро умру. Думаю, это случится сегодня.

Дар охватило чувство вины и отчаяния.

— Значит, это я принесла тебе смерть! — Она упала на колени перед королевой, слезы заволокли ее глаза, — у меня все горит в груди! Я не знала. Прошу тебя, прости меня!

— Тут нечего прощать. Я сама решила умереть.

Испуг, тоска, смятение — все это Дар вложила в одно-единственное слово.

— Почему?

— Не я сейчас важна, — ответила ей королева, — до того, как я стала Мут Маук, я звалась Зета-ят. Когда я получила Фатму от предыдущей королевы, я стала Мут Маук. Важна Фатма, а не я. Это дух уркзиммути. Я жила только для того, чтобы Фатма не была утрачена, чтобы я могла передать ее тебе.

— Но почему Фатму должна получить я?

— Потому что тебя избрала Мут ла. Помнишь, как ты узрела меня в видении? Когда я спрашивала, где ты, я спрашивала, где та мать, которая воспримет от меня Фатму.

— Тва! Тва! Не может быть, чтобы это была я.

— Даргу-ят, это ты. Это должна быть ты. Ты здесь единственная мать-уркзиммути, а я умираю. Такова воля Мут ла, такова цель твоей жизни, — дрожащими руками Мут Маук утерла слезы со щек Дар, — сядь рядом со мной. Пусть красота творений Мут ла успокоит твою грудь.

— Мут Маук, я не готова.

— К жизни никто не бывает готов. Мы просто рождаемся и начинаем жить. Когда ты станешь Мут Маук, слушайся своего сердца.

— Так говорил Веласа-па.

Мут Маук улыбнулась.

— Мут ла тоже так говорит.

И королева подставила лицо солнцу.

39

Когда солнце начало садиться, Мут Маук попросила орков собраться. Пригласили также Севрена и женщин, хотя они и не понимали оркской речи. Орки сели кольцом вокруг королевы. Она встала, опираясь на плечо Дар. Мут Маук начала с рассказа о том, как в клане Ят родился младенец, наделенный Фатмой. Она рассказала о том, как Фатма передавалась от одной Великой Матери к другой, и назвала всех поименно. Перечень она закончила своим именем.

— Фатма — это дар Мут ла уркзиммути, — сказала Мут Маук, — мать, обретающая этот дух, ближе всех к Мут ла. Ее слова мудры, им нужно повиноваться.

— Хай, Мут Маук, — зором произнесли орки.

— Скоро Мут ла заключит меня в объятия, — сказала королева, — она послала другую мать, чтобы она получила дар Фатмы. Эта мать — Даргу-ят.

Дар ожидала, что орки возропшут, но их лица были торжественны, и они встретили слова королевы молча. Дар знала, что нужно делать дальше. Она сбросила плащ и встала

перед Мут Маук, обнажив грудь. Королева положила руки ей на грудь.

— Пусть Фатма перейдет к Даргу-ят.

Руки королевы были теплыми и становились все теплее. Дар думала, что это прикосновение просто ритуальное, но ощущение у нее возникло иное — это было не просто касание. Тепло превратилось в преобразующую силу, которая распространилась по всему ее телу. Дар слышат тихие голоса, шелестящие словно листва, которую шевелит легкий ветерок. Она огляделась по сторонам, но сидящие по кругу орки сохраняли благоговейное молчание. Шелест зазвучал громче, и Дар поняла, что не звуки, а отголоски воспоминаний звучат у нее в голове. Но вот воспоминания угасли, снова воцарилась полная тишина. Дар чувствовала себя иначе, она понимала, что стала иной. Мир остался прежним, но теперь она смотрела на него другими глазами — новыми и древними одновременно. Дар, который она получила, был выше мудрости, выше власти. Это была любовь. Дар смотрела на окружавших ее орков и знала, что они — ее дети. Она любила их как мать — как их Великая Мать.

Прежняя королева сняла корону и возложила ее на голову Дар.

— Мое время истекло, — проговорила она. Ее ноги подкосились, она опустилась на землю.

Все орки тут же встали и низко поклонились Дар.

— Тава, Мут Маук! — поприветствовали они ее и, не сказав больше ни слова, удалились в свои шалаши.

Остались только Севрен и женщины. Женщины стояли разрозненной толпой и ничего не понимали. Но вот Ковок-ма что-то негромко сказал им. Тогда они тоже ушли. Дар ничего этого не замечала. Ее единственной заботой была прежняя королева.

— Тетушка, я отведу тебя к целительнице. Ты поправишься.

— Того, кто мертв, исцелить нельзя.

— Пожалуйста, не говори так. Ты жива.

— Мой дух ушел из меня вместе с Фатмой, а дух — это и есть жизнь. Может быть, только она живущая Мут Маук.

— Кто-нибудь скажет мне... — Дар не договорила и огляделась по сторонам, — куда все подевались?

— Они ушли, потому что говорить с мертвыми — неестественно.

— Ты не мертва. И я не покину тебя.

— Тва, Мут Маук. Это я тебя покину.

Королева доказала, что ее слова верны. Она умерла незадолго до полуночи. Дар разбудила несколько орков и велела им приготовить погребальный костер. Затем она удалилась в свой шалаш. Она уже чувствовала одиночество властительницы. Жизнь всех, кто окружал ее, зависела от ее мудрости. Она не хотела взваливать на себя эту ношу, но и не могла этого избежать. Дар была наделена Фатмой и осознавала свой долг. Но все же ей не хотелось приказывать своим сыновьям идти в бой, потому что она знала, что многие погибнут, даже в случае победы. Кроме того, она чувствовала, что сражаться не стоит.

«Но как же тогда они попадут домой?» — гадала Дар. Казалось, это можно сделать только сразившись с войском короля.

В конце концов Дар решила поговорить с Севреном. «Он сражался за короля. Он сможет дать мне совет», — решила она.

Севрена она нашла около тлеющего костра. Он спал, завернувшись в плащ. Дар разбудила его. Севрен сонно заморгал, протер глаза.

— Чего желаете, ваше величество? — спросил он без тени насмешки.

— Значит, ты знаешь, что я теперь королева.

— Да, нам сказал этот зеленоглазый малый. Прими мои поздравления.

— Я этого не хотела. И никак не ожидала, — дар тяжело вздохнула, — мне нужно знать, как сразиться с королем.

— Это совсем не просто. Число воинов и позиции — на стороне королевского войска.

Оркам лучше всего удаются лобовые атаки, тогда их мощь дает им преимущество.

— И как же мне быть?

— Пробиваться через ущелье в горы и смириться с потерями.

— Но почему это лучший выход?

— Твои воины — орки. Ты должна использовать их силу.

— А в чем сила воинов короля? — спросила Дар.

— Они будут драться умно. Они будут пользоваться холмами и лощинами, скалами и лесами, чтобы быстро нападать и так же быстро отступать, но они будут избегать большой битвы. Если ты не сможешь разбить их наголову, они будут снова и снова наносить удары.

— Значит, мне следует добиваться решающей битвы?

— Да.

— Но какой в этом смысл? — вздохнула Дар, — ты всего лишь гвардеец, а так много понимаешь в военном искусстве. Почему же полководцы короля должны быть глупее тебя? Если мы станем делать то, чего от нас ожидают, мы обречены.

— Ты не сумеешь изменить орков. Они такие, какие есть.

Дар запрокинула голову и стала задумчиво смотреть на звездное небо. Прошло немало времени, прежде чем она заговорила вновь.

— Ты прав, Севрен. Орков не изменить. Такова их суть, — и тут Дар улыбнулась — впервые после коронации, — но суть их королевы изменилась.

Дар уснула. Благодаря какой-то особой милости она проснулась отдохнувшей и свежей. Покидая свой шалаш, она знала, что самая трудная из ее задач — первая. Дар созвала орков.

— Я размышляла о том, почему Мут ла сделала меня королевой, — сказала Дар, — теперь я это знаю. Это случилось потому, что я понимаю, как думают вашавоки. Они думают не так, как мы.

Орки жестами выразили согласие. Дар продолжала:

— Когда мы говорим, у наших слов есть смысл, они выражают то, что мы знаем. А вашавоки часто произносят слова, лишённые смысла. Эти слова они называют «ложь». Они знают, что уркзиммути не умеют лгать.

Дар приготовилась к самому трудному.

— Сегодня вам придется совершить такое, в чем мало смысла, что противно вашей сути. Сегодня мы нарушим древние обычаи. Мы не положим нашу умершую мать на погребальный костер. Мы отнесем ее тело к вашавоки и скажем, что она жива.

Орки взволнованно зароптали. Дар слышала в их голосах изумление, озабоченность и даже гнев.

«Скоро я узнаю, воистину ли я королева», — думала она, ожидая, когда орки притихнут, но сама при этом ощущала странное спокойствие.

Жизнь стала очень простой. Ей предстояло объяснить оркам свой план — так ясно, как она только могла, — а потом оставалось только ждать, чтобы затем узнать свою и их судьбу. Больше она ничего поделать не могла.

Король Крегант в тревоге ходил туда-сюда по тронному залу, когда туда вошел гвардеец.

— Какие вести? — спросил король.

— Орки спустились с холма, сир.

— Они направились к ущелью?

— Нет. К городу.

Крегант развернулся и устремил гневный взор на Человека Королевы.

— Генерал Таркум, ты говорил, что они обратятся в бегство. А теперь они вознамерились атаковать!

— Ваше величество, у страхолюдин нет никаких средств для атаки.

— Тогда почему они направляются сюда? Это какая-то уловка?

Таркум сохранял спокойствие.

— Они неспособны на уловки.

Слово взял маг:

— Их королеве стало хуже без моего зелья. Они понимают, что ей нужно мое целительство.

— Наверное, это так и есть, — кивнул Таркум, — мне известны их суеверия. Если королева умирает, а рядом с ней нет другой страхолюдной сучки, королевский род прерывается.

— Вот почему мы держали ее взаперти, — добавил маг, — чтобы она была у нас в руках.

— Ну а теперь у нас ее нет, — буркнул король, — и поэтому я потерял свое страхолюдное войско!

— Орки вернут свою королеву и поручат ее моим заботам, — сказал Отар, — они будут и впредь повиноваться нам.

Креганту очень хотелось спросить Отара, почему его драгоценные кости не предупредили его о побеге королевы орков, но стоило ему взглянуть на мага, как он сразу струсил. Вместо этого он спросил:

— Кто помог королеве бежать? Она не могла обойтись без чьей-то помощи.

— На королевской кухне работает клейменная девка, — сказал Отар, — я чувствую, что с ней что-то не так.

Крегант развернулся к гвардейцу.

— Узнай, кто она такая, и приведи ее.

Гвардеец на миг растерялся, но все же сказал:

— Сир, я знаю, кто она такая. Ее зовут Дар. Как раз перед тем, как пропала королева, мердант приходил и искал ее.

— Ладно, разыщи эту Дар, если она еще здесь, — приказал король, — пусть ее пытаются, а ты принеси мне ее признание.

Гвардеец ушел. Король принялся снова расхаживать по тронному залу. Все утро приходили вести. Никто не мог разыскать Дар. Гвардеец по имени Севрен дезертировал. Орки определенно направлялись к городу.

Король предпринял все, что только мог. Он отдал приказ схватить и казнить Дар и Севрена. Он отослал гонцов с приказом для войска, ушедшего к горам, вернуться в Тайбен. Сделав это, он стал ждать более добрых вестей. Вскоре после полудня он получил кое-какие вести: орки возвратились в гарнизон, а к городу теперь направлялся только маленький отряд. Король отправил самого зоркого гвардейца на городскую стену, чтобы он следил за приближением орков и сразу обо всем ему докладывал.

Гвардеец в скором времени вернулся. Он едва дышал после быстрого бега.

— У ворот — семеро невооруженных страхолюдин. Шестеро несут носилки, на носилках лежит их королева. Один из них держит в руке ветку дерева.

— Это знак перемирия у страхолюдин, — сообщил генерал Таркум.

Гвардеец продолжал:

— У страхолюдины с веткой — пленники. Гвардеец и девчонка. Девчонка плачет, скулит, умоляет страхолюдину о пощаде.

— А страхолюдине чего надо? — осведомился король.

— Он хочет переговоров с вами.

— Со мной? Какая неслыханная наглость! — Крегант обернулся и устремил взгляд на генерала Таркума, — ты — Человек Королевы. Ступай поговори со страхолюдиной, но припрячь поблизости солдат. Если что-то пойдет не так, всех перебить и схватить королеву.

орков. Он узнал того, который размахивал веткой, по колпаку с бахромой из ушей убитых врагов. Это был Гарга-ток. Это придало Таркуму уверенности, потому что он помнил, как отважно и жестоко этот орк дрался во время летней кампании.

«Этот страхолюдина верен королю», — решил Таркум.

Ножны Гарга-тока были пусты, как и ножны тех орков, которые несли носилки. Таркум присмотрелся к лежащей на носилках королеве.

«Ее величество выглядит паршиво, — подумал Таркум, — ей как можно скорее нужно принять снадобье».

По лицам орков Таркум ничего понять не мог, но, судя по состоянию их королев, можно было предположить, что они в отчаянии.

«Это все упростит», — решил генерал.

Кроме ветки, Гарга-ток держал веревки, концы которых были обвязаны вокруг запястий его пленников. Таркум более внимательно присмотрелся к этим людям. Ему не был знаком гвардеец, который стоял молча, с самым жалким видом. Надрывающаяся плачем девица показалась генералу знакомой, хотя ее лицо было перепачкано сажей. Таркум на миг задумался, попытался вспомнить ее. И вдруг вспомнил.

«Оркская шлюха! Та самая девка, про которую говорил Коль! — Таркум был озадачен, — а я думал, она подохла».

Гарга-ток заговорил:

— Человек Королевы, мы повести себя глупо. Эти двое... — он рванул к себе веревки, к которым были привязаны пленники, — эти двое похищать Великая Мать. Сказали, что отводить ее домой, чтобы получить в дар желтый железо. Теперь Великая Мать сильно больная.

— Хай, вы повели себя очень глупо, — ответил Таркум.

— Мы приносить Великая Мать к Черный Вашавоки, чтобы он исцелять ее. Мы говорить хороший слова Черный Вашавоки. Я показать моя дружба и убивать эти двое.

Таркум растянул губы, подражая оркской улыбке.

— Я знаю, что уркзиммути — наши друзья, и я скажу об этом королю. Возвращайтесь в лагерь. Мы отнесем Великую Мать к магу, и он будет лечить ее. Двоих злобных вашавоки мы накажем.

— Тва, — сказал Гарга-ток, — великая Мать должны нести мы сами. Так подобает быть. Оказать ей честь.

Таркуму эта затея не пришлась по душе, но он знал, что орки очень трепетно относятся к своей королеве.

«Они безоружны, — подумал он, — а у меня поблизости прячутся солдаты».

Он снова растянул губы в улыбке.

— Входите. Окажите честь вашей Великой Матери. Мы поможем ей поправиться.

Гарга-ток поклонился.

— Шашав, Человек Королевы.

Затем он добавил что-то по-оркски, и процессия вошла в город.

Когда пленников проводили мимо Таркума, любопытство заставило его подойти к девушке. Она шла опустив голову. Таркум протянул руку и повернул девушку лицом к себе. Как только он прикоснулся к ней, орки остановились. Это насторожило Таркума, но еще больше его насторожило то, что он заметил на чумазом лице девушки. Держа ее одной рукой, другой он стер сажу с ее подбородка. Проступила клановая татуировка. Таркум испугался не на шутку.

— Опустить решетку! — прокричал он, — вперед, в атаку!

Таркум услышал, как девушка что-то выкрикнула по-оркски, и орки опустили носилки. Тело королевы перекатилось на мостовую, и Таркум понял, что она мертва. А еще он увидел, что на носилках сложено оружие. Гарга-ток оттолкнул генерала от девушки, наклонился и схватил с носилок боевой топор. Когда Таркум успел выхватить меч, Гарга-ток уже стоял перед ним, растянув губы и скаля черные зубы. Таркум замахнулся мечом. Орк парировал

удар. Меч вылетел из пальцев Таркума и с лязгом упал на булыжники мостовой.

Гарга-ток снова ухмыльнулся.

— Хороший уши, — сказал он довольно.

Дар надеялась добраться до дворца, не встречая сопротивления, но была удивлена, что ее план начал сбываться так быстро. Тем не менее она подготовила орков и к такой возможности. Один из них перерезал путы на ее руках и заслонил ее своим телом, облаченным в мощные латы, от стрел. Другой орк освободил Севрена. Дар начала выкрикивать приказы по-оркски:

— Открыть ворота. Дать знак остальным. Убивать солдат-вашавоки.

Последний приказ она могла бы и не отдавать. Орки уже пошли в контратаку с несдерживаемой яростью. К тому моменту, когда Дар вбежала в караульную будку, около которой уже валялись тела ее защитников, двое орков добрались до парапетов крепостной стены. Вскоре оттуда вместо стрел посыпались лучники. Орки подняли решетку ворот, и Дар увидела, как их товарищи покидают гарнизон и мчатся к городу. Король держал свою гвардию во дворце, а его отборные войска пока не вернулись из предгорий. Таким образом, к тому времени, как из гарнизона прибежали орки, первая схватка уже была закончена. Когда все орки вошли в город, Дар велела опустить решетку и запереть ворота, чтобы не дать войску Креганта войти в город.

Дар снова дала несколько приказов, и орки, за исключением оставшихся у ворот часовых, двинулись к королевскому дворцу. Они прошли по городу, не чиня никакого вреда перепуганным мирным жителям. Севрен шагал вместе с орками и не мог не поражаться тому, насколько их поведение идет вразрез с тем, как вела себя королевская рать в чужих столичных городах.

«Я выбрал правильную сторону в этой войне», — подумал он.

Ворота дворца были закрыты, но их обороняли всего несколько лучников, да и те вскоре обратились в бегство. Орки позаимствовали дубовое бревно в одном из домов и использовали его как таран. Не прошло много времени — и ворота превратились в щепки. Орки ввалились во внутренний двор дворца. Тут было непривычно, страшновато тихо. Дар обратилась к Севрену.

— Где же гвардейцы? — спросила она.

— Видимо, они отступили в главную башню. Это древнее укрепление, самое старое здание дворца. Король будет прятаться там, потому что там просто обороняться.

— Значит, он просто засядет там?

— Верно. А простой народ пусть защищает себя сам — до тех пор, пока войско не отвоюет город.

— Так не пойдет, — сказала Дар, боясь того, что битва, которой ей так хотелось избежать вообще, теперь будет попросту отложена, — он не пойдет на переговоры?

— Нет. Маг имеет сильную власть над королем, а маг обожает кровопролитие.

Дар вспомнила, как Веласа-па предостерегал ее насчет мага.

«Король — мой враг, но маг — более страшный враг для меня», — подумала она.

Она до сих пор не осознавала, как может быть, что кости для нее еще опаснее мага, но стоило ей подумать о них — и у нее возникла мысль.

— Башня мага стоит отдельно от главной башни!

— Верно, она в старом дворце. И что?

— Тогда, быть может, мне удастся заставить мага согласиться на переговоры.

— Никто не в силах заставить его сделать что-либо. Даже король. Как же ты сумеешь так запугать его?

— Пойдем со мной — и узнаешь.

Дар, Ковок-ма, Зна-ят и еще один орк направились к дворцу. Севрен пошел за ними. Ему было любопытно, что задумала Дар. Дар вошла в кухню и огляделась по сторонам. Никого не было — все разбежались. На столах лежали горы брошенной провизии, на

неподвижно замерших вертелах обугливались куски мяса, выкипала вода в котлах и кастрюлях. Дар пошла к двери, ведущей к коридору для прислуги...

Пятеро спутников долго поднимались по лестницам. И вот наконец они остановились в темном коридоре, который вел в башню колдуна.

— Может быть, ты скажешь мне, зачем мы сюда пришли? — спросил Севрен.

— Возможно, маг здесь кое-что оставил. Кое-что такое, что для него драгоценно.

— Если эта вещь для него вправду драгоценна, почему бы ему бросать ее здесь?

— Может быть, он и не оставил здесь то, о чем я думаю, — согласилась Дар, — но я надеюсь, он подумал, что его драгоценности тут ничего не грозят. В конце концов, кому в голову взбредет открыть эту дверь?

«Только не мне», — подумал Севрен, но все же вошел в башню следом за Дар.

Понимаясь по винтовой лестнице, он чувствовал, что его опасения оправдались, потому что он никогда не бывал в более зловещем месте. Холод и мрак здесь были мерзкими, неестественными. У Севрена по спине от страха поползли мурашки. Даже орки выглядели напуганными. Лестница заканчивалась еще одной дверью. Сквозь ржавчину на ее поверхности проглядывали диковинные руны. Дар толкнула дверь плечом и вошла в комнату.

Здесь горела одна-единственная свеча. Она давала света не больше, чем новорожденный месяц в туманную ночь. Дар зажгла от нее еще несколько свечей, но в комнате стало лишь едва заметно светлее. Присутствие зла было настолько мощным, что Севрен был готов поверить, что из темноты вот-вот выйдет маг.

Орки стояли на страже. Дар прошла в соседнюю комнату. Севрен собрал все свое мужество и медленно пошел за ней. Дар стояла перед возвышением из черного камня, на котором лежал черный холщовый мешочек. Севрен подошел ближе.

— Это те самые кости? — спросил он шепотом.

— Думаю, да, — отозвалась Дар и подняла мешочек. Он оказался необычайно тяжелым, но внутри, похоже, и вправду лежали кости.

— Открой его, — прошептал Севрен.

Дар протянула руку к шнурку, который стягивал горловину мешочка, но тут же отдернула.

— Нет. Этого они и хотят.

— Кто?

— Кости. Я думаю, эта вышивка на мешочке — злые заклятия.

— Почему ты так думаешь?

— Чутье подсказывает. И еще маг кое-что говорил про то, что стало с его лицом, — дар схватила мешочек, — давайте поскорее уйдем отсюда.

Орки оставались в первой комнате, но они так же, как и Севрен, хотели как можно быстрее уйти. К тому времени, как пятеро соратников вернулись в кухню, у Дар застыли пальцы от ледящего холода, исходящего от мешочка с гадальными костями, и разболелись руки — так тяжело было его нести. В ее сознании то и дело мелькали ужасные образы. Видения жутких убийств выглядели настолько явно, что Дар бросало в дрожь. Она чувствовала, что содержимое мешочка сопротивляется ей, что она держит в руках не неживые предметы, а нечто, наделенное злой волей.

Тем не менее Дар крепко сжимала в руках горловину мешочка с костями, потому что они были нужны ей для осуществления задуманного. Ее замысел был прост. Она решила, что главной властью наделен не король, а маг. Дар была готова вернуть магу его гадальные кости, только если король согласится на мировую. Оказаться лицом к лицу с Крегантом и его придворным колдуном было опасно, но Дар чувствовала, что мир важнее риска, тем более что оркам эти переговоры ничем не грозили. Опасность угрожала только ей одной. Однако Дар уже была встревожена. Она не доверяла ни королю, ни магу. Не так-то просто будет добиться того, чтобы они сдержали свое слово. Кроме того, кости были не какими-нибудь обычными драгоценностями, за которые обычно торгуются.

«Они тоже мой враг».

Ощувив злобную сущность костей, Дар поняла, что они сделают все, чтобы предать ее.

41

Старая башня выглядела устрашающе. Она торчала из земли, будто крест, зажатый между стволом могучего дерева и небольшим холмом. Единственный вход находился на середине высоты башни, и добраться до него можно было только по довольно хрупкому каменному мостику. Башня была выстроена специально для нужд военного времени, а не для того, чтобы людям в ней было уютно. Окна представляли собой бойницы для лучников, толстые стены были холодными и сырыми даже летом. Внутри башни имелся колодец и кладовые, заполненные запасами провизии. За этими стенами король, его придворные и его гвардия могли продержаться много месяцев.

Севрен подумал обо всем этом, ступив на узкий мостик. По обе стороны от него шли двое орков со знаками перемирия. Ворота были заперты, но Севрен точно знал, что кто-то смотрит и слушает. Еще он знал, что за каждой бойницей стоит лучник с готовым к стрельбе луком. Вполне могло быть так, что все стрелы нацелены на него.

— У меня слово к королю и его магу! — прокричал Севрен.

— Давай послушаем, что у тебя за слово, изменник!

— Знайте, что у орков — новая королева. Она желает говорить с вашим королем и его темным советником.

Ответа Севрену пришлось ждать долго.

— Король не желает говорить.

— Он предпочтет, чтобы город был сожжен? Он предпочтет править трупами и золой?

И снова Севрен долго ждал ответа.

— Скажи своей королеве: все дурное, что она сделает нашему королевству, вдесятеро возвратится к ней. Оркские палаты захлебнутся кровью.

Севрену показалось, что такой ответ мог бы подсказать маг.

— Так знайте же: когда в городе начнутся разрушения, первым делом будет уничтожено вот это, — один из орков поднял мешочек с колдовскими костями, — если королевский колдун и возвратится в свою башню, он увидит, что на черном возвышении ничего нет.

Ответ последовал гораздо быстрее, чем прежде:

— Они поговорят с вами.

С парапета спустили железную корзину, в которой сидел человек. Севрен признал в нем королевского дворецкого. Он вылез из корзины и показал пустые руки.

— Я здесь, чтобы договориться о времени, месте и условиях переговоров. С кем я должен говорить? С изменником или неотесанными страхолюдьми?

— Говори со мной, — сказал Севрен, — моих спутников легко разозлить высокомерием.

Беседа о предстоящих переговорах заняла немало времени, и это как нельзя лучше говорило о том, насколько договаривающиеся стороны не доверяли друг другу. Дворецкий совершил несколько подъемов и спусков в железной корзине, а Севрен всякий раз обращался к Дар, прежде чем было достигнуто согласие. По настоянию Дар переговоры должны были состояться в этот же день. Король и маг должны были встретиться с ней в небольшой комнате неподалеку от главного зала дворца. Все трое должны были пожаловать на переговоры безоружными, но в сопровождении вооруженных спутников, которым предписывалось ждать в зале. Обе стороны должны были заранее осмотреть комнату для переговоров. И те и другие должны были получить ключ от одного из двух замков на двери этой комнаты. Закончив обсуждение и пожелав покинуть комнату, переговорщики должны были позвонить в колокольчик.

Торгуясь насчет условий переговоров, Дар полагалась на собственное суждение. Орки

были слишком прямолинейны, чтобы давать ей полезные советы, а Севрен вел себя с такой долей подозрительности, что выдвигаемые им условия могли бы сорвать переговоры. Зна-ят также высказывал опасения. Дар признавала, что сильно рискует, но, поскольку на другой чаше весов лежала война, она отметала все возражения.

Как только все было оговорено, Дар стала готовиться к встрече. Она выкупалась и смыла сажу с лица. Поскольку свои кефс и неву Дар отдала умершей королеве, Севрен разыскал для нее платье в гардеробе какой-то из придворных дам. Поверх него Дар надела свою накидку уркзиммути. Она дополнила свой наряд туфлями, подаренными ей Севреном, и золотым обручем, служившим короной. Затем она стала ждать начала переговоров.

Хотя с тех пор, как Дар стала королевой, еще не прошло и суток, она ясно представляла себе свою цель. Она была лишена царственных замашек, она ничего не знала о придворном этикете. Она просто была Мут Маук. Вдохновленная Фатмой, она выражала свою новую власть так же естественно и непринужденно, как река или ветер.

Наконец пришел Зна-ят, чтобы сопроводить ее на переговоры. Когда Дар вошла в зал, в окна проникал красный свет заката и окрашивал гвардейцев и орков кровавыми красками. Дар хотелось верить, что в этом нет дурного предзнаменования. Вход в комнату для переговоров находился в дальнем конце зала. Когда Дар подошла к двери, Зна-ят подал ей мешочек с колдовскими костями и отворил дверь. Комната была небольшой, и из нее вынесли всю мебель, сняли со стен гобелены, а с известнякового пола — ковры. Свет проникал через большое окно. Горел украшенный узорчатой резьбой камин. Не было ни свечей, ни каких-либо еще предметов, которые можно было бы использовать в качестве оружия.

Король Крегант II и Отар, придворный маг, вошли в комнату вскоре после Дар. Дверь за ними закрылась, щелкнули по очереди два замка. Дар внимательно посмотрела на двоих мужчин. Король явился с нездоровым румянцем на лице. Двигался он с подчеркнутой осторожностью человека, который хочет, чтобы его принимали за трезвого. Маг не отрывал глаз от мешочка. Судя по всему, он отчаянно желал вернуть его и был в ярости из-за того, что Дар им завладела.

Крегант, в свою очередь, рассматривал Дар. Похоже, она вызвала у него изумление.

— Да у тебя мое клеймо! Что же, я должен вести переговоры с моей собственностью? — Он расхохотался, — кобыла не торгуется с всадником. Вот для чего мы пользуемся хлыстами.

Дар устремила на короля ледяной взгляд.

— Когда-то я была простолюдинкой, — сказала она, — но таково могущество Матери мира, что я переродилась. Теперь я — Мут Маук, и я правлю благородным народом. Все могущество этого народа — это моя сила, а мои слова — это их слова. С твоей стороны было бы мудро к этому прислушаться.

Крегант собрался расхохотаться вновь, но смех умер в его глотке.

— Думаю, — проговорил он, — это все равно, кто будет говорить со стороны страхолюдин. О какой милости ты пришла умолять?

— Я здесь не для того, чтобы умолять, — ответила Дар, — вот что нам нужно. Ты должен оставить нас в покое. Более мы не будем воевать ради тебя. Женщины, которые прежде служили нам, должны обрести волю и получить вознаграждение.

— Клятвы, связывающие орков со мной, произнесены еще во времена моего прадеда, — буркнул король, — не вижу причин, почему бы от них отказываться.

— Мы долго служили этому королевству, но ты пользовался нашей службой злонамеренно. Мы не станем погибать, чтобы обогащать тебя.

— Значит, вы скорее готовы погибнуть как мятежники. Мои войска собираются около города. Я видел их с башни.

— А не хочешь ли ты увидеть и то, как будет разрушен твой город, как будут убиты его мирные обитатели?

Король уставился на Дар.

— Неужели ты отдашь приказ убить всех этих людей? Изничтожить невинных младенцев? Отрубить головы горько рыдающих матерей? — Крегант дождался ответа и ухмыльнулся, — я так и думал, что нет. Женщинам не хватает пороха. Война — не бабское дело.

— Пожалуй, я не умею убивать невинных, — ответила Дар и подняла руку с зажатым в ней черным мешочком, — но вот это я уничтожить могу. Не будет мира — и эти кости исчезнут навсегда.

Маг, все это время стоявший молча, вдруг испуганно прокричал:

— Сир!

— Я брошу их в огонь, — продолжала Дар, — и буду очень рада избавиться от них.

— Мне все равно, — сказал король.

— Сир, — умоляюще проговорил маг, — если такое случится, ваше будущее будет сокрыто от вас. Разве вы хотите жить вслепую, как простой смертный?

— Что же, ты предлагаешь заплатить ту цену, которую требует эта девчонка? — взвизгнул Крегант, — слишком дорого получится.

— «Слишком дорого!» — всплеснул руками маг, — слишком дорого — за то могущество, которое дают эти кости?

Крегант улыбнулся. Похоже, его забавляло отчаяние мага.

— Терпеть не могу эти треклятые штуки. Если она хочет спалить их — так тому и быть.

Маг задрожал. Дар не могла понять — от страха или от злости. Но тут злой колдун взметнул правую руку, и у него на ладони что-то сверкнуло. Дар не успела разглядеть, что это, а маг уже перерезал горло короля. Поперек шеи Креганта легла алая полоска. В первое мгновение Крегант изумленно ахнул и поднял руки к шее, чтобы понять, что случилось. Его руки обгарились кровью. Король в ужасе уставился на них, кровь заклокотала у него в горле, и он ничком упал на пол. По белым известняковым плитам растеклась красная лужа.

— Что ты натворила? — вскричал маг, — о, подлая обманщица! Ты убила его величество!

Если бы Дар не была так напугана, она бы посмеялась над обвинением мага. Но она догадалась, что он кричит для тех, кто стоит за дверью и слушает. Дар вспомнила об испуганной королеве с маленьким сыном и догадалась о намерениях мага.

«Он станет их «советником» и будет править от их имени. На его пути к власти остался один-единственный свидетель».

Маг прикоснулся к предмету, лежавшему у него на ладони. Лезвие уползло внутрь рукоятки. Отар снова прикоснулся к рукоятке, и из нее выдвинулась тонкая серебристая спица. Дар заметила, что ее кончик окрашен чем-то зелено-коричневым.

«Спица отравлена!»

— Значит, мне тоже суждено умереть, — проговорила Дар.

— О да, и гораздо быстрее, чем я бы предпочел.

Маг нацелил спицу в Дар. Она отпрянула в сторону и закрылась мешочком, как щитом. Она подумала, что колдун побоится попасть спицей в мешочек, что он побережет его. Судя по тому, насколько старательно он целился, Дар не ошиблась. Однако маг продолжал атаку. Он теснил Дар к убитому королю. Через несколько мгновений она стояла в луже крови.

Мешочек с колдовскими костями неожиданно стал тяжелее, он потянул руки Дар книзу. Отар заметил это и метнул спицу в грудь Дар. Она попыталась уклониться, но почувствовала, как спица вгрызается в кожу. Маг победно вскричал:

— Ха! Ты убита!

Дар знала, что это правда. Она уже чувствовала боль ниже груди. Она ощущала одновременно и ледящий холод, и жар. Дар вспомнилось видение во тьме, куда она вошла вместе с Мут-па. Теперь она поняла, что на самом деле означало это видение. Эта точка боли должна была превратиться в дыру, сквозь которую утечет ее жизнь.

«Я проиграла сражение», — думала Дар.

Но тут она увидела, как сделать, чтобы маг тоже проиграл. Собрав последние силы, она швырнула мешочек с колдовскими костями в камин. Мешочек упал в языки пламени.

Победная радость Отара сменилась ужасом. Он бросился к камину, чтобы выхватить драгоценный мешочек из огня. Но ткань уже успела прогореть, и кости высыпались в пламя. Маг закричал. Его крик становился все пронзительнее, превратился в невыносимый, душераздирающий визг. Отар начал метаться по комнате. Его кожа покрылась волдырями и почернела. Плоть на его пальцах обуглилась, обнажились черные кости и начали — сустав за суставом — падать на пол. Маг непрерывно кричал и дергался. Дар не могла понять, почему он до сих пор жив, но это было так. Его кожа продолжала чернеть и морщиться. Через несколько мгновений Отар превратился в обгоревший труп с огромными выпученными глазами. Его голос звучал жалким шепотом, в нем не осталось могущества, вызывавшего страх.

Дар опустила глаза. Она стояла в луже крови. Кровь дымилась. Она понимала, что, если ступит за эту лужу, ее ожидает судьба мага. Ей оставалось только стоять, не шевелясь, и ждать, пока колдовские чары утратят силу. Это произошло тогда, когда последняя кость сгорела и превратилась в золу. В этот миг маг перестал корчиться. Кровь остыла. Дар сделала шаг в сторону от алой лужи и подняла подол платья, чтобы осмотреть свою рану. Она оказалась всего лишь маленькой царапиной.

— Как странно, — проговорила Дар в тишине, — такая малость убила меня.

42

Дар предвидела свою гибель и ждала, что умрет скоро. Однако боль от отравленной раны распространялась медленно, и Дар продолжала жить. Это давало ей надежду, что она еще успеет что-то совершить. Это придало ей смелости. Она позвонила в колокольчик, дав тем самым знак, что переговоры окончены. Ожидая, когда отпрут дверь, Дар готовилась к тому, что из-за гибели короля может разразиться кровавая распря.

Щелкнули поочередно два замка. В открытую дверь заглянули старший толум королевской гвардии и Зна-ят. Первым подал голос старший толум.

— Измена! — прокричал он и был готов обнажить меч, но Зна-ят схватил его за руку и не дал этого сделать.

— Воистину — измена! — откликнулась Дар, — но изменник уже мертв. Его убило собственное колдовство.

— Ложь! — воскликнул старший толум, которого по-прежнему крепко держал Зна-ят. Дар видела, что орки и люди, стоявшие в зале, начали волноваться.

— Прежде чем призывать к отмщению, осмотри тут все хорошенько, — предложила Дар, — разве это похоже на дело моих рук?

Скрюченный труп мага так обуглился, что стал почти не похож на человеческое тело. Столь же странной выглядела и смерть короля. Лужа крови испарилась. Рана на шее Креганта так почернела, что казалось, будто его поразил удар молнии. Дар обратилась к Зна-яту по-оркски, и он отпустил руку гвардейца и позволил ему беспрепятственно пройти по комнате. Старший толум осмотрел оба трупа и покачал головой.

— Да, тут и вправду не обошлось без злого колдовства, — он плюнул на почерневший труп мага, — кровавый Ворон — это было самое подходящее прозвище для него.

— Теперь будет править королева, жена Креганта?

— Да Гирта станет регентшей, пока не повзрослеет ее сын. Да убережет его Карм.

— Маг хотел войны, а я жажду только мира, — сказала Дар, — быть может, королева Гирта хочет того же.

— Быть может.

— Я бы с радостью переговорила с ней, — сказала Дар. — Желательно сделать это поскорее.

— Я поговорю с ней и дам тебе знать.

Когда гвардеец ушел, Зна-ят встревоженно посмотрел на Дар.

«Он чувствует мою боль», — догадалась она.

Дар не могла заставить себя рассказать ему о своей ране, не могла и солгать, поэтому она молчала и ждала ответа королевы. К ее изумлению, гвардеец возвратился не с ответом, а с королевой. Гирта сразу подошла к погибшему супругу. Если она и горевала из-за его кончины, то не показала этого. На его мертвое тело она смотрела бесстрастно, как на какую-то диковинку. А вот на труп мага она взглянула с откровенным удовольствием. Затем она обратилась к Дар:

— Расскажи мне, что случилось.

Дар поведала Гирте обо всем, за исключением того, что маг ранил ее. Когда она закончила рассказ, Гирта удовлетворенно кивнула.

— Мне бы хотелось завершить то, что прервал маг, — сказала Дар, — и принести мир в наши королевства. Можем мы поговорить наедине, как королева с королевой?

— Пожалуй, завтра. Так много всего произошло.

Дар крепко сжала руку Гирты.

— Возможность договориться о мире тает быстрее, чем ты себе представляешь, королева. Мы должны поговорить немедленно и вдали от чужих ушей!

Настойчивость Дар заставила Гирту согласиться. Она велела всем посторонним выйти из комнаты и закрыть дверь. Затем она обратилась к Дар:

— Я слушаю тебя.

— Я не все рассказала тебе, — начала Дар, — маг уколол меня отравленным клинком, — она протянула Гирте оружие мага, до этого момента спрятанное в складках ее платья.

— Почему ты говоришь мне об этом?

— Потому что я скоро умру. Если это случится до того, как воцарится мир, я боюсь того, что будет потом. Войны начинаются легко, но закончить их трудно. Орки уже во дворце, и если их разозлить... Я своими глазами видела, на что они способны. Молись о том, чтобы этого не довелось увидеть тебе.

Гирта растерялась.

— Так ты попросила меня о разговоре наедине для того, чтобы запугать меня?

— Нет. Я здесь для того, чтобы убедить тебя собраться с силами и поступить справедливо — так, как ни за что не поступил бы маг. Я думаю, он убил короля и отравил меня, чтобы править королевством у тебя за спиной. Ты знаешь этого человека. Ты согласна со мной?

— Да. Он и так уже был королем больше, нежели мой муж.

— Когда-то я была самой простой женщиной. Я знаю мужчин. Они считают нас слабыми. Другие мужчины будут пытаться силой добиться того, чего маг добивался колдовством. Ты будешь только называться королевой, и твоему сыну всегда будет грозить опасность.

Казалось, Гирта вот-вот расплачется, и Дар, проникнувшись сочувствием к ней, заговорила мягче.

— Есть способ, как избежать такой участи. Орки чтут матерей. Они будут оберегать тебя. Если они будут на твоей стороне, кто осмелится тебе противостоять?

— Но почему они станут делать это?

— Потому что я прикажу им, потому что такова их суть. Скоро я уйду по Темной тропе. Я хочу оставить в наследство мир.

Гирта все еще выглядела растерянной. В ее глазах застыл страх.

— Орки? Жить в окружении орков?

— Когда меня только что клеймили, я думала, что орки съедят меня. Но от них я получала только доброту. Научись видеть их, как вижу их я, и ты перестанешь их бояться.

— Не знаю, возможно ли это.

— Среди орков есть один, который первым подружился со мной. Его зовут Ковок-ма.

Он говорит на вашем языке и покажет тебе, как добры орки. Познакомься с ним, — сказала Дар и простонала: — Но поспеши! Мне все больнее.

Заметив, что губы Дар стали такими же бледными, как ее лицо, Гирта поняла, что вправду нужно поспешить.

— Сердце подсказывает мне, что ты говоришь правду. Я встречу с этим Ковоком позже, вечером. А теперь скажи мне, что нужно делать сейчас.

— Давай заключим мир. Орки составят отряд гвардии, станут телохранителями для тебя и твоего сына. В ответ ты поклянешься использовать их только для собственной защиты и никогда — для завоеваний и грабежей. Поселить орков при твоём дворе нужно так, чтобы они могли соблюдать свои древние традиции, чтобы их могли навещать матери и давать им советы и подавать еду. И наконец, обещай вознаградить клейменных женщин и даровать им волю.

— Это легко исполнить, — сказала Гирта, — почему такая щедрость?

— Так будет обеспечен мир, а мир бесценен.

Гирта запечатлела поцелуй на покрытом испариной лбу Дар.

— Давай вместе оповестим всех о мире.

Первым делом Дар обратилась к оркам и рассказала им на их языке обо всем, о чем они договорились с Гиртой. Она ни словом не обмолвилась о своей смертельной ране. Наоборот, она всеми силами старалась выглядеть совершенно здоровой, хотя эти усилия ей дорого стоили. Затем стала говорить Гирта. К этому времени придворные уже успели кое-что узнать от гвардейцев, и многие из них осуждали планы своей слишком уступчивой, на их взгляд, правительницы. Как только Гирта завершила свою речь, орки громогласно присягнули на верность «великой матери вашавоки» и тем самым показали, что у новой королевы имеются устрашающие союзники. Люди, привыкшие покоряться могучей силе, мгновенно изменили свое отношение к планам Гирты, а те, кто ценил мир, увидели причину надеяться на лучшее.

Затем мирное соглашение было записано на пергаменте, и по всему королевству были разосланы глашатаи с вестями. К тому времени, как было покончено со всеми этими официальными делами, у Дар кружилась голова, а боль в груди усилилась. В изнеможении она пыталась бороться с ядом. Дар устало опустилась на стул. Ее глаза закрылись. Она представила себя в пещере с Мут-па. Она увидела разрастающуюся дыру у себя в груди, через которую вытекала в пустоту ее сущность. Так же, как тогда, в пещере, она чувствовала, что внутри ее есть что-то еще — что-то драгоценное.

«Фатма! — Дар резко разжала веки, — если я умру здесь, Фатма снова будет утрачена!»

Дар с трудом поднялась на ноги, нашла королеву Гирту и отвела ее в сторону.

— Я не могу умереть здесь! — прошептала она, — я должна вернуться домой.

— Я распоряжусь, чтобы тебя препроводили с почестями.

— Нет времени для почестей. Быстрый конь — вот все, что мне нужно. И быстрый всадник, — дар ахнула от приступа боли, — Севрен. Гвардеец, который помог мне. Позови его. Скорее!

Дальнейшие события Дар пережила как сон, перемежающийся с явью. Мгновения ясности чередовались с долгим забытьём. Она очнулась на постели. Люди тихо переговаривались рядом. Она увидела Гирту и Севрена. Потом они растаяли. Потом она увидела склонившегося к ней Зна-ята.

— Мут Маук, атам дава-довак? — спросил он. («Великая мать, что случилось?»)

Дар ответила по-орски:

— Черный Вашавоки совершил злое колдовство. Пока не говори никому. Я должна вернуться домой и все рассказать верховной матери клана.

— Я отнесу тебя.

— Тва. Конь быстрее тебя, — дар застонала, — оставайся здесь и следи за тем, чтобы была исполнена моя воля.

Зна-ят низко поклонился.

— Повинуюсь, Мут Маук.

Дар попыталась растянуть губы в улыбке, но ее лицо было сковано болью. Все поплыло у нее перед глазами, и она не увидела печали во взоре Зна-ята. Вокруг собрались люди. Он подняли Дар и понесли к конюшне. Кто-то завернул ее в теплый плащ и, приподняв, передал сидевшему на коне всаднику. Дар почувствовала, как он обхватил рукой ее талию.

— Северн? — прошептала она.

— Да, это я.

— Нужно... скакать... быстро.

— Знаю, — ответил Северн нежно и взволнованно, — если ничто не задержит нас в дороге, к утру будешь дома.

Дар хотела сказать что-то еще, но мир ускользал от нее. Она даже не заметила, как Всполох помчался галопом.

В комнате, озаренной множеством свечей, юный Крегант III испуганно глядел на огромного орка, сидящего на полу. Королева Гирта гладила волосы принца, стараясь успокоить его. Она заметила, что сын сосет палец — такого за ним давно не замечалось.

— Милый, — проговорила Гирта, стараясь унять дрожь в голосе, — это Ковок-ма. Он — наш друг.

Принц молчал.

— Наверное, я такому малышу кажусь слишком большим, — сказал Ковок-ма.

Королева была напугана не меньше сына. Она уже сожалела о перемирии.

«Неужто эти орки и вправду лучше мага?» — гадала она. Тем не менее ради сына Гирта старалась держаться храбро.

— Мне ты тоже кажешься большим, — призналась она, — я никогда не видела таких, как ты, так близко, — она вспомнила, как где-то слышала о том, что орки способны чужой страх, и решила, что будет благоразумнее сказать об этом честно, — я немного боюсь.

— Даргу тоже испугалась, когда мы впервые встретились, — сказал Ковок-ма, — а потом разозлилась.

— Даргу?

— Она теперь Великая Мать. А тогда она была всего лишь Даргу. Это слово на вашем наречии означает «хорек».

Ковок-ма растянул губы в улыбке.

Гирта не имела понятия о том, что выражает эта гримаса.

— Теперь я понимаю, почему ее прозвали хорьком, — проговорила она, думая, что это прозвище — дурной знак. — Жаль, что я сейчас не могу с ней поговорить.

— Думаю, она часто будет навещать тебя.

— Как она сможет это делать? Сомневаюсь, что она успеет добраться домой, прежде чем...

У Гирты сорвался голос.

— Прежде чем — что? — спросил Ковок-ма.

— Прежде чем яд убьет ее.

— Яд! Какой яд?

Заметив, как растревожился орк, Гирта испугалась еще сильнее.

— Я думала, ты знал, что маг уколол ее отравленной спицей.

— Я могу увидеть эту спицу? — спросил Ковок-ма.

Гирта послала слугу за оружием мага.

— Она ничего не сказала тебе? — спросила она у Ковока.

Ковок-ма покачал головой.

— Даргу всегда прятала свою боль.

Увидев, как сверкают глаза Ковока, королева воскликнула:

— Ты питаешь чувство к ней!

— Хай, она наполняет мое сердце, хотя...

Вернулся слуга и принес оружие мага. Спица торчала из рукоятки. Ковок-ма понюхал ее.

— Я знаю этот яд. Он очень сильный и злой. Теперь я понимаю, почему Даргу так торопилась. Ты видела ее рану?

— Нет, — ответила Гирта.

— У меня маю надежды, но мало — это лучше, чем ничего, — ковок-ма низко поклонился, — прости меня, Великая Мать Вашавоки, но я должен разыскать Даргу.

— Она будет жить?

— Возможно, она проживет достаточно долго.

— Достаточно долго — для чего?

Ковок-ма поднялся. Его мысли были далеко от дворца.

— Возможно. Возможно. Но только если я поспешу.

43

Севрен гнал Всполоха так быстро, как только мог. Хотя он верил, что только скорость может спасти Дар, он понимал, что она будет обречена на гибель, если лошадь захромает. У Севрена был опыт, как выносить раненых из боя, и он скакал вперед, усадив Дар впереди себя. Она сидела, прижавшись щекой к его груди. Но только ее тело было рядом, а ее рассудок блуждал где-то далеко. Она бредила. Чаще она говорила по-оркски. То и дело повторяла: «Фатма», — но что это значило, Севрен не понимал.

Порой Севрен обращался к Дар. Он говорил ей: «Держись» или «Скоро доберемся». Но он молчал о том, что было у него на сердце.

«Как я могу сказать королеве, — думал он, — что я ее люблю? Ведь теперь она настолько выше меня».

Дар стала для него чем-то вроде фермы в горах Аверена — красивой мечтой и еще менее достижимой. Севрен страшился того, что скоро эта мечта умрет. Стоило ему подумать об этом, и он начинал торопить коня.

Севрен никогда не путешествовал по дороге от Тайбена до клана Ят, но этим путем легко было следовать и ночью, даже при том, что дорога была припорошена снегом. Сначала он скакал довольно быстро, несмотря на то что Всполоху приходилось нести двоих. Вскоре он уже добрался до предгорий. Холмы были необыкновенно красивы в свете луны. Снег поблескивал серебром под звездным небом. Этой красоты Дар не видела. Ее глаза были открыты, но она словно глядела на что-то другое. Они и не спала, и не бодрствовала. Севрен тревожился за нее все сильнее.

Чем выше в горы поднимался Всполох, тем глубже становился снег, засыпавший дорогу. Севрен был вынужден пустить коня более медленным шагом. Вскоре Всполох начал по колено увязать в сугробах, и Севрену пришлось спешиться. Сидеть Дар не могла, поэтому он уложил ее поперек седла, как мешок с зерном. Потом он взял поводья и пошел впереди, утаптывая тропу для коня. Получалось очень медленно, и Севрену хотелось надеяться, что сугробы скоро станут не такими глубокими. Они, однако, становились все глубже. Время работало против него, и мороз тоже. Севрен начал опасаться, что Дар умрет по дороге. По его замерзшим щекам потекли слезы. Несмотря на холод и усталость, он шел вперед и останавливался только для того, чтобы проверить, жива ли Дар.

Ночь шла на убыль. Севрен начал отчаиваться. Он уже гораздо дольше сражался с сугробами, чем добирался до них. Несмотря на все его старания, до перевала было еще далеко. Он злился на стихию и уже был недалеко от того, чтобы позволить ей победить.

Небо на востоке едва заметно посветлело, когда Севрен заметил на дороге позади какой-то темный силуэт. Похоже, это был пеший путник. Он быстро бежал по дороге и приближался с каждым мгновением. Вскоре Севрен понял, что это орк. Он заволновался и стал гадать, не совершил ли чего-то нехорошего, не оскорбил ли орков тем, что увез Дар.

Будь она в добром здравии, она бы все сама объяснила, но Дар сейчас ему помочь не могла. Севрен ждал. По его расчетам, орк должен был скоро догнать его.

Когда орк поравнялся с Севреном, он сказал единственное:

— Иди за мной.

Затем он пошел первым, легко ступая по сугробам. Севрен покорно побрел следом. Какое-то время орк шагал, прокладывая путь для Севрена и коня, а потом указал на нависавший над дорогой скальный козырек. Он расчистил место в снегу, снял Дар с коня, сел и положил ее себе на колени. Севрен смотрел на орка, чувствуя себя лишним. Орк принялся к дыханию Дар, затем поднял подол ее платья, чтобы осмотреть грудь. Стало видно темное пятно размером с кулак Севрена. В предрассветных сумерках оно напоминало дыру. Орк поднял голову.

— Наломай веток с дерева, — сказал он, указав на сухую сосну, — ей нужен огонь.

Севрен сделал, как сказал орк. Когда он вернулся, орк держал Дар на руках, повернув ее лицом к себе, и что-то жевал. На глазах у Севрена он вытащил кинжал и снова поднял подол платья Дар, чтобы обнажить рану. Севрен встревожился.

— Что ты делаешь?

Держа кинжал над бледной кожей Дар, орк поднял голову и посмотрел на Севрена.

— Я готовлю снадобье, — пробормотал он с полным ртом.

Затем он несколько раз провел лезвием кинжала поперек раны. Получились надрезы в форме звезды. Как только появилась кровь, орк наклонился и сплюнул на рану.

— Ты можешь спасти ее?

— Это слабое снадобье, — ответил орк — все еще с набитым ртом, — оно даст ей время, ничего больше.

Орк продолжал сплевывать, пока кровавая звезда не покрылась его слюной полностью. Потом он вынул изо рта комок пережеванных целебных трав, уложил их на рану, опустил платье Дар и завернул ее в плащ. Он протянул Севрену огниво и трут.

— Сможешь развести костер? Ее нужно согреть.

— Хай, — проговорил Севрен, пустив в ход едва ли не весь свой скудный запас оркских слов.

Разводя костер, он не мог не обратить внимания на то, с какой нежностью орк держит Дар на руках. Севрену стало не по себе, и он поймал себя на том, что ревнует. Наконец он не выдержал и спросил:

— Ты — тот самый орк, который приютил Дар в войсковом лагере?

— Хай. Я — Ковок-ма.

— Ты любишь ее?

— Я не знаю этого слова.

Севрен прижал руку к сердцу.

— Большое чувство. Вот здесь.

— Хай, Даргу-ят наполняет мое сердце, — ковок-ма понюхал воздух, — и твое тоже.

Севрен догадался, что орк почувствовал исходящий от него запах любви — атур. Зная, что его чувства теперь известны Ковоку, он задал вопрос, которым выдал себя еще больше:

— А сердце Даргу-ят... Ты наполняешь ее сердце?

— Это все равно.

— Потому что она умрет?

— Даже если она выживет, мы ни за что не стали бы благословленными.

— Это означает «супругами»?

— Наверное, да.

Севрен смотрел на Ковока, казавшегося ему таким чужеродным. Он изумлялся тому, как подобное существо могло помыслить о том, чтобы жениться на Дар. Но сомневаться не приходилось: орк собирался это сделать.

«А у Дар тоже были такие помыслы? — стал гадать Севрен и понял, что он никогда этого не узнает, — это единственное, что у нас с ним есть общего, — мы оба любим

женщину, которая скоро умрет».

Однако Севрен проникся сочувствием к Ковоку, и из-за этого орк перестал казаться ему таким уж чужим и странным.

— Теперь она — Великая Мать, — сказал Севрен, — так что мои чувства, как и твои, мало что значат.

— Я понимаю твою печаль, — сказал Ковок-ма и на миг задержал взгляд на Севрене, — я думаю, что ты не такой, как большинство вашавоки. Давай вместе позаботимся о Даргу-ят, пока она жива.

Севрен сел ближе к Ковоку и сжал руки Дар в своих руках, чтобы согреть их. То ли из-за того, что ее согрело тепло костра, то ли из-за того, что рядом с ней находились двое, которые любили ее больше всего на свете, то ли и потому, и поэтому... но боль покинула лицо Дар. Когда встало солнце, она открыла глаза и вяло улыбнулась.

— Севрен, — прошептала она, — ковок.

— Ковок-ма дал тебе целебное снадобье, — сказал Севрен, — скоро ты будешь дома.

— Поспешите, — прошептала Дар.

Севрен сел верхом на Всполоха. Ковок-ма поднял Дар и передал ее гвардейцу. Затем орк пошел вперед, пробивая дорогу в снегу для коня. Они мало-помалу продвигались к перевалу. В чистом небе сияло солнце, но воздух был морозным, и вдобавок дул порывистый ветер. Дар привалилась к Севрену и впала в забытие.

Дар не видела гор, не чувствовала, как ветер прикасается к ее лицу. Она пребывала в сумеречном мире своих видений, на которые взирала с закрытыми глазами. Ближе яви стал для нее этот мир — туманная местность, наполненная размытыми силуэтами. Однако кое-что Дар видела ясно. Не поворачивая голову, она устремила взгляд вниз и увидела сердце Всполоха, бьющееся в его груди. Сердце было большое, и с каждым ударом оно вспыхивало. Дар понимала, что этот конь будет с радостью служить Севрену, пока его большое сердце не разорвется.

«Это тоже любовь», — догадалась Дар.

Точно так же Дар увидела сердце Ковока и сердце Севрена. Их чувства, конечно, были сложнее, чем чувства коня, но для Дар они были открыты.

«Не так ли Мут ла видит мир?»

Собственное тело представало перед Дар таким, что это вновь заставило ее вспомнить о видении, пережитом ею во мраке, когда с нею рядом была Мут-па. Дыра в ее груди была видна отчетливо, ее края горели тускло-красным светом. Кожа казалась прозрачной раковиной. Дыра разрасталась, а кожа становилась все тоньше. Под кожей, будто птичка, которую посадили в кувшин, трепетала и билась Фатма.

«Если моя кожа порвется, Фатма улетит прочь. Тогда она будет потеряна для уркзиммути».

Усилием воли Дар вернулась в мир ветра и гор. Она разжала веки и увидела заснеженную дорогу, сверкающую в лучах утреннего солнца. Она почувствовала, как Севрен обнимает ее, увидела его руку, сжимавшую поводья.

— Поспеши, — прошептала она.

После перевала дорога пошла на спуск. Снег стал не таким глубоким. Через некоторое время Ковоку уже не нужно стало прокладывать тропу для коня.

— Ты должен скакать дальше, — сказал он Севрену, — когда доберешься до палаты клана, скажи так: «Даргу-ят нак Мут Маук. Фер тайяк». Это значит: «Даргу-ят — Великая Мать. Она умирает». В клане сделают все, что нужно.

— Но ведь ты дал ей целебное снадобье.

— Оно очень слабое. Я не такой уж опытный знахарь, — ковок-ма сунул руку под плащ и вытащил предмет, похожий на рукоятку маленького ножа. Ковок-ма нажал на выступ сбоку. Из рукоятки выдвинулась зловещего вида спица Ковок-ма указал на ее острие,

окрашенное чем-то зеленовато-коричневым, — это яд, — сказал он, — скажи: «Гатав ма мут туси». Это значит: «Приведите ко мне мать-целительницу». Покажи ей эту вещь, — ковок-ма снова нажал на выступ на рукоятке, и спица убралась внутрь ее. Затем он протянул оружие мага Севрену, — теперь поезжай. Скачи быстро.

Севрен прищипорил Всполоха. Дорога стала более легкой, и конь побежал вперед даже без понукания. Казалось, Всполох понимает, как важно поскорее довезти Дар до дома. Промчавшись по дороге, они вскоре выехали к извилистой долине. Севрен разглядел небольшие хижины на опустевших лугах — и догадался, что они уже недалеко от цели. Дар по-прежнему была без чувств, и он не мог ни о чем спросить ее. Без какого бы то ни было приказа Севрена Всполох пустился галопом. Дорога повернула, и Севрен впервые увидел постройки клана Ят.

Добравшись до входа в палату, Севрен обратился к двоим оркам, стоявшим на страже у двери. Он произнес слова, которые ему сказал Ковок-ма. Орки сразу же сняли Дар с коня и унесли в палату. Севрен пошел за ними. В палате он увидел много орков, которые отличались от тех, которых ему довелось видеть прежде. Телосложением и лицами они больше напоминали людей. Они ходили, не прикрывая грудь, поэтому Севрен понял, что это оркские женщины. Ему сразу стало ясно, что главные тут они, а не мужчины.

Дозорные внесли Дар в круглую комнату и уложили на подстилку поближе к очагу. В комнате находились несколько оркских женщин. Они тут же принялись за дело. Севрен заметил, что они опечалены, но в их действиях не было паники. Одна из женщин подошла к Севрену.

— Меня зовут Зор-ят, — сказала она, — королева была моей сестрой. Даргу-ят — моя дочь. Скажи мне, что с ней случилось.

Севрен так обрадовался тому, что эта оркская женщина говорит на языке людей, что не стал спрашивать, как это может быть, что Дар — ее дочь.

— Маг отравил Дар, — сказал он и достал зловещее оружие, — яд до сих пор на лезвии, — он нажал на выступ на рукоятке, и из нее выдвинулась спица, — ты можешь привести целительницу?

Из всех орков, находившихся в комнате, Зор-ят вела себя наиболее спокойно. Это удивило Севрена. Ведь Зор-ят только что узнала о том, что потеряла сестру и могла вот-вот потерять Дар. Со сдержанностью той, которая много повидала на своем веку, Зор-ят взяла колдовское оружие и что-то произнесла по-оркски. К ней подошла другая женщина, взяла у Зор-ят отравленную спицу и унесла из комнаты. Зор-ят снова обратилась к Севрену:

— Расскажи мне, как Даргу-ят стала Великой Матерью.

Севрен вкратце поведал ей о том, как Дар спасла королеву, и о том ритуале, который произошел вскоре после этого. Когда он закончил рассказ, Зор-ят спросила:

— Ты видел, как Великая Мать прикоснулась к груди Даргу-ят?

— Видел.

Похоже, это порадовало Зор-ят.

— Это хорошо, — сказала она, — очень хорошо.

В комнату вошла другая женщина-орк. Зор-ят подошла к ней, и они стали о чем-то говорить. Не понимая слов, Севрен вынужден был просто наблюдать за ними. Молодая оркская женщина опустилась на колени рядом с Дар и стала нежно гладить ее лицо. Дар лежала неподвижно. Ее глаза были открыты, но выглядели так, словно она слепая.

Вошла еще одна женщина-орк и принесла флакон с какой-то жидкостью. Она велела остальным оркам разойтись, а потом раздела Дар и осмотрела ее грудь. Уродливое лиловое пятно на груди стало больше, чем тогда, когда Севрен видел его в последний раз. Образовавшие звезду разрезы, сделанные Ковоком, уже не доходили до краев раны. Целительница наклонилась и втянула ноздрями воздух над раной. Потом она приподняла голову Дар и стала медленно лить ей в рот жидкость из флакона. Когда флакон опустел, целительница уложила Дар на подстилку.

Зор-ят и та женщина, с которой она говорила, сели на корточки около Дар. Похоже, все

чего-то ждали, но жидкость, судя по всему, не действовала. Шло время, ноне происходило никаких перемен. А потом Дар неожиданно попыталась подняться.

Дар осознавала, что возвратилась домой, но она никак не могла покинуть мир тумана. Она слышала голоса, но они звучали вдалеке. Она чувствовала прикосновение рук. Хотя Дар лежала неподвижно, она знала обо всем, что происходило рядом с ней. Она видела мир внутренним оком. Видела вокруг себя силуэты и понимала, что это уркзиммути. Дар не узнавала их лиц, но видела их дух. Один дух светился. Он был наделен качествами, заметными для новообретенного зрения Дар: состраданием, мудростью и крепостью.

Фатма ярко сияла внутри угасающей оболочки тела Дар.

«Пора передать ее».

Дар точно знала, куда должна уйти Фатма, — к сияющему духу.

«Если бы только у меня были силы...»

Но вот чья-то рука приподняла ее голову, и в ее горло хлынула сила. Через несколько мгновений Дар смогла удерживать Фатму. Она собрала все силы и поднялась, чтобы схватить ярко светящийся дух.

Но его уже не было! Безликие силуэты вокруг Дар не были достойны того, чтобы получить великий дар Мут ла. Дар выкрикнула:

— Науг... («Где...»)

Но прежде чем она смогла произнести еще хоть слово, силуэты потемнели, растянулись, превратились в пустоту, заключившую в себя весь мир. Силы покинули Дар. Опустившись на подстилку, она видела только Фатму, сияющую во тьме.

44

Мут-ят и Зор-ят сидели в Большом зале. Последние лучи заходящего солнца струились в окна, озаряли трон золотыми отсветами. Зор-ят взглянула на трон и вздохнула.

— Я была уверена, что на престоле воссядешь ты или я.

— А воссядет твоя дочь, — сказала Мут-ят.

— Моя дочь, — зор-ят произнесла это слово с горькой издевкой, — ты сказала, что она умрет.

— Разве ты не думала так же? Ты слышала о ее видении. У нее была дыра в груди. Ее дух выливался через эту дыру.

Зор-ят кивнула.

— И верно, она словно бы сама предсказала свою смерть. Что же случилось?

— Кто знает? Быть может, целительное снадобье спасло ее. Быть может, Мут ла.

— Зачем Мут ла нужно было пощадить Даргу, а не нашу сестру? — спросила Зор-ят, — зета была королевой, а Даргу — просто какая-то вашавоки.

— Ты не веришь в то, что она переродилась?

— Я мало что понимаю в волшебстве, я не могу видеть чужой дух. Может быть, внутри Даргу — уркзиммути, но я вижу только вашавоки.

— У нее есть клановая татуировка, — заметила Мут-ят.

— Хай. В остальном она осталась такой же, какой была, — зор-ят наморщила нос, — и пахнет точно так же.

— Если ты знала, что волшебство изменит только ее дух, зачем же ты согласилась стать ее мутури?

— Когда ты попросила меня об этом, мне показалось, что это мудро задумано, — ответила Зор-ят, — и я думала, что все обернется иначе.

— В том, что я задумала, было не так уж мало мудрости, — возразила Мут-ят, — я говорила с вашавоки, который привез сюда Дар.

Зор-ят снова наморщила нос.

— Это тот, от которого исходит такой сильный атур?

— Хай. Точно так же, как от сына твоего брата. Я и с ним говорила. Оба рассказали мне

очень много интересного. Даргу в Тайбене не сидела сложа руки. Теперь вашавоки правит мать. Сыновья уркзиммути больше не будут воевать и убивать ради вашавоки. Король мертв. И Черный Вашавоки тоже. Он был не только врагом Даргу. Он был угрозой для всех уркзиммути.

— Хай. Хай. Но что все это означает в сравнении с пророчеством Веласа-па? — спросила Зор-ят, — признайся, сестра, мы совершили большую глупость!

— Все пошло плохо, но как мы могли это предвидеть? Казалось, пророчество Веласа-па несбыточно. Он говорил о королеве, а не о бродяжке-вашавоки.

— Но теперь Даргу — королева, поэтому наш черный час близок, — зор-ят вздохнула, — если бы только мы не совершали этого волшебства...

— Не отчаивайся, — сказала Мут-ят, — еще есть надежда.

— Рана все еще может убить ее?

— Целительница говорит, что она поправится. Но новокоронованные королевы могут умереть и по другим причинам. Обычаи есть обычаи, а Даргу — новорожденная. В чем-то она наивна, как дитя.

— Как, к примеру, в чувствах к сыну моего брата?

— Хай. Даргу ничего не ведает о том, как близка беда.

— Что ж, теперь она наша Великая Мать, — сказала Зор-ят и впервые за время разговора улыбнулась, — не нам ей приказывать.

Валамар и новобранец вошли в большой зал дворца в Тайбене с носилками.

— Один совет, парень, — сказал гвардеец-ветеран, — никогда не ссорься с мердантом.

— Так тебе из-за этого дали такой приказ? — спросил новобранец.

— Угу. И все из-за какой-то девки в кабаке, — Валамар усмехнулся, — она, правда, того стоила. Ладно, пошли, давай поскорее покончим с этой мерзкой работенкой.

Гвардейцы пересекли зал и отперли дверь в комнату, где проходили переговоры. Смеркалось. Казалось, кровавое пятно на полу тенью подползает к трупку мага. Его тело все еще лежало там, где он упал.

Новобранец поежился.

— Ну тут и холодрыга!

— Да, какой-то странный холод, — отозвался Валамар. Дыхание облачками срывалось с его губ, — говорят, точно так же было и в башне Кровавого Ворона.

Молодой гвардеец сдвинул брови и пристально уставился на мага.

— Ты уверен, что он мертв?

— Да ты погляди на него! Он же в головешку превратился!

— А вот балахон у него ни капельки не обгорел. А глаза! Готов поклясться, он на меня тарашится!

— Просто тебе еще не приходилось видеть убитых, — сказал Валамар, — а я повидал города, где были убиты все жители до одного, — он спокойно наклонился и опустил веки мага, — вот так. Так лучше? Теперь помоги мне.

Гвардейцы подняли тело Отара и уложили на носилки. Сапоги мага остались на полу. Как и его балахон, они не пострадали от того, что убило колдуна. Валамар поднял один сапог и перевернул его. Посыпалась зола попеременно с обгоревшими костями.

— Хороши сапожки. Почти новенькие.

Новобранец попятился. Валамар расхохотался и бросил сапоги на носилки.

— Куда мы его отнесем? — спросил новобранец.

— В яму бросим. Он убил нашего короля, так что пусть там гниет вместе с бродягами и разбойниками, — Валамар улыбнулся, — новая королева еще добрая. Я бы его в сточную канаву швырнул.

Гвардейцы вынесли свою страшную ношу из дворца. Во дворе стояла повозка, запряженная лошадей. Валамар и его помощник уложили тело Отара в повозку и поспешно погнали лошадь к воротам, чтобы вернуться до того, как их закроют на ночь. Погребальная

яма находилась за городской стеной — так далеко, чтобы исходящая от нее вонь не удручала жителей Тайбена. Ритуал погребения придворного мага выглядел просто: гвардейцы сбросили его в яму и торопливо удалились.

Стемнело. Сгустилась ночь. Толстые тучи закрыли луну и звезды. Сброшенный в погребальную яму Отар открыл глаза.

СЛОВАРЬ ОРКСКИХ СЛОВ, ПОНЯТИЙ И ВЫРАЖЕНИЙ

Атур (существительное) — запах, говорящий о любви. См. также *Сексуальные отношения*.

Ба (существительное) — глаз, око.

Ба Нити — (имя собственное) — ночь новолуния («Скрытое Око»).

Ба Сими (имя собственное) — оркское прозвище мерданта Коля («Синеглазый»).

Бакт — оркский инструмент для обработки камня. То же самое, что молоток.

Благословенные — слово из языка людей, по-оркски звучащее «ваши». Этим словом орки называют супругов. Слово возникло из-за того, что супружеский союз орков должен быть одобрен мутури жениха и невесты. Мутури редко возражает против выбора дочери, а вот мутури сына скорее оспорит его выбор. См. также *Сексуальные отношения*.

Блат Уркмути (имя собственное) — оркское название гор Уркхайт («Плещ Матерей»).

Брак (существительное) — корнеплод с хрустящей желтой мякотью и ореховым привкусом.

Вата (междометие) — до свидания, прощай.

Ватем (существительное) — каменная крепежная стенка, применяемая для создания ступенчатых (террасных) полей на горных склонах. После того как орки поселились в горах Уркхайт, они часто пользовались такими полями.

Ваи (корень глагола и существительное) — 1. Благословлять, благословение. 2. Вступать в брак, супружество.

Ваи (существительное) — зуб.

Вашавоки (существительное и прилагательное) — человек (как женщина, так и мужчина). Слово переводится как «зубы собаки» и имеет отношение к белизне человеческих зубов.

Вашутхахи (существительное) — черные зерна, похожие по форме на горошины, оказывающие мягкое наркотическое воздействие и при жевании окрашивающие зубы в черный цвет («красивые зубы»).

Велазул (существительное) — любящий, влюбленный, любовник. В отличие от слова из языка людей, употребляется только в целомудренном смысле («дарящий любовь»).

Веласа-па (имя собственное) — имя человека, который переродился до вторжения вашавоки и стал великим мудрецом уркзиммути. Он пытался предупредить оркскую королеву о вторжении, но она не смогла оценить опасность и действовать согласно советам Веласа-па. Веласа-па жил в Таратайке в то время, когда на город напали люди, и стал свидетелем его разрушения. Орки рассказывают различные предания о его судьбе и пророчествах.

Великая Мать (существительное) — оркская королева. См. также *Мут Маук*.

Ветер (существительное) — слово из языка людей, означающее «фуф Мутц ла», что переводится как «дыхание Мут ла».

Воинские звания. У орков не существует собственного организованного войска, и все нижеприведенные слова происходят из языка людей. В оркских полках все офицеры — люди.

Звания в войске людей. Звания в древних войсках были менее определенными, чем в

современных, и их современные эквиваленты носят приблизительное значение.

Мердант — звание, равное званию сержанта.

Старший мердант — высшее неофицерское звание. Старший мердант подотчетен непосредственно генералу.

Сустолум — низшее офицерское звание, равное званию лейтенанта.

Толум — звание, равное званию капитана. Обычно толум командует шилдроном (см. ниже).

Старший толум — обычно командует полком.

Генерал — высшее офицерское звание. Генерала, командующего оркскими полками, обычно именовали Человеком Королевы, поскольку орки верили, что властью его наделяет их королева.

Старшинство у орков. У орков нет ни офицеров, ни мердантов, но они выделяют лидеров из своей среды. Эти лидеры не имеют такой власти, какой располагают офицеры-люди, но орки следуют их примеру, лидер может убедить в чем-то своих сородичей. Лидеры носили колпаки — знак мудрости. Колпаком наделяли на общем совете и точно так же могли его отнять. Авторитет Мудрых сыновей проистекал от Матерей клана, позволявших им принимать решения в их отсутствие. Лидеры принимали решения в среде орков мужского пола во всем, что касалось войны. За пределами оркских полков они имели не более высокое положение, чем любые другие орки мужского пола.

Воинские подразделения. Оркский полк состоял из орков-воинов под командованием офицеров-людей. Солдаты-люди играли роль поддержки, а женщины служили и оркам, и людям. Главной боевой единицей орков был шилдрон. Он состоял из тридцати шести орков. Шилдроном также именовали это оркское подразделение вместе с людьми, которые помогали оркам и командовали ими. В оркском полку имелось шесть оркских шилдронов и люди — офицеры, солдаты и женщины.

Вторжение вашавоки. Первые контакты между людьми и орками носили мирный характер, но эта эпоха закончилась нападением людей-захватчиков с востока. В ту пору орки ничего не знали о ведении войны, и люди без особого труда победили их, несмотря на то что орки превышали их ростом и физической силой. Хотя орки быстро научились тому, как изготавливать оружие, и стали свирепыми воинами, они не сумели овладеть искусством военной стратегии, необходимым для победы. Они были вытеснены со своих исконных земель и выжили только в суровых горах Уркхайт, которые называли Блат Уркмути («Плащ матерей»), потому что эти горы приютили спасающихся бегством матерей.

Гоблин (существительное) — так люди иначе называют орков. Это слово более употребительно в западных королевствах.

Гоблинские войны — так у людей принято называть попытки орков отвоевать свои земли после вторжения вашавоки. Этот военный конфликт, во время которого происходили жестокие сражения, продолжался на протяжении жизни несколько поколений. Большой частью имели место набеги с той и с другой стороны. По завершении конфликта к югу от гор Уркхайт оркских поселений не осталось.

Дар — так орки именуют месячные кровотечения у женщин. После первых месячных мать получает клановую татуировку, поскольку считается, что она достигла зрелости.

Даргу (существительное) — хорек.

Депиата («грязь, уходи») — оркское мыло в виде пасты. Людям оно неизвестно. В тех редких случаях, когда люди моются, они кладут в воду травы или лепестки цветов.

Дерево. Из-за того, что деревья соединяют землю и небо, орки считают их воплощением Мут ла. Они жестом изображают Мут ла, прижимая ладонь с расставленными, словно ветви, пальцами к груди. Этот жест обычно применяется в знак признания присутствия Мут ла во время какого-либо события или в чем-либо поступке.

Доспехи. До тех пор, пока орки не встретились с людьми, они не были искушены в

искусстве войны. Их доспехи устроены почти так же, как у людей. Они исключительно практичны, лишены какого-либо украшательства и более массивны, нежели доспехи людей. Орки называют доспехи словом «лоукап», что переводится как «жесткая одежда». Главным предметом доспехов является кольчуга — длинная рубаха без рукавов, укрепленная кожей. Поверх ткани нашиваются стальные пластины. Пластины небольшие по размеру, их нижний край закруглен, и это позволяет двигаться более свободно. В результате кольчуга становится похожей на рыбью чешую. Такие кольчуги орки носят почти постоянно. Защиту тела усиливают дополнительные доспехи, привязываемые к рукам и ногам. Их надевают только в походе и перед боем. Боевое облачение орка завершает округлый шлем. Простой по форме, он закрывает большую часть головы. Шлем имеет небольшие отверстия для ушей. Лицо остается открытым, что позволяет хорошо видеть и свободно переговариваться. Некоторые шлемы снабжены наносниками.

Орки считают доспехи орудием, необходимым для неприятной работы. Они не уделяют особого внимания тому, как выглядят их доспехи, и позволяют им ржаветь.

Дух — слово из языка людей, означающее «фат». Другой перевод слова «фат» — «душа». Орки верят, что дух определяет существование. Вот почему они считают возможным перерождение, поскольку ритуал изменяет дух. Фатма — это дополнительный, особый дух, переходящий от одной оркской королевы к другой. Он смешивается с духом первой королевы и изменяет его. При этом в него вливаются духи предков королевы.

Жена (существительное) — слово из языка людей, означающее «мутваши».

Женщина (существительное) — женская особь у орков называется «мут», но, как правило, они так не называют женщин-людей. Особого слова для обозначения женщин-людей у орков нет, хотя время от времени они используют слово «жен-счина» — искаженное «женщина».

Запахи. Орки обладают особо обостренным обонянием, и в их языке содержится много слов для обозначения запахов, которых люди не чувствуют. Кроме того, орки также умеют посредством обоняния улавливать ряд эмоциональных и физических состояний других орков и людей — страх, гнев, любовь, боль и некоторые болезни. Эта способность оказала значительное влияние на культуру общества орков. Отчасти ею объясняется то, почему орки с таким трудом воспринимают понятие «обман». Обычно орки не говорят о тех чувствах, которые стали им ясны благодаря запаху. Особенно проявлением такой сдержанности отличаются сыновья.

Зим (существительное) — ребенок, дитя.

Зиммути (существительное) — орк.

Знахарка — женщина-человек, знающая толк в искусстве целительства. Знахарки также принимали роды.

Знахарь — орк, владеющий волшебством целительства. Это «волшебство» основано на понимании медицинских свойств растений и владении другими методами лечения болезней. Никакого колдовства в этом нет. Знахарями могут быть орки обоих полов, но наиболее искусственными в этом деле являются матери.

Золотой корень — корнеплод золотистого цвета, часто выращиваемый людьми. Напоминает турнепс, сытный. Его можно есть сырым.

Зул (корень глагола и существительное) — любить, любовь.

Имена. Оркские имена состоят из двух частей — имени, данного при рождении, и названия клана. Следовательно, Зна-ят происходит из клана Ят. Дети принадлежат к клану матери, а клан сына не меняется, когда он женится. В общении между близкими родственниками и друзьями название клана может опускаться. Такое часто происходит, когда матери говорят со своими детьми.

Когда мать становится матриархом клана, ей придается имя Мут. Оркская королева

принимает имя Мут Маук («Великая Мать»). В ее имени нет клановой частицы, потому что она является матерью всех кланов.

Карм (имя собственное) — богиня, почитаемая людьми. Карм именуют богиней равновесия. Считается, что она взвешивает деяния человека после его смерти.

Кефс (существительное) — пара коротких накидок с капюшоном, немного отличающихся друг от друга размером. Их носят оркские матери. В теплую погоду поверх большой накидки надевают малую, чтобы груди оставались открытыми. В холодную погоду большая накидка прикрывает грудь.

Кип (существительное) — оркский инструмент для обработки камня. То же самое, что зубило.

Клан (существительное) — связанные между собой родством семейства орков образуют главную единицу оркского общества. Ребенок матери принадлежит к ее клану, и ее дочери проводят жизнь в ее жилище. Когда сыновья женятся, они переходят жить в жилище жены, но сохраняют принадлежность к своему клану. Каждым кланом руководит матриарх — избранная мать, принимающая при избрании имя Мут. Матриархи, или верховные матери, повинуются только королеве и образуют совет, который время от времени собирается, чтобы давать королеве советы. Каждый клан имеет собственную, отличную от других кланов татуировку, которая наносится на подбородок членам клана, достигшим зрелости.

Колпак как знак старшинства. См. *Старшинство у орков*.

Купание. В отличие от людей орки часто моются. Если есть возможность, они делают это ежедневно. Эта любовь к чистоте, по всей вероятности, вызвана острым обонянием орков. В поселениях орков часто имеются общие бани, где вместе моются представители обоих полов.

Лататх — мать из клана, имеющая право наносить клановую татуировку.

Луна (существительное) — так люди называют батхитхи, что в переводе означает «серебряное око». Имеется в виду око Мут ла.

Мать (существительное) — перевод на язык людей оркского слова «мут», хотя значение этих понятий не совсем равнозначно.

Мердант — см. *Воинские звания*.

Мин (существительное) — орк мужского пола, независимо от возраста. Обычно это слово переводится как «сын».

Минваши (существительное) — муж («благословленный сын»).

Мудрые сыновья — см. *Воинские звания и подразделения (старшинство у орков)*.

Мужчина (существительное) — слово из языка людей. В оркском языке нет особого слова для обозначения людей мужского пола, хотя иногда их называют «волосатолицыми вашавоки».

Мут (существительное) — часто переводится на язык людей как «мать». Этим словом обозначается любая оркская особь женского пола, независимо от возраста и того, есть ли у нее дети. Порой орки пользуются этим словом для обозначения женщин-людей. В оркском обществе матери наделены реальной властью, потому что через их посредство осуществляется руководство Мут ла.

Мут (имя собственное) — это имя мать принимает, когда становится матриархом (верховой матерью) клана. Таким образом, главу клана Ят всегда будут называть Мут-ят. Оркская королева также принимает это имя, однако ее называют Мут Маук, что означает «Великая Мать».

Мутваши (существительное) — жена («благословленная мать»).

Мут ла (имя собственное) — так орки называют Божественную Мать, создательницу мира и всех живых существ. Мут ла умудряет матерей через посредство посылаемых им видений.

Мут Маук (имя собственное) — королева орков («Великая Мать»). Это и титул королевы, и ее собственное имя. Орки также пользуются словом «натмауки» вместо слова «королева».

Мутури (существительное) — мать, как дающая потомство («дающая мать»). Мутури пользуется сильной властью над своими отпрысками. Старшая мутури правит в ханмути.

Муттуфа (существительное) — традиционная оркская похлебка с большим количеством специй, сваренная из паши и других овощей.

Найимгат (существительное) — лекарственное растение с большими ворсистыми листьями. Обладает заживляющими и успокаивающими свойствами.

Нева (существительное) — предмет одежды, носимый оркскими матерями и напоминающий юбку. Нева может быть как сшитой, так и полотнищем ткани, обернутым вокруг бедер.

Нуф (существительное) — ночь.

Нуф Бахи (имя собственное) — ночь полнолуния («Ночь ока»).

Обман. У орков нет слов, обозначающих любые формы обмана, — таких, как «хитрость», «ложь», «предательство», и так далее. Порой понятие «лгать» передается фразой «говорить слова, лишённые смысла», но значение этой фразы ближе к выражению «говорить глупости», нежели к глаголу «лгать».

«Объятия Мут ла» (имя собственное) — перевод на язык людей словосочетания «Зум Мутц ла». Этот священный круг символизирует присутствие Божественной Матери. Он может быть как временным, так и постоянным. Орки часто спят и едят внутри этого круга. Круг может быть обозначен стенами, воткнутыми в землю палками, камнями и даже линией, нарисованной на земле. В жилищах орков всегда присутствуют «Объятия Мут ла», поэтому чаще всего они имеют круглую форму. «Объятия Мут ла» считаются священным местом; тела умерших помещаются в этот круг, здесь же совершаются обряды поклонения Мут ла. Считается, что чаще всего видения посещают матерей именно в «Объятиях Мут ла».

Орк (существительное) — слово из языка людей, означающее зиммути.

Орки (существительное) — слово из языка людей, означающее уркзиммути.

Оркский язык — так люди называют Памути, что переводится как «речь матери». Оркский отличается от языка людей по целому ряду моментов. У орков не существует эквивалентов неопределенного и определенного артиклей. Прилагательные следуют за определяемыми ими существительными. Все личные местоимения имеют род, когда относятся к оркам. Во множественном числе местоимения смешанного рода принимают формы женского рода. Безличные местоимения используются для обозначения предметов, животных и людей. Множественное число образуется за счет префикса «урк», означающего «много». Принадлежность чего-то кому-то или чему-то подчеркивается с помощью добавления к существительному «з». Оркские существительные часто образуются за счет описательного соединения разных слов. Например: слово «хафалф» соединяет в себе слова «ха» («небо») и «фалф» («вода»). Глаголы склоняются правильно, и их корни зачастую являются существительными. Например: *Ма урав ур* — «Я даю дар». Более подробно с грамматикой и лексикой оркского языка можно познакомиться в словаре, приложенном к книге «Собственность короля».

Оружие. До вторжения людей в их земли орки не умели воевать, и все их вооружение по конструкции заимствовано у людей. В бою орки чаще всего используют мечи, боевые топоры и палицы, но, кроме того, они зачастую имеют при себе кинжалы и ножи. Все оружие орков имеет исключительно утилитарное назначение. Оно отражает физическую силу орков, и каждый вид оружия крупнее, тяжелее и массивнее того, которым пользуются люди. Оркам известны копья и пики, но пользуются они ими редко. Хотя орки для охоты пользуются луками и стрелами, в бою они их не применяют.

Паленка — так люди называют недавно клейменную женщину, служащую в оркском полку.

Памути (существительное) — оркский язык («речь матери»).

Паши — пресный на вкус корнеплод, очень распространенный в оркской кухне. Люди называют его «белым корнем». Если паши жарить, он становится вкуснее.

Перерождение — древний оркский ритуал, позволяющий вашавоки со «смешанными духами» стать уркзиммути. Не изменяясь физически, перерожденный становится сыном мутури, участвующей в ритуале, и получает клановую татуировку. Точно не известно, действительно ли в ритуале перерождения участвует настоящее колдовство.

Песнь смерти — так люди называют «татиятай» — песнь, которую орки поют перед тем, как идти в бой. Песнь звучит скорбно, но в ней не так много говорится о смерти. Ее цель — очистить дух и просить утешения у Мут ла. Происхождение песни неизвестно, но почти наверняка она зародилась во времена завоевания людьми оркских земель.

Песчаный лед — так орки называют стекло. Они первыми открыли секрет его изготовления.

Полк — см. *Воинские подразделения*.

Проклятый — так люди называют человека, страдающего «проклятием гнили», то есть — проказой. Проклятых боятся и сторонятся, но не убивают, опасаясь верования в том, что после смерти болезнь проклятого переходит на того, кто его убьет. Проклятые носят колокольчики, чтобы предупреждать людей о своем приближении, и живут тем, что им подадут.

Ритуал погребения. Орки посылают тела своих умерших к Мут ла в том же состоянии, в котором они пришли в мир, — обнаженными. Тела сжигают или кладут на землю («Те фар Мутц ла» — «На грудь Мут ла»), Во втором случае тело кладут в «Объятия Мут ла» (см.), предпочтительно — под деревом.

Самут (существительное) — часть ухаживания, при которой неблагословленная мать совершает странствие в палату другого клана, где ее посещают сыновья, желающие заключить брачный союз. См. *Мать*.

Сапах (существительное) — проводник.

Сексуальные отношения. Сексуальные отношения у орков сильно отличаются от таковых у людей по двум причинам. В оркском обществе доминантным полом являются женщины; орки способны ощущать запах любви, который они называют атур. Этот запах позволяет оркам с уверенностью судить о том, что в ухаживании нет обмана и недопонимания, что часто бывает у людей. Это также означает, что орки не умеют скрывать свои чувства. Инициатором интимной близости всегда выступает женщина. Как правило, женщина делает это, взяв мужчину за руку и прижав ее к своей груди. Этот знак считается морально приемлемым, с его помощью мать показывает, что сыну позволено ухаживать за ней. Без подобного разрешения сын не станет выражать своего желания ни словом, ни делом. Орки верят, что, если сын начнет проявлять знаки внимания к матери против ее воли, Мут ла обречет его на вечное наказание. Таким образом (хотя люди утверждают противоположное), среди орков неведомо такое понятие, как изнасилование.

Сексуальные отношения между неблагословленными (то есть неженатыми) парами запрещены. К таким парам применяются суровые наказания (см. *Благословленные* и *Твада*). Однако любые интимности помимо непосредственного соития считаются подобающей частью ухаживания. Орки называют такие отношения словами «дарить любовь». Сын и мать на этом этапе ухаживания называются словом «велазул», что приблизительно переводится как «возлюбленный», «влюбленный». Довольно часто бывает так, что у матери бывает несколько велазулов до того, как она становится благословленной.

Мутури, как правило, не обращает внимания на такие отношения, пока они не становятся серьезными. Когда мутури высказывает осведомленность об отношениях

велазулов, о ней говорят, что у нее «мудрый нос». Тогда она должна действовать исходя из того, как будет лучше для пары, и либо помогает им заключить постоянный союз, либо препятствует этому. Если мутури не одобряет тот или иной союз, все заканчивается тем, что она запрещает своему чаду видаться с его или ее велазулом.

Солнце — слово из языка людей, означающее «бахрити» («золотое око»); имеется в виду Око Мут ла.

Сон — орки спят сидя, скрестив ноги и подложив под себя тонкий коврик. Только маленькие дети и тяжелобольные спят лежа.

Старший мердант — см. *Воинские звания*.

Старший толум — см. *Воинские звания*.

Сустолум — см. *Воинские звания*.

Табук (существительное) — корнеплод, выращиваемый людьми. Чтобы табук стал съедобным, его нужно отварить.

Тава (междометие) — здравствуй.

Тави (существительное) — птица.

Таратанк (имя собственное) — древний оркский город, разрушенный во время вторжения вашавоки. В те времена, когда королева всегда происходила из рода Па, Таратанк был городом королевы. У других кланов также имелись свои палаты в Таратайке. Поэтому его принято было также называть Городом матриархов. Таратанк служил центром оркской цивилизации на вершине ее процветания, изящество и великолепие этого города не знали себе равных. В связи с тем, что в те времена орки ничего не знали о ведении войн, город был лишен оборонительных укреплений.

Тва — нет, не.

Твада — положение, при котором оркская мать становится неприкасаемой. Существует два вида твады. Они очень отличаются друг от друга причинами и сутью. Ритуальная твада носит временный характер и относится к матерям, которым предстоит участие в определенных важных духовных ритуалах типа «Вхождения во мрак». Прикосновение к такой матери считается опасным и для нее, и для всех остальных. При такой тваде матери нельзя есть и видаться с сыновьями.

Вторая форма твады — это наказание, накладываемое на мать за то, что она вступила в соитие до благословения, или за то, что она продолжает запрещенную ей связь. Такую мать считают мертвой, и ни один из членов оркского общества не станет открыто общаться с ней. Эта форма твады постоянна. Мать-твада ведет призрачное существование на задворках общества. Ее видят, но игнорируют. Порой бывает так, что мать-твада умирает от голода и слабости, но, как правило, орки поддерживают такую мать, «теряя» что-то необходимое для жизни неподалеку от нее.

Интересно отметить, что такому наказанию подвергаются только матери. Совершившие подобные проступки сыновья попадают в немилость, но им позволено оставаться в обществе.

Твердое молоко — так орки называют сыр.

Темная тропа (имя собственное) — так люди именуют загробную жизнь. Также говорят «Бессолнечный путь». Это вид существования, противоположный жизни в мире живых. Духи умерших уходят по Темной тропе на запад к богине Карм и по пути лишаются своих воспоминаний.

Тив — оркский инструмент для земляных работ — лопатка с короткой рукояткой и узким плоским лезвием, присоединенным к рукоятке под прямым углом. Применяется для посадки порезанных на куски корнеплодов и корней.

Толум — см. *Воинские звания*.

Трим — иметь сексуальные отношения (соитие).

Тул (прилагательное) — настоящий, реальный, существование которого неоспоримо подтверждается. Слово по значению близко к слову из языка людей «истинный», но у орков

нет антонима для этого слова.

Тунг (существительное) — культурное растение с сочными листьями, выращиваемое орками. Густой сок тунга по вкусу напоминает похлебку.

Укус в шею — обычай, при котором один орк навсегда добровольно подчиняется другому. Такие отношения напоминают отношения учителя и ученика. От укушенного требуют беспрекословного подчинения.

Уркзимди (существительное) — так в древности орки называли людей. Это слово переводится как «вторые дети». Орки верили, что Мут ла сотворила людей после того, как сотворила орков. Слово вышло из обихода после вторжения вашавоки.

Уркзиммути (существительное) — оркский народ, орки («дети матери»).

Фалф (существительное) — вода.

Фалфхисси («смеющаяся вода») — крепкий очищенный спиртной напиток, настоянный на ягодах вашутхахи и на меду. Его часто пьют при завершении пира.

Фат (существительное) — дух, душа.

Фатма (имя собственное) — дар Мут ла оркам. Особый дух, покровитель независимости. Переходя от одной королевы к другой, Фатма изменяет дух той, к которой она переходит, смешиваясь с ним. Королева при этом начинает считать всех орков своими детьми и посвящает себя их благополучию. К ней также переходят частицы сущности предыдущих королев. Чем ближе королева к смерти, тем острее становится ее способность видеть истинную сущность других. Это позволяет ей избрать достойную преемницу. Поскольку дух королевы и Фатма соединены между собой, орки считают ее умершей, как только она передаст свой дар новой королеве. Поэтому они перестают открыто признавать ее существование.

Орки утратили Фатму, когда их королева была убита при разрушении Таратанка. На протяжении жизни нескольких поколений у орков не было королей, и они пережили период хаоса. Фатма вернулась к оркам, когда в одном из восточных поселений родилось дитя, одержимое этим духом. Девочка принадлежала к клану Ят, и этот клан впоследствии стал королевским кланом.

Флис Мути (имя собственное) («Прыжок Матери») — оркское название моста через реку Турген.

Ханмути (существительное) («очаг матери») — круглая комната с очагом в середине, средоточие жизни семейства. Здесь происходят трапезы. К ханмути примыкают спальни. Ее наружные стены символизируют «Объятия Мут ла». Верховная мутури правит в ханмути и требует подчинения от всех членов семейства.

Хисс (корень глагола и существительное) («шипеть») — смеяться, смех.

Человек (существительное) — так называют себя вашавоки.

Человек Королевы — см. *Воинские звания*.

Шаш (корень глагола и существительное) — благодарить, благодарность. «Шашав» переводится как «благодарю», «спасибо».

Шилдрон — см. *Воинские подразделения*.

Хай — да.